
ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Столица Афганистана — Кабул. Проспект Майванд.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Сегодня выходной. Люся Костарева (слева) и Тамара Трошева не торопятся... (см. в номере фотоочерк «Морозным днем»).

Фото И. Туннеля.

ОГОНЁК № 9 (1498) 26 ФЕВРАЛЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Президиуме XX съезда КПСС. На трибуне: Председатель Совета Министров СССР Н. А. БУЛГАНИН.

Фото Дм. Бальтерманца.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 21 ФЕВРАЛЯ 1956 ГОДА

К Москве, к Большому Кремлевскому дворцу прикованы взоры миллионов людей всего мира. Здесь заседает Двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза. На имя съезда поступают сотни писем и телеграмм — из далеких сел и городов нашей Родины, от наших зарубежных друзей, внимательно прислушивающихся к каждому слову, произносимому с высокой трибуны съезда.

Слова привета Коммунистической партии Советского Союза принесли в Большой Кремлевский дворец представители коммунистических и рабочих партий всего мира. И вспыхивали подобные грому аплодисменты, когда на трибуну поднимались руководители коммунистических и рабочих партий. Их устами говорили миллионы людей, всем сердцем одобряющих великую программу работ нашей партии.

По отчетному докладу ЦК КПСС, сделанному Никитой Сергеевичем Хрущевым, выступали партийные работники, передовые рабочие, колхозники, ученые и писатели, люди, вносящие свою лепту в дело строительства коммунизма. В каждой речи выражены большая забота о бу-

В перерыве между заседаниями XX съезда КПСС. Делегаты партийной организации Украины попросили членов Президиума съезда сфотографироваться с ними.

дущем нашей Родины, горячая поддержка политической линии и практической работы ЦК. И когда закончились прения, съезд в обстановке полного единодушия принял постановление по отчетному докладу ЦК КПСС.

«Заслушав и обсудив отчетный доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущева Н. С. о работе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, XX съезд Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

Целиком и полностью одобрить политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета КПСС».

Целиком и полностью присоединяется к Постановлению съезда весь советский народ, который видит в своей родной Коммунистической партии мудрого вожатого, ведущего нашу Родину к новым победам.

Целиком и полностью присоединяются к Постановлению съезда миллионы наших друзей за рубежом — и в Китайской Народной Республике, и в странах народной демократии, и наши товарищи в капиталистических государствах.

И когда делегаты стоя аплодировали только что принятому постановлению, в этом чувствовалось могучее единство нашей партии, ее великая организаторская сила, решимость идти по пути, указанному вождем и создателем Коммунистической партии — Владимиром Ильичем Лениным.

21 февраля 1956 года Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. А. Булганин сделал доклад «Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы». В спокойных и уверенных словах докладчика раскрылась перед всем миром величественная картина нашего будущего.

В свое время наши недруги на Западе говорили о первой советской пятилетке: «Это утопия, авантюризм Кремля». Они и ко второй пятилетке отнеслись скептически и к третьей. А тем временем наш народ творил свое дело, досрочно выполняя все намеченные планы. И вот теперь, когда мир узнал о шестой пятилетке, буржуазные пророки притихли. Более того, на страницах западной буржуазной печати появляется все больше высказываний о силе и мощи Советского Союза. Буржуазные пропагандисты уже не говорят теперь о том, что новая советская пятилетка «невыполнима». Они весьма обеспокоены грандиозностью этого плана и тем, какое впечатление он произведет на сотни миллионов людей земного шара.

В своем докладе товарищ Н. А. Булганин четко сформулировал главные задачи шестого пятилетнего плана: «...На базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа».

Эти величественные задачи по плечу нашему народу-творцу. С верой в свои силы, в творческую инициативу масс народ берется за осуществление новой пятилетки. И об этом во весь голос говорили делегаты съезда, выступая в прениях по докладу товарища Н. А. Булганина. Они горячо одобряли мудрый проект Директив по шестой пятилетке, проект, подготовленный коллективным разумом Коммунистической партии. Делегаты съезда вносили свои добавления, предложения в этот план. И в каждом таком предложении — забота о дальнейшем процветании нашей страны, росте ее экономики, культуры, материального благосостояния народа.

Пройдут десятилетия, но навсегда останется в памяти исторический XX съезд, съезд победоносных строителей коммунизма, съезд, продемонстрировавший могучее единство Коммунистической партии, ее неразрывную связь с советским народом.

Под непобедимым ленинским знаменем, вдохновленный мудрыми решениями XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, наш народ уверенно идет к коммунизму.

А. СОФРОНОВ

Группа делегатов съезда в перерыве между заседаниями. Слева направо сидят: токарь Воронежского экскаваторного завода А. М. Воронцов, секретарь Воронежского горкома КПСС А. А. Королев, комбайнер Павлодонской МТС Герой Социалистического Труда Н. В. Ляшенко, звеньевая колхоза имени Молотова, Воронежской области, П. А. Пустовалова, секретарь Горьковского обкома КПСС Н. Г. Игнатов. Стоят: директор Калачеевской МТС В. В. Мельников и секретарь Воронежского обкома КПСС С. Д. Хитров.

К. Е. Ворошилов и Г. М. Маленков беседуют со знатным полеводом колхоза «Заветы Ленина», Курганской области, лауреатом Сталинской премии Т. С. Мальцевым.

ЧЖУ ДЭ
(компартия Китая).

Б. БЕРУТ
(Польская объединенная рабочая партия)

А. НОВОТНЫЙ
(компартия Чехословакии).

М. ТОРЕЗ
(Французская компартия).

Г. ГЕОРГИУ-ДЕЖ
(Румынская рабочая партия).

Э. ХОДЖА
(Албанская партия труда).

Н. С. Хрущев и А. И. Микоян беседуют с председателями колхозов Таджикистана С. Урунходжаевым и С. Фатаевым (справа).

М. Ракоши (Венгерская партия трудящихся) и Е. Д. Стасова.

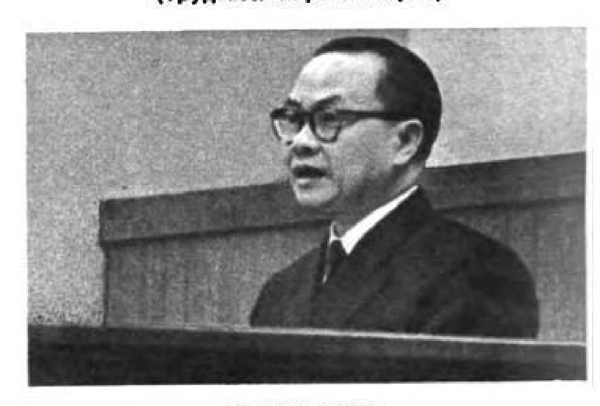
В. Ульбрихт (Социалистическая единая партия Германии) и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

П. Тольятти (Итальянская компартия) и дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак.

ЦОЙ ЕН ГЕН
(Трудовая партия Кореи).

ЧЬЮНГ ТИНЬ
(партия трудящихся Вьетнама).

Г. ПОЛЛИТ
(компартия Великобритании).

Д. Н. АЙДИТ
(компартия Индонезии).

Ю. ЦЕДЕНБАЛ
(Монгольская народно-революционная партия).

А. ААЛТОНЕН
(компартия Финляндии).

Делегаты съезда на Постоянной Всесоюзной строительной выставке.

Д. Ибаррури (компартия Испании) и В. Червенков (Болгарская компартия) среди делегатов съезда.

В. КОДОВИЛЬЯ
(компартия Аргентины).

М. РЕЙМАН
(компартия Германии).

И. КОПЛЕНИГ
(компартия Австрии).

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Делегаты съезда единодушно одобряют Постановление XX съезда КПСС по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС.

В ДНИ XX СЪЕЗДА КПСС

На заводе «Динамо»

Московский завод «Динамо» имени С. М. Кирова. Заводской коллектив завершил план пятой пятилетки 21 октября прошлого года. План 1956 года динамовцы обязались выполнить к 25 декабря и дать сверх плана продукции на 4 миллиона рублей.

В эти дни во всех заводских цехах люди знакомятся с материалами XX съезда КПСС. Коммунисты и беспартийные говорят о том, какие задачи стоят перед заводом в шестой пятилетке.

На снимке: технолог обмоточно-изоляционного цеха В. Ананьев беседует с рабочими участка аппаратных катушек.

Фото М. Савина.

Впереди — коммунисты

Из механического цеха завода «Вольта», поставив к своим пяти станкам ученика Альфреда Перкмана, уехал в Москву на XX съезд партии знатный строгальщик Эстонской республики Аугуст Янович Кууск. Он увез с собой рапорт: обязательства, взятые заводом в честь съезда, перевыполнены. Аугуст Кууск мог бы рапортовать с гордостью и о своих личных трудовых успехах: в дни, предшествующие съезду, он перевыполнял дневную норму в два — три раза.

С неослабевающим вниманием следит за работой съезда коллектив «Вольта». Сидя в перерыве у репродукторов, ветераны завода, соратники Кууска, вспоминают: здесь, кажется, совсем недавно ютились мыловаренная и кондитерская фабрики, склад селедок, теннисный корт и еще десяток мелких учреждений. Все они после войны переехали отсюда, многие из них, в свою очередь, стали крупными предприятиями, а заводу электромоторов все еще не хватало места. Он рос и ширился, вступили в строй новые огромные цехи, оснащенные автоматическими и полуавтоматическими станками, внедрялись новые методы труда.

Еще недавно одной из самых трудоемких операций была обточка вала электродвигателя. На обработку каждого вала уходило 36 минут. Два года назад на заводе установили автоматическую линию по обточке валов — теперь вал обтачивают за 2,6 минуты. Немного позднее вступила в строй линия агрегатных станков по обработке станины электродвигателя. Теперь эта деталь требует в три раза меньше времени, чем раньше.

Многое изменилось на заводе «Вольта» за короткий промежуток между двумя съездами партии. Поточные методы сборки и обмотки электромоторов, заливка алюминиевых деталей под давлением, новый малярный конвейер, полуавтоматный станок для шлифовки подошвы электроутюгов в цехе ширпотреба — все это дало

Аугуст Кууск у станка.
Фото С. Розенфельда.

возможность увеличить производительность труда, поднять выпуск продукции.

Сейчас, в дни съезда, на заводе устанавливается новый автоматический станок для балансировки ротора, который тоже даст большую экономию времени на этой операции.

Теперь «Вольта» выпускает во много раз больше продукции, чем в первые послевоенные годы. «Вольта» — один из крупных заводов электромашиностроения, он выполняет заказы шести тысяч потребителей. Многие из них находятся за пределами нашей Родины: в странах народной демократии, в Индии, Бирме, Турции. В этом году заказы из-за границы составляют значительную часть продукции завода.

С большим подъемом трудятся вольтовцы в дни съезда. Впереди идут коммунисты. На заводе с уважением говорят о модельщике Эдуарде Суйтса, о токаре Шейбеке Баетове, о слесаре Юлиусе Курм, о лекальщике Николае Кутепове и о многих других передовых людях завода, выполняющих за смену больше двух норм.

Н. ТОЛБАСТ

Заочники уральского вуза

В отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду подчеркнута необходимость «создать наиболее благоприятные возможности для учебы рабочих, служащих, колхозников без отрыва от производства, так как это один из надежных, проверенных многолетней практикой путей подготовки квалифицированных инженерно-технических кадров, хорошо знающих производство».

На примере Уральского политехнического института имени С. М. Кирова видно, как велико внимание партии и правительства к заочному обучению. Директор института делегат XX съезда КПСС профессор Н. С. Сиунов рассказал нашему корреспонденту:

— На заочных отделениях и вечерних факультетах нашего института, которые имеются при крупнейших предприятиях в различных городах Урала, обучается 5 500 рабочих и специалистов-практиков. В пятой пятилетке количество студентов-заочников возросло в три раза. Учебно-консультационные пункты института созданы при предприятиях Свердловска, Нижнего Тагила, Каменск-Уральского, Кургана, Первоуральска, Молотова, Уфы, Краснотурьинска и других городов Урала. На многих предприятиях открыты вечерние факультеты со специальными аудиториями и лабораториями для практических занятий.

Это своеобразные филиалы политехнического института на заводах. Некоторые из них по количеству студентов равны солидному вузу. Только на Уралмашзаводе насчитывается 800 студентов вечернего факультета и 500 заочников. В Первоуральске для заочников и студентов вечернего отделения политехнического института, работающих на Новотрубном заводе, построено двухэтажное здание учебного корпуса с просторными аудиториями, хорошо оборудованными физическими и химическими лабораториями.

В шестой пятилетке Уральский политехнический институт значительно увеличит сеть заочных и вечерних отделений. Уже в текущем году только на заочные факультеты мы намерены принять более 2 тысяч молодых рабочих и практиков, занимающих инженерно-технические должности.

В Свердловске в течение 1957—1958 годов будет построен большой учебный корпус на 3 тысячи студентов для слушателей вечерних факультетов и заочников. Стоимость строительства и оборудования нового учебного корпуса — не менее 25 миллионов рублей.

Студенты-заочники Уральского политехнического института на лабораторной практике.
Фото И. Тюфякова.

Первая очередь

Белорусская столица — город многочисленных строек. Ежегодно в Минске вступают в строй новые промышленные предприятия, культурно-

Цех малосерийных изделий.
Фото М. Савина.

бытовые здания, целые кварталы жилых домов. Столичные стройки получают щиты и блоки с минской маркой. Это первые изделия Минского завода железобетонных конструкций — одного из крупнейших в стране.

На новом предприятии уже действуют мощная котельная и компрессорная, механизированный цементный склад, бетонный завод-автомат, родной брат тех, что работают на сооружении гигантских гидроэлектростанций, и цех малосерийных изделий производительностью в 15 тысяч кубометров железобетона в год.

Но все это только первая очередь, составляющая примерно десятую часть проектной мощности всего предприятия.

В. ПОНОМАРЕВ

НАШИ ВЗОРЫ ОБРАЩЕНЫ К МОСКВЕ

Богомил НОНЕВ,
редактор болгарского журнала «Наша Родина»

В этом году сильный мороз сковал болгарскую землю. Глубокий снег покрывает поля, а с гор дует острый, пронизывающий ветер, который гонит людей с улиц. Но наш народ знает: сейчас хлебное зерно скрыто глубоко под снегом, оно греется и зреет в ожидании первых весенних дней, оно прорастет. Наш народ видит: никогда столько прекрасных дел не свершалось у нас, сколько теперь.

В сотый, в тысячный раз обращены наши взоры к советской столице, будто сами мы в Москве,— так быстро доходят до нас слова XX съезда КПСС. В ранний утренний час газеты нарасхват. Несмотря на мороз, люди останавливаются на улицах перед репродукторами. Сейчас в Москве обсуждаются вопросы, которые имеют жизненное значение и для Болгарии, для всего лагеря мира и социализма.

Но оставим пока нашу столицу Софию и отправимся на север, в равнину Добруджи. Здесь ветер холоднее, сугробы глубже.

И вот тут, далеко от столицы, в селе Гешаново, на другой день после того, как в Москве открылся съезд КПСС, в большой читальне собрались крестьяне. Село это одно из передовых в районе. За истекший год план тут перевыполнили, а оплата трудодня увеличилась вдвое. Александр Поржулов предложил назвать кооператив именем Двадцатого съезда. Ему не пришлось мотивировать свое предложение.

Из равнины Добруджи отправимся в Бургас. Это наша самая большая торговая пристань. Пароходы прибывают и отбывают. Советский корабль «Орел» грузит медь, итальянский пароход «Стадиум» выгружает албанский асфальт для наших новых дорог, его собрат, другой итальянский пароход, увозит цемент для Пакистана, на турецком пароходе «Сэльчук»—транзитные товары для Чехословакии. Над Бургасской пристанью идет непрерывный снег, а северный ветер надувает, словно парус, лозунг на кумаче: «Мы работаем в честь XX съезда КПСС».

Многие в эти дни работают в порту отлично. Но особенного успеха достигла бригада Яни Пилаева. Он говорит:

— Наши трудовые успехи посвящены XX съезду. Этим мы выражаем нашу благодарность великой партии, которая научила миллионы людей, как надо бороться и побеждать.

Вернемся в столицу Болгарии. Сегодняшние газеты одновременно с московскими опубликовали выступление товарища Вылко Червенкова на XX съезде КПСС. Каждый честный болгарин, как сказал товарищ Червенков, испытывает чувство глубокой признательности и любви к Коммунистической партии и народам Советского Союза за бесстрашно проложенный ими путь к коммунизму. Большие заголовки украшают передовые статьи, посвященные XX съезду. «Работническо дело» называет съезд могущественной манифестацией единства КПСС и советского народа. Газета «Отечествен фронт» говорит о съезде, как о факеле, озаряющем путь народам. Газета «Народна младеж» пишет: «Москва раскрывает широкие горизонты». Шапка «Литературен фронт» гласит: «Судьба человечества в крепких руках».

Мы перелистываем газеты, сидя в трамвае, который увозит нас на окраину города, к ТЭЦ имени Сталина, где сейчас строится рядом со старой электростанцией новая. «Молния» сообщает, что в честь съезда достигнуты большие успехи.

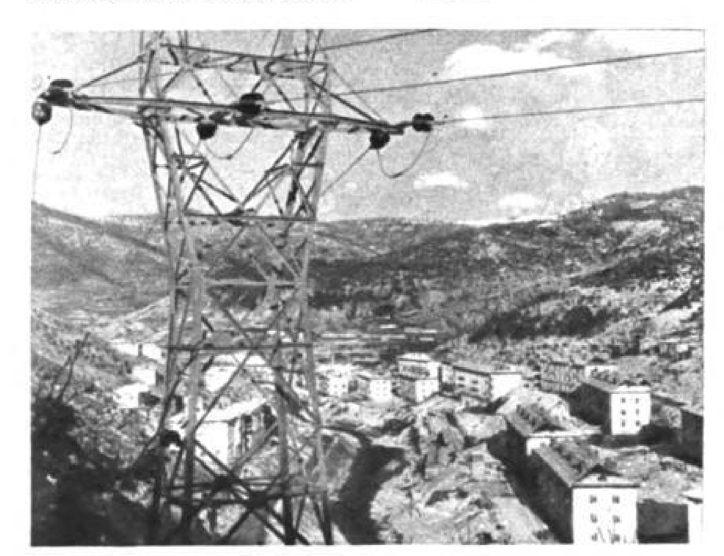
Здесь монтируют новые турбины, в три раза более мощные, чем старые. Мы беседуем со сварщиком Димитром Соколовым и советским специалистом К. А. Виноградовым.

— Работаем по новому, ежедневному графику,— рассказывают они,—по графику, составленному инженером Плотниковым из Таганрога, откуда привезены и котлы. План мы перевыполняем и к первому июня дадим энергию.

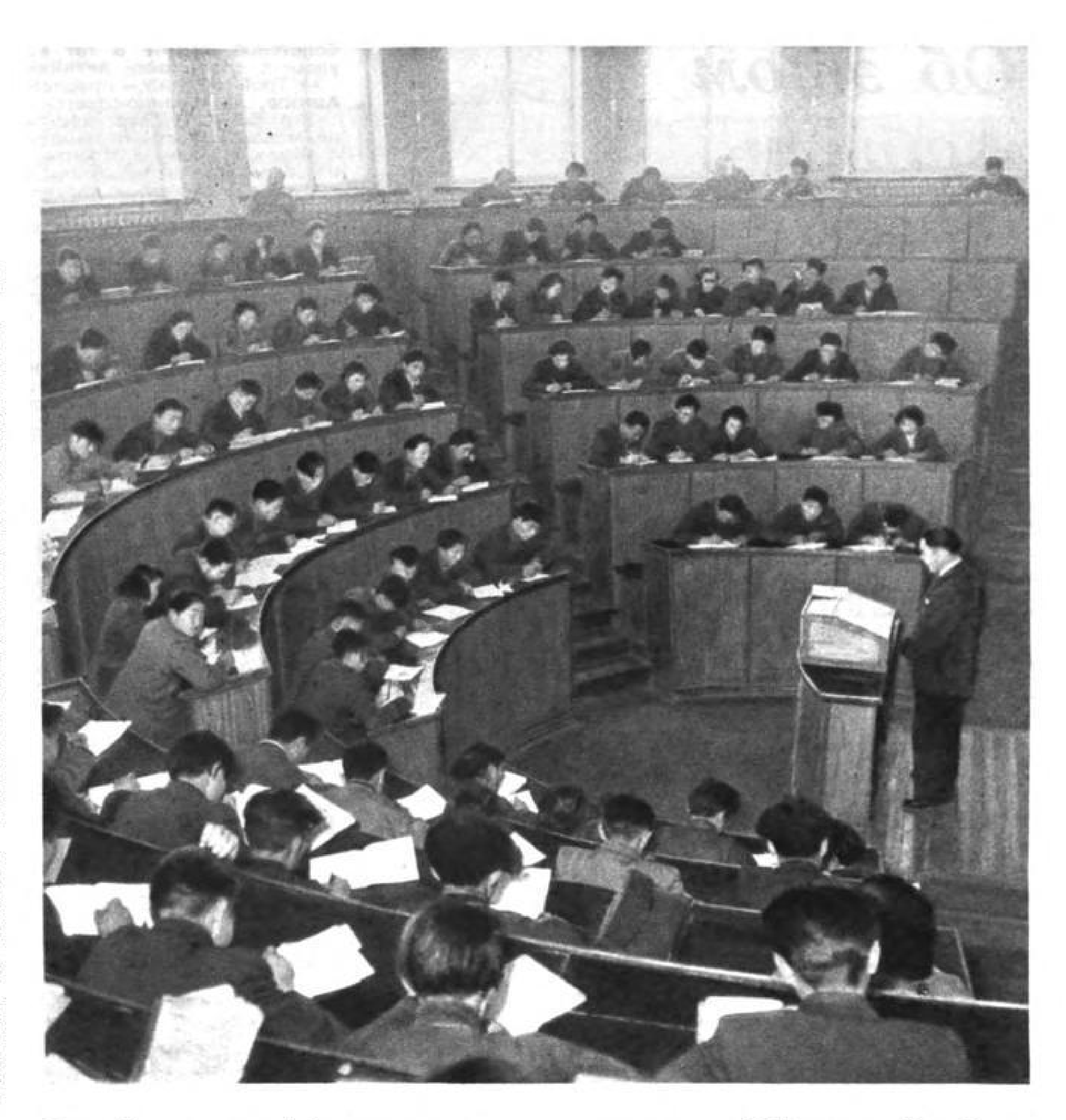
Со всех концов нашей Родины идут сообщения о трудовых подвигах в честь XX съезда КПСС. В самом молодом городе Болгарии — Димитровграде—рабочие химкомбината стали в честь съезда на трудовую вахту. Текстильные рабочие города Габрово соткали за вчерашний день шесть тысяч метров шерстяной ткани сверх плана. Большой трудовой подъем в Родопском бассейне.

Народ Болгарии ждет решений съезда. Взоры всех обращены к Москве, любимому городу — сердцу мира.

София.

Народная Республика Болгария. В Родопском бассейне развертывается крупное строительство: сооружаются новые промышленные города и шахтерские поселки с благоустроенными жилыми домами, магазинами, школами, народными читальнями, детскими учреждениями. На снимке: новые жилые дома в шахтерском городе Мадане.
Фото Владимира Димчева.

В одной из аудиторий Государственного университета имени Чойбалсана в Улан-Баторе.
Фото А. Новикова.

На монгольских просторах

Дондогийн ЦЭВЭГМЭД,
писатель, ректор Монгольского Государственного университета имени Чойбалсана

По бесснежной степи, щурясь от яркого солнца, скачут два всадника. Это Радна, директор 3-й школы Баян-Уулского сомона[1], и Жалма, главный врач местной больницы. Они торопятся в аратское хозяйство Бага. Настроение всадников под стать солнечному февральскому воскресенью. Типичные представители современной монгольской народной интеллигенции, дети в прошлом забитых, неграмотных скотоводов, они, как и тысячи других специалистов новой Монголии, участвуют сегодня во всенародной переписи населения. Невелико население Монголии — около миллиона человек, но территория страны превышает площадь Англии, Испании, Франции, Португалии и Ирландии, вместе взятых. Много простора здесь для человеческого труда, для созидания.

Народная революция 1921 года, совершившаяся под непосредственным влиянием Великого Октября, под руководством Монгольской народно-революционной партии, подняла простого арата на небывалую высоту. Монголы стали свободными тружениками, полноправными гражданами возрожденной родины.

Расширяется и укрепляется социалистическое народное хозяйство Монгольской Народной Республики. Много уже в ней государственных хозяйств, сельскохозяйственных объединений. Пустовавшие некогда земли ныне дают обильные урожаи пшеницы, проса, кукурузы, овощей. Дикие в прошлом степи наполняются гулом тракторов и комбайнов. В вечернее время рабочие госхозов, члены аратских объединений, кочевники-скотоводы слушают по радио голос Улан-Батора, голос Москвы и Пекина. В их домах и юртах сияют огни электрических лампочек.

Множатся в стране предприятия горнорудной промышленности, нефтяные вышки, заводы, депо, все шире раскидывает свою сеть телефонная связь, строятся новые дороги, прокладываются новые воздушные трассы.

Монгольский народ имеет с 1942 года свой Государственный университет, созданный с помощью Советского Союза. На четырех факультетах Государственного университета имени Чойбалсана обучается более 1 800 студентов. Университет уже дал стране свыше тысячи физиков, историков, химиков, геологов, литераторов, экономистов, врачей. Много веков монголы жили без медицинской помощи. Невежественные знахари не лечили, а губили народ. Все это ушло в безвозвратное прошлое. Во всех 18 аймачных больницах и поликлиниках, не говоря уж об Улан-Баторе, теперь работают наши, монгольские, хирурги, терапевты, педиатры, акушеры...

Оглядываясь на путь, пройденный нашей страной за последние десять лет, мы видим, каких огромных успехов достиг монгольский народ в строительстве новой жизни, успехов в развитии экономики и культуры. Эти успехи — результат нерушимой монголо-советской дружбы, которая изо дня в день укрепляется.

Нет в нашей стране человека, который не радовался бы тому, что от границы с нашим великим соседом, Советским Союзом, через горный лесистый север, через равнины средней полосы с ее бесчисленными кочевьями и прекрасными пастбищами, мимо маленьких поселений, разбросанных по необъятным просторам южной пустыни, до границы другого великого соседа на юге — Китайской Народной Республики — протянулись стальные ленты дороги Москва — Улан-Батор — Пекин.

Отмечая десятилетие подписания Договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР, мы шлем нашему великому брату советскому народу, великой Коммунистической партии Советского Союза искреннее, сердечное спасибо — «их баярллаа».

Улан-Батор.

[1] Сомон — район.

Об этом забыть нельзя

В феврале 1945 года полк истребительной авиации «Нормандия—Неман» стоял на покрытой снегом равнине. Помнится, французские летчики готовились к очередному боевому заданию.

Внезапно, как искра, всех облетела новость: Указом Президиума Верховного Совета СССР наша эскадрилья «Нормандия — Неман» награждается орденом Красного Знамени.

Раздалось дружное «ура!». Гулко забухали аплодисментами меховые рукавицы, шлемы полетели в воздух. Какая радость!

Летчики французского авиаполка «Нормандия—Неман», сражавшиеся на советско-германском фронте с 1942 года вместе с Советской Армией, были удостоены этой высокой награды за храбрость, за 270 побед, одержанных в воздушных боях против гитлеровцев. Все мы оценили по достоинству чуткость и внимание Советского правительства к французским летчикам: Указ был издан в день традиционного праздника Советской Армии. В тот вечер был веселый товарищеский ужин с советскими летчиками.

— Тройной тост,— предложил я.— За победу, за Советскую Армию, за франко-советскую дружбу!

Это было 11 лет тому назад, но такие минуты время не может стереть из памяти человека.

И вот я снова в Москве. Мне довелось еще раз ощутить, что благодатный ветер франко-советской дружбы, овевавший нас на полях войны против общего врага, продолжает оставаться живым, ободряющим.

...В моей комнате в гостинице «Савой» раздался телефонный звонок.

— Алло, Франсуа де Жоффр,— услышал я.— У телефона Кунин, бывший товарищ по «Нормандии». Помнишь Тулу, Дубровку? Я Кунин, из штаба.

Крик радости вырвался из моей груди.

— Еще бы я не помнил тебя, дорогой Кунин! Разве что мы оба постарели, а так мы те же, не правда ли?

Прошел час — и вот мы уже крепко жмем друг другу руки. Минуту молчим, думая о тех боевых товарищах, которых уже нет. Потом начинаются вопросы, воспоминания. Такая дружба не ржавеет, нет!

Через два дня новый звонок. Звонит бывший переводчик при «Нормандии—Неман». Сколько у нас было общих переживаний, печалей и надежд!

— Я теперь журналист,— говорю я русскому другу,— написал несколько книг, вот книга о «Нормандии—Неман», возьми ее в подарок!

Оказывается, он хорошо знает мои книги. И вот мы, русский и француз, встретившись через 11 лет, говорим много часов, тепло и просто, как друзья и соратники.

Покидая Москву, я говорю:

— Пусть дружба народов Франции и СССР служит делу мира и безопасности народов!

ФРАНСУА ДЕ ЖОФФР,
бывший летчик полка «Нормандия—Неман»,
кавалер Почетного легиона и советского
ордена Боевого Красного Знамени.

—На советских людей можно положиться,—

говорит представитель старейшей английской компании «Платт бразерс»

Когда письмо из Москвы с предложением снова начать торговые переговоры пришло на Чокспур-стрит, в главную контору лондонской компании «Платт бразерс лимитед», там все, начиная от клерка и кончая директорами, были взволнованы и обрадованы.

Директор компании Ральф Чайлз снова и снова перечитывал письмо из Москвы.

— Они говорят нам — давайте торговать,— обратился он к своим ближайшим помощникам, которые уже бывали в Москве,— Я полагаю, что мы должны сказать «да».

Этот ответ был одобрен всеми, кто имеет хоть какое-либо отношение к фирме «Платт бразерс», специализировавшейся на выпуске машин для текстильной промышленности, одной из самых старых и крупных фирм Англии. Дело заключалось не только в том, что фирма могла в результате новых переговоров подписать еще один контракт. Среди деловых людей Англии, умеющих трезво оценивать обстановку, все решительнее берет верх мнение: англичане должны расширять торговлю с Советским Союзом, ибо это важно для будущего Англии.

Наступил наконец день, когда Ральф Чайлз оказался в Москве. Он сам возглавил делегацию, потому что новый контракт очень важен и еще потому, что назрела необходимость поближе познакомиться с московскими деловыми людьми, установить личные контакты.

В комнате гостиницы «Метрополь», где мы встретились, кроме мистера Чайлза, были его ближайшие друзья — специалисты по торговле с Россией. Переговоры, ради которых мистер Чайлз прибыл в Москву, еще не закончились, и он, судя по всему, не очень хотел много говорить о них. Но по настроению, царившему в этой комнате, по быстрым, полным добродушного юмора ответам чувствовалось, что настроение у английских бизнесменов хорошее, что их миссия в Москве завершается успешно.

— Наша фирма,— начал мистер Чайлз,— уже в течение ста лет торгует с Россией. У нас есть хорошие традиции в торговле, и мы рады, что в Москве умеют их ценить.

Мистер Чайлз и его друзья вспоминали, что самый крупный контракт, который когда-либо заключался в мире на покупку-продажу текстильных машин, был подписан в Москве их фирмой два года назад.

— Сейчас речь идет о новом контракте? — спросил я.

— Да. В последние годы наша фирма работала над созданием новых машин для текстильной промышленности. Мы не жалели средств, и эти построенные по последнему слову техники агрегаты обошлись нам в сотни тысяч фунтов стерлингов. Сейчас мы продаем вам восемь образцов таких машин. Почему? Я буду отвечать по параграфам. Итак, первый параграф: мы продаем эти новейшие машины потому, что хотим торговать с вами еще сто лет. Параграф второй: мы продаем потому, что верим в будущее англо-советской торговли.

Параграф третий: мы продаем потому, что верим в ваш призыв «давайте торговать».

— Другими словами,— заметил я,— вы верите, что, продавая восемь новых машин, вы откроете путь для новых сделок?

— Совершенно верно. Есть ли у вас еще вопросы?

— Да. Вы впервые приехали в Москву, и читателям «Огонька» было бы интересно узнать ваше мнение о советских деловых людях, об их манере вести переговоры, умеют ли они, по-вашему, держать свое слово.

— Я буду опять-таки отвечать по параграфам,— говорит мистер Чайлз. — Параграф первый: мы нашли, что на советских людей можно положиться.

Параграф второй: они знают, что они хотят, и понимают толк в том деле, о котором ведут речь. Параграф третий: если они заключили договор, дали слово, то этому слову можно верить.

— Я верю,— говорит мистер Чайлз,— что торговля помогает дружбе народов, потому что экономика и политика, по-моему, неразделимы. Пусть больше англичан едут в СССР, и пусть больше советских людей приезжают к нам в Англию, тогда мы больше будем верить друг другу и наши народы станут еще бо́льшими друзьями.

— Это и есть самый важный параграф, не так ли?

— Именно так,— охотно согласился мистер Чайлз.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

У английских деловых людей, приезжающих в Москву, хорошее настроение! Слева направо: К. Сил, Д. Наттер и Р. Чайлз.

Фото А. Гостева.

БОИ... СО ШКОЛЬНИКАМИ

Мировая печать полна сообщений о боях английских солдат с... кипрскими школьниками. Посмотрите на этого маленького патриота — школьника из Никозии. Английский солдат вывернул мальчику руку и ведет его на полицейский пост.

Снимок из журнала «Пари матч».

СОВЕТСКИЕ ТУРИСТЫ В РИМЕ

Советские туристы, посетившие Италию, два дня провели в Риме. Знакомство с историческими памятниками проходило в необычных для Италии условиях: над городом бушевала метель, и улицы были покрыты снегом. На снимке: туристы СССР у музея Ватикана.

Фото Б. Светланова.

В доме на Невском

«Мы были несказанно рады, получив от вас драгоценный подарок — минерало-керамические резцы. Все с радостным волнением наблюдали за тем, как молодой токарь Тянь Жу-чэнь осторожно закреплял резец. Шесть раз подряд проводили опытное резание стали, но заметного износа резца не было обнаружено...»

Это письмо пришло из Мукдена в адрес Ленинградского

Печатаются плакаты, посвященные новаторам.

дома научно-технической пропаганды на Невском проспекте. Сюда пишут из Москвы и Харькова, Нижнего Тагила и Пензы, Минска и Свердловска, Риги и Саратова, из зарубежных стран. Адресанты просят выслать чертежи новых машин, приспособлений, интересуются скоростным резанием металлов, применением ультразвуков в промышленности, спрашивают о новых изданиях...

Многих привлекает этот дом на Невском проспекте. Одни приходят на семинар, посвященный развитию новой техники и прогрессивной технологии в шестой пятилетке, другие знакомятся с промышленной выставкой, третьи идут в библиотеку.

Если вы захотите увидеть машину, станок или прибор в работе, их включат. Представленные на выставке действующие механизмы — серийного выпуска.

Дом научно-технической пропаганды располагает своим издательским аппаратом, своей типографией. Вот с печатной машины сходят красочные плакаты, рассказывающие об изобретении слесаря Владимира Ефимовича Сырниченко. Он создал переносный станок для фрезерования и шлифования направляющих станин.

Своеобразно проходят «Дни новаторов». Они начинаются рассказами у досок и чертежей, а заканчиваются в демонстрационных лабораториях, оборудованных первоклассными станками.

Токаря лауреата Сталинской премии В. Н. Трутнева окружили товарищи по профессии с заводов имени Карла Маркса, имени Сталина, имени Второй пятилетки. Сегодня он знакомит со своим новым изобретением — самозажимным патроном.

Такие встречи часты в лабораториях. В последнее время тут побывали новаторы заводов Москвы, Одессы, Горького, Свердловска... В лаборатории резания впервые ознакомились с минерало-керамическими резцами и гости из Китая. Здесь были изготовлены эти резцы и направлены в подарок китайским друзьям.

К. ЧЕРЕВКОВ

Петер Пауль Рубенс (1577—1640). ОХОТА НА ЛЬВОВ.

Дрезденская галерея.

«Огонек». 1956.

Пьер Франческо Мола (1612—1668). ГОМЕР.

Дрезденская галерея.

НИКОЛАИЧ И НИНА

Рассказ

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Должно быть, именно потому, что Николай Кузьмич Коляда и Валерий Евгеньевич Стрельбицкий были людьми очень разными, они так быстро и сдружились, познакомившись в санатории.

Коляда — коренастый человек, с полным румяным лицом, с черной шевелюрой, в которой ранняя седина сверкала, как иней на антраците, с коротеньким толстым носом, со щетинистыми небольшими усиками, точно для того только и отпущенными, чтобы оттенять яркость мясистых губ, — как в день приезда снял с себя инженерную горняцкую форму, так и забыл о ней, щеголяя без шапки, в украинской вышитой рубахе, в брючках из сурового полотна и сандалиях на босу ногу. Стрельбицкий, тоже инженер-горняк, высокий, горбоносый, худощавый человек, с большой копной темнорыжих волос, приехал в санаторий без формы. Но даже на пляже, даже в погребке грузинских вин, куда отдыхающие нет-нет, да и завертывали, возвращаясь с морских купаний, он держался так, будто на нем был строго сшитый китель, застегнутый на все пуговицы.

Разность их характеров определилась сразу же, как только сестра-хозяйка привела их в палату — большую комнату с затененной верандой и видом на море, где им предстояло вместе прожить двадцать восемь суток. Стрельбицкий, неторопливо распаковавший чемодан, стоял перед гардеробом и еще только обдумывал, как ему рациональнее расположить запасы белья и сорочек, а Коляда уже успел быстро и ловко все распихать по полкам и ящикам, разделся и в одних трусах с явным удовольствием сбривал перед зеркалом могучую щетину. И пока он орудовал бритвой, сосед его успел узнать, что шахта, которой управляет Коляда, одна из самых больших в Донбассе, что сам он на этой шахте работал когда-то, еще мальчишкой, коногоном, а учиться ушел по первому комсомольскому набору, что хотя диплом он защитил не хуже людей, но до сих пор не в ладах с правилами правописания, за что ему и влетает от жены, учительницы по профессии, а по характеру «женщины весьма серьезной».

Пока Коляда, оттопыривая языком то ту, то другую щеку и корча страшные рожи, с жестким хрустом брил подбородок, его молчаливый собеседник, осторожно перекладывавший тщательно выглаженные сорочки в гардероб, узнал также, что руководить большой шахтой — дело «ух, нелегкое», а потому интересное, что техника в Донбассе шагает так, что за ней, «разувшись и засучив штаны, едва поспеешь», но что в общем работать можно, надо только народ уметь слушать да не давать себе салом заплывать.

При этом Коляда хитро подмигнул собеседнику в зеркало:

— Поди, думаете, вот расхвастался, жирный черт, а сам поперек себя толще. Ошибаетесь, мы, Коляды, от природы квадратные. До сих пор пудовой гирей крещусь. Не верите?

Он осторожно, как некую хрупкую ценность, отложил бритву на стеклянную полочку, что была перед зеркалом, обвел комнату веселыми черными плутоватыми глазами, остановил взгляд на массивном кресле, стоявшем перед письменным столом, и вдруг, наклонившись, с неожиданной ловкостью схватил его за переднюю ножку и поднял на вытянутой руке, да так легко, будто оно было не из красного дерева, а из соломы. Затем, протирая одеколоном крепкую бычью шею, подмышки, волосатую грудь, он успел рассказать, что у него трое детей, старшая дочь — уже горный инженер, замужем, ждет не дождется сделать его дедушкой, да что-то там не получается; что средний — тоже отрезанный ломоть, кончает горный институт и тоже все в письмах расписывает «одну знакомую девушку», а младший, Николай Николаевич... нет, о Николаиче так не расскажешь, его увидеть нужно... Коляда прошлепал босыми ногами по паркету к своему чемодану, достал оттуда пачку семейных фотографий, выбрал из них одну и, не скрывая самодовольства, протянул ее Стрельбицкому.

— Вот! Будущее горняцкое светило.

На фотографии был снят толстый чернявый мальчуган лет пяти. Отцовский форменный китель приходился ему до пят. Круглая большая голова утонула в горняцкой фуражке. Поперек фотографии неровными, точно бы сложенными из спичек буквами было тщательно выведено: «Коле от Никола Никалаича».

— Похож, — только и сказал Стрельбицкий, быстро скользнув взглядом по смешной мальчишеской рожице.

Будь его собеседник не столь благодушно настроен, он, вероятно, обратил бы внимание на то, с какой поспешностью ему была возвращена фотография. Но Коляда этого не заметил, а только самодовольно хмыкнул: еще бы не похож, все говорят. И, должно быть, не удовлетворенный недостаточностью внимания, проявленного к его младшему, добавил:

— Коля-то ведь я, а Николаич он. Смекаете, какие дела?

Собеседник ничего не ответил. Даже улыбки не появилось на его бледных губах, обрызганных зеленоватыми веснушками. Коляда же ни в этот, ни в последующие дни так ничего и не узнал о своем сожителе. Но это не помешало им отлично поладить. Вскоре они даже стали скучать друг без друга. Так парочкой и появлялись в столовой, на ваннах, покорно путешествовали по классическим курортным маршрутам, вместе безропотно смотрели фильмы времен своей юности, какие сейчас рискуют показывать лишь в санаториях и домах отдыха.

Где бы ни появлялась квадратная фигура Коляды, сейчас же вокруг собирались люди, весело рокотал его густой басок, звучали хлесткая пословица или соленый анекдот, вкусно преподносимые на выразительном донбасском наречии, слышался раскатистый смех, а порой возникала и песня, не очень складная, зато веселая, в которую каждый поющий вкладывал все, что мог. А где-то рядом, не участвуя в общем веселье, но и не мешая ему, обязательно стоял высокий бледный Стрельбицкий, весь какой-то отсутствующий, углубленный в себя, занятый чем-то своим, далеким и, должно быть, невеселым.

Попытавшись раз—другой разговорить соседа по палате и не добившись успеха, Коляда оставил его в покое, рассудив, что не обязательно настойчиво стучаться в чужую душу, ежели ее держат столь плотно запертой. С одним он

не мог смириться, одного не мог простить молчаливому сожителю — это равнодушного отношения к Николаичу, по которому Коляда скучал все больше, по мере того как увеличивался срок их разлуки. А когда он все-таки принимался говорить Стрельбицкому о шалостях и затеях своего младшего или, потолковав по телефону с домом, с восторгом пересказывал, что кричал ему в трубку маленький проказник, Стрельбицкий не проявлял к этому даже вежливого интереса и как-то свертывался, точно еж. Добродушный Коляда, в свою очередь, ощетинивался, смолкал и раз даже улегся спать, не пожелав соседу доброй ночи.

Как бы там ни было, а в общем неплохо, согласно прожили они в одной комнате положенный срок да так, пожалуй, и разъехались бы, довольные друг другом, с приятным воспоминанием о мимолетном знакомстве, если бы не одно происшествие, случившееся в последний день их пребывания. Уже все было готово к отъезду: подведены всегда радостные в толковании курортных врачей итоги лечебных ванн и процедурных бдений; библиотекарша и культурник отметили в их курортных книжках, что книг и развлекательного инвентаря за ними не числится; в палате, перебивая иодистые запахи близкого моря, уже воцарился аромат фруктов, приобретенных в дар домашним; в корзинке под столом валялись ракушки, сушеные морские звезды, камушки и прочий хлам, собранный и купленный в разное время и разумно забракованный за полной ненадобностью при упаковке чемоданов. На спинках стульев висели отглаженные «городские» костюмы.

Оставалось совершить в нарушение санаторных правил еще одно обязательное, почти ритуальное дело: отправиться на поплавок и вспрыснуть благополучное окончание очередного отпуска. И они направились было туда по тропинке, спускавшейся через парк к морю, как вдруг, увидев, что рейсовый катер приближается к курортному причалу, Стрельбицкий остановился. Несколько мгновений он молча наблюдал, как суденышко пришвартовывается, разворачиваясь на пологой, цвета бутылочного стекла волне, потом виновато посмотрел на Коляду.

— Извините, мне тут нужно... Вернусь к ночи.

Коляда едва успел недоуменно крякнуть, а Стрельбицкий с отчаянным видом, с каким, вероятно, самоубийцы бросаются в воду, уже бежал вниз по извилистой дорожке и исчез в пестрой и яркой толпе, сразу же сгрудившейся у сходен.

Неожиданная выходка соседа не на шутку встревожила Коляду. Проследив за катером, пока тот не скрылся за пепельно-серым мысом, он не пошел в ресторан, а стал подниматься обратно в парк санатория, раздумывая над случившимся. То тревожное ощущение, какое испытывает человек, случайно прикоснувшийся к чужой тягостной тайне, овладело им. Приученный годами партийной и руководящей работы внимательно наблюдать людей, он вдруг понял, вернее, почувствовал, что какое-то горе, может быть, целая трагедия, тщательно скрываемая замкнутым, собранным человеком, прорвалась вдруг наружу. Эта мысль не выходила из головы, и Коляда весь день рассеянно бродил по парку, все время прислушиваясь к гудкам рейсовых катеров, нетерпеливо поглядывал на небо, следя за солнцем, которое, давно перевалив зенит, медленно катилось к горизонту.

Даже пухлое письмо из дома, переданное кем-то из отдыхающих, не отвлекло Коляду от тревожных дум. Он рассеянно вскрыл конверт, пробежал записку жены, сообщавшей всяческие домашние и шахтные новости. Отдельно в конверте лежал листок, вырванный из тетради. На нем был изображен квадрат, на котором покоился шар. С боков к квадрату примыкали грабельки с растопыренными зубьями. Все это сооружение, покоившееся как бы на двух ведерках, было окрашено в черный цвет, а фоном ему служило нечто ядовито фиолетовое неопределенных очертаний. Подпись, будто сложенная из разбегающихся спичек, поясняла: «Это папа загарел». На обратной стороне тем же спичечным шрифтом было выведено: «Коля едь я соскучал».

Коляда задумчиво разглядывал изображение, когда кто-то тронул его за плечо. Это был знакомый курортник, обычный партнер по шахматам. Лицо у него было озабоченное.

— Сосед ваш вон там внизу на скамейке сидит. Кажется, сильно перебрал... Проветрили бы вы его, не стоит ему таким в санатории появляться.

Коляда с проворством, которое трудно было даже предполагать в его квадратной фигуре, скатился вниз по дорожке, что вела к морю. На одинокой скамейке, почти скрытой в кустах ежевики, согнувшись, запустив пальцы в буйную рыжую шевелюру, сидел Стрельбицкий. Коляда остановился возле него, тяжело и шумно переводя дух, но тот даже и взгляда не поднял. В руке Коляда все еще держал послание сына. Взмахнув им, он беззаботно сказал:

— Глядите, Валерий Евгеньевич, Николаич-то мой как тут меня изобразил. Куда там Пикассо! Вот поросенок, так и пишет: приезжай, Коля, я соскучал, вот...

Стрельбицкий резко поднял голову, и Коляда вздрогнул и смолк, даже не договорив: так изменилось за эти несколько часов лицо соседа. Обычно бледное, оно было как-то неестественно, натужно красно. Зеленоватые глаза, всегда поражавшие своим спокойствием, как-то затравленно бегали; набрякшие, покрасневшие веки вздрагивали.

— Оставьте вы эти ваши глупости, идите к черту! — сказал он сквозь зубы.— Зачем вас сюда принесло, что вам от меня надо... Фотографийки, письмеца, рисуночки, Николаич... Сю-сю-сю, тьфу, ненавижу!

И он действительно плюнул себе под ноги, плюнул и даже растер плевок подошвой своей щегольской туфли. Коляда был озадачен. При всем своем добродушии он был не из тех, кого можно безнаказанно обидеть. В дни его шахтерской юности железный кулак частенько бывал последним аргументом в спорах, и первые силачи поселка опасались задирать коренастого мальчишку-коногона. А сейчас, когда давно уже забыт вес кулака Коляды, вряд ли в тресте, да и в самом главке нашелся бы человек, который решился бы так, ни за что, ни про что, обидеть управляющего знаменитой шахтой.

И вот Коляда стоял перед скамейкой, бережно свертывая в трубочку и вновь развертывая письмо сына. Он смотрел на собеседника и старался понять, пьян он или трезв и как в соответствии с этим следует реагировать на его слова. Опыт большевика, опыт руководства массой людей выработал в нем своеобразный инстинкт угадывать настроение окружающих. Сейчас инстинкт этот заставил пренебречь обидой, погасить досаду, не оставлять этого обозленного человека, очевидно, попавшего в какую-то беду. Коляда с добродушным кряхтеньем уселся на скамейку.

— Эх, Валерий Евгеньевич, Валерий Евгеньевич! Ну ладно, я вам за двадцать-то восемь дней мог и надоесть, а ребенок-то при чем?

— При чем?

Стрельбицкий резко повернулся к собеседнику, из серых глаз его на Коляду смотрели тоска, обида, зависть. Они были очень печальны, эти большие зеленоватые глаза.

— А при том, что у меня Николаича нет. Нет и не будет. Не может быть... Теперь вы хоть что-нибудь поняли, самодовольный вы человек?

Коляда молчал. Щепочкой он чертил на красноватой, плотно утоптанной глине дорожки эскиз своей шахты в разрезе. От ствола вел ветви штолен, веточки штреков.

— И не было? — спросил он будто бы между прочим, весь погруженный в этот свой чертеж.

Наступило молчание. Такое молчание, что слышно стало, как хрипловато дышит Стрельбицкий, как скребет о сухую глину щепочка и как тикают большие, толстые часы на волосатой руке Коляды. Наконец Стрельбицкий резко выпрямился.

— Была. Есть,— произнес он громко, с лающими интонациями в голосе.— Да, была и есть дочь, и в то же время ее нет и никогда не будет. Вы понимаете, что это значит?.. Ну, если на то пошло, позвольте, я вам расскажу. Вы инженер, вы понимаете, что если котел все время греть и не давать выхода пару, создастся избыточное давление и все полетит к черту. Мы завтра разъедемся и никогда не увидимся, Николай Кузьмич, родной. Можете вы меня выслушать? Ведь надо же кому-нибудь все это рассказать хоть раз в жизни.

— Ну что ж, открывайте ваш аварийный клапан, выпускайте пар, только уж прошу без ругани.

Коляда осторожным, даже ласковым движением стер ладонью с песка все, что успел на нем изобразить, выпрямился, поерзал на скамье, усаживаясь поудобнее.

— Только поймете ли вы? Ну, ладно... Это началось осенью вот здесь неподалеку, в год, когда в Испании шла гражданская война. Я только что окончил тогда институт, хорошо окончил, ждал ответственного назначения на восток, и вот, не столько для отдыха, сколько потому, что мне, как отличнику выпуска, дали путевку, приехал сюда в санаторий. Начинался ноябрь; там, наверху, на гребне хребта, уже кипели метели, а тут, внизу, под защитой скал, мы еще загорали, а кое-кто и купался, в том числе и я.

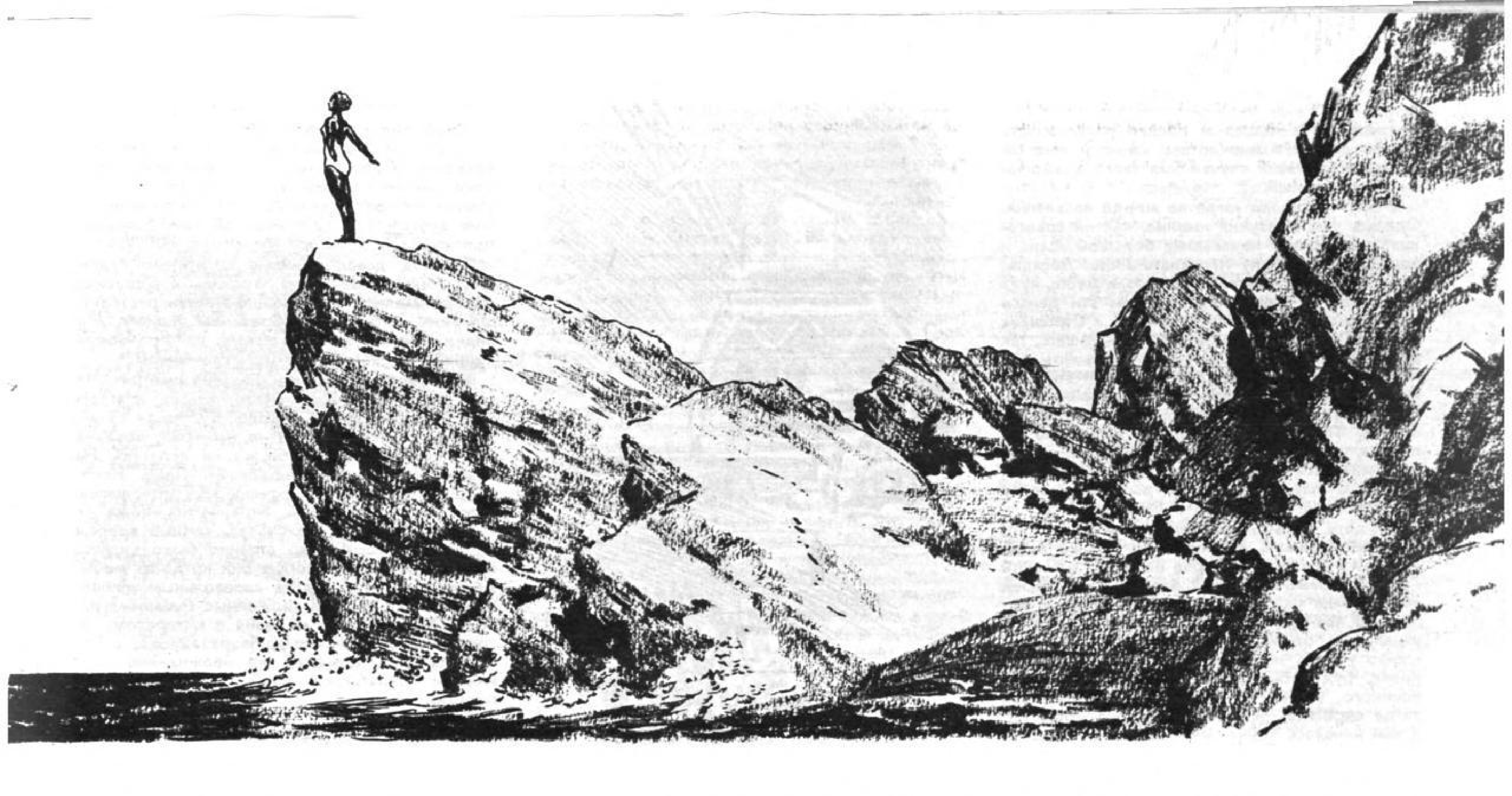
Это была первая санаторная путевка в моей жизни. Я никак не мог привыкнуть к столь высокоорганизованному безделью и, чтобы не портить своей кислой физиономией настроения соседям, сразу же после завтрака уходил с книжкой в скалы и тут в одиночку читал, загорал и плавал.

Надо сразу вам сказать, что одиночество мое было неполным. В полдень на рыбокоптильном заводе, что был неподалеку, раздавался гудок, а через несколько минут над скалами появлялся пестрый платочек, затем и вся девушка, тоненькая, очень молоденькая, в ситцевом сарафане и тапочках. Легко перепрыгивая с камня на камень, она поднималась всегда на одну и ту же скалу, что вдавалась глубоко в море, исчезала в расселине, затем на мгновение голубенький выгоревший купальный костюм и загорелое тело мелькали над скалой, раздавался всплеск воды, торжествующий веселый вскрик, и через некоторое время уже далеко в море на свинцовых неторопливых волнах виднелась головка, туго повязанная пестрым платком. Плавала она ловко, заплывала далеко, но всегда на одно и то же расстояние, потом поворачивала назад, скрывалась за скалой, опять появлялась в сарафане, легко перепрыгивая с камня на камень, и пестрый ее платочек исчезал за скалами.

Сначала я не обращал на нее внимания, потом стал следить за тем, как она деловито совершает свои ежедневные купанья, потом почувствовал, что с нетерпением ожидаю гудка и ее появления, стал думать о ней, кто она, какая она, где живет, какой у нее голос, какие глаза. Словом, вы уже догадались, я в нее влюбился, не сказав ей ни слова, даже не разглядев ее как следует. Это-то, вероятно, и сделало для меня необыкновенно трудным то, что делать в обычное время мне ничего не стоило. Мне казалось просто невозможным подойти к этой девушке, которую я видел каждый день, заговорить с ней. От одной мысли об этом мне становилось страшно, да, да, а познакомиться с ней хотелось все больше, и я не нашел ничего лучшего, как однажды нырнуть вслед за ней в ледяную воду и попытаться догнать ее в море.

Догнать! Она плавала, как дельфин. Только на миг я увидел где-то рядом смуглое худенькое лицо с тонко прочерченными бровями, с огромными черными глазами, казавшимися еще больше оттого, что глядели они из затененных глазных впадин. На мгновение я увидел где-то рядом задорную усмешку, а потом девушка плыла уже далеко впереди меня ловко, быстро, как умеют плавать здешние рыбаки, а я, считавшийся в институтской команде первым пловцом, изо всех сил работая руками, ногами, всем корпусом, сразу же безнадежно отстал. Я уже и не пытался догнать ее, но все же плыл за ней, не без основания рассчитав, что где-то она должна же повернуть. Так и случилось. И когда она, как обычно, доплыв до какого-то определенного рубежа, повернула к берегу, я пошел ей наперерез. Это было, конечно, не очень честно, но мне так хотелось с ней познакомиться, и я знал, что на суше мне нипочем на это не решиться. Когда мне осталось до нее сделать несколько взмахов, она остановилась. Черные брови ее были прихмурены, глаза смотрели сердито.

— Пропусти... Есть мне время играть в ловитки,— грубовато сказала она, но голос у нее был звонкий и нежный.

— Как вас звать?

— Уйди с дороги! Не уйдешь?.. Ну и дурень.

И она исчезла в волне, да, да, исчезла, а волна, на которой только что виднелась головка в пестром платке, продолжала катиться дальше. Через мгновение где-то значительно ближе к берегу послышался всплеск, и тот же звонкий голос сказал:

— Ну что, поймал пустое место? Только волосы зря мочить пришлось.

Девушка смотрела на меня издали с нескрываемым презрением, потом повернулась, поплыла к берегу, но тотчас же оглянулась, остановленная моим вскриком. Должно быть, я не рассчитал сил или, может быть, вода была слишком холодна, но только я почувствовал вдруг, как сразу отяжелели и точно окаменели у меня ноги. Крик вырвался из горла против воли, крик о помощи. Эта умница сразу все поняла. Она быстро подплыла ко мне, деловито, будто спасение утопающих было ее обычным занятием, приказала мне повернуться на спину и, приподняв снизу мою голову, ловко работая сильными ногами, потащила меня к берегу. Она меня спасла, так как не окажись она такой умелой и храброй, мы бы не сидели с вами здесь, и я не рассказывал бы вам этой истории.

Ее звали Лида. Ей шел восемнадцатый год. Отец ее, рыбак, погиб где-то тут, в море, в осенний шторм. Отчим был грузчик, а сама она работала засольщицей на рыбокоптильном заводе, мечтала почему-то стать врачом. Все это я узнал от нее на бегу, так как спасательная операция ее задержала, она боялась, что обеденный перерыв кончится и она опоздает в цех. Вот так-то, Николай Кузьмич, мы и познакомились с Лидой...

Стрельбицкий давно уже встал и теперь похаживал около скамьи, легонько поскрипывая подметками лосевых туфель. Коляда продолжал сидеть. Он смотрел на рассказчика. Лицо его было задумчиво, но что он думал, трудно было угадать.

— Ах, что за девушка была эта Лида! Не лицо, нет, хотя и лицо у нее было милое, а вся она была такая стройная, легкая... Говорила она грубовато, злоупотребляла здешними приморскими оборотами. Но была в ней какая-то внутренняя деликатность, такт, каких не видел я и у девчат, что вместе со мной получали инженерные дипломы. Как и раньше, мы виделись с ней только днем в перерывы, но теперь я встречал ее у ворот завода, провожал на пляж и обратно. Вечером она училась в школе рабочей молодежи, и мы видеться не могли... В жизни моей с того дня все переменилось. Я перестал скучать, время незаметно летело в мечтах о следующей встрече, и если раньше я, ложась спать, с тоской думал о том, как много еще осталось проторчать в санатории, теперь, наоборот, я со страхом ждал быстро приближавшегося отъезда. Вы понимаете, Николай Кузьмич, я полюбил, полюбил в первый и, вероятно, в последний раз, да, в последний раз в своей жизни.

— Это твоя жена? — спросил Коляда, почему-то переходя на «ты».

— Нет, это не моя жена, я женат на другой.

— Понятно.

— Что вам понятно? Я сам ничего не понимаю, это все так сложно.

— Вы с ней сошлись?

— Да. И это случилось в ночь перед моим отъездом. Утром пришла телеграмма, требующая, чтобы я прервал отдых и немедленно вылетал к месту назначения. Днем я показал ей эту телеграмму, вечером она не пошла в школу, мы побрели с ней прощаться с морем, уселись на камне и провели на нем ночь. Как сейчас помню, было холодно, над морем стоял туман, волны ворочались и метались среди прибрежных камней, в порту орали ревуны. Там ждали теплоход с детьми республиканской Испании, все очень беспокоились и подавали ему сигналы. Я называл Лиду женой, и мы мечтали о том, как, устроившись на новом месте, я приеду за ней, как мы заживем. Она затыкала мне рот шершавой ладонью своей маленькой сильной руки. Она говорила: сегодня лучше молчать, слова не нужны, они только мешают. Да, так она говорила, Лида. Вот вы спросили меня, жена ли она мне? Мы провели с ней только одну ночь, но когда сейчас впервые в жизни я обо всем этом рассказываю, мне становится все яснее и яснее, что ближе ее у меня все-таки никого не было.

На следующий день я улетел. Она отпросилась с работы, пришла посадить меня в самолет. Прощаясь, она поцеловала меня при всех, как если бы мы были совсем одни. Она очень храбра и прямодушна, эта Лида, храбра и прямодушна во всем. И вот я прилетел в далекие края, дело мне поручили интереснейшее, работать пришлось в местах мало обжитых. Обитали во временных бараках по четверо в комнате, а семейные по две семьи, причем в этих случаях комнату разгораживали брезентовым полотнищем. Каждый самолет приносил мне по два, три лидиных письма и уносил столько же. Но деньги, которые я послал Лиде из первой получки, вернулись. Она написала, что зарабатывает достаточно, и посоветовала излишки класть на книжку, пригодятся. Помногу она не писала, всего несколько строк, но я так привык читать эти строчки, что испытывал прямо физический голод, когда из-за пурги или метели самолет задерживался и не прилетал в положенный срок. Но вот однажды прибыло письмо толще обыкновенного. Мне принесли его прямо на работу, и, не знаю уж почему, мне стало отчего-то тревожно. Еле дождался, пока останусь один. Вскрыл конверт, и первая же строчка стукнула меня, точно молотком по темени: «Валерка, ты будешь отцом...» И все письмо в этом роде — сумбурное, полное непонятной мне радости...

Стрельбицкий перестал ходить, сел возле Коляды в той принужденно-небрежной позе, какие принимают на суде неопытные преступники. Он даже ногу на ногу закинул и прихватил под коленкой руками, но сплетенные пальцы дрожали, это было слишком заметно, и он спрятал руки в карманы.

— «Валерка, ты будешь отцом»! Здесь, в тайге, среди всех этих наших неустройств появляется Лида с ребенком. Я целые дни на разработках, она одна... Нет, к черту, надо хоть раз в жизни быть по-настоящему откровенным! Были, конечно, и такие соображения, но надо признаться, что больше всего меня смутило это неожиданное превращение в отца семейства, которое, как мне казалось, на первых порах, когда мне нужно показать и зарекомендовать себя, оторвет меня от дела... Так чудесно начал, работы по горло, начальство заметило, поручают важные дела. В коллективе начинают смотреть с уважением: дескать, из молодых, да ранний,— только разворачивайся, а тут детский писк, пеленки, молочко... Вот о чем я тогда думал... Вдруг завязнешь во всем этом — и прощай, мечты! Когда еще представится такой случай выгрести на стремнину? В таких делах ведь легко самому перед собой оправдаться: дескать, важное задание, интересы государства, ответственное дело...

Словом, дня три или четыре я все не решался ответить Лиде, все голову ломал, что написать. А тут еще соседом по общежитию оказался один техник, эдакий молодящийся лысячок, все старавшийся прикрыть свой блестящий биллиардный шар какой-то длинной прядью волос, похожей на оселедец запорожца. Ведь знал я о нем: дрянной человечишко, себялюб, бабник, знал, что и в тайгу-то он поехал, спасаясь от какого-то скандала по женской линии. Все знал, а вот именно не кому другому, а ему показал письмо, перед этим лысым стручком все самое интимное разложил. Повытащил он из меня всяческие подробности, посмаковал и заключает: все ясно, есть специальный сорт девиц, которые на студентов и молодых практикантов силки расставляют. «Расписаны?» «Нет, она не хотела, но какое это значение имеет? Ведь это же мой ребенок». «А откуда это известно, кому известно и почему именно ваш? Даже наверное

не ваш...» — и пошел и поехал рассказывать всякие случаи и анекдотцы, каких у него на всякий жизненный случай был запас прямо-таки неиссякаемый.

Я ему чуть было тогда по морде не влепил. Однако, увы, поступил именно, как он советовал: выпросил у начальника большой аванс и поручил этому типу переслать Лиде. Дескать, друг ваш уехал далеко и надолго, в места, куда почта не попадает, и велел вам эти деньги переслать на поправку здоровья... Страшная гадость. Жутко вспомнить. Но рассказывать, так рассказывать. Да о чем тут рассказывать, вы, наверное, и сами догадались. Деньги эти вернулись «за отказом адресата в получении», как значилось в переводе, и больше ни слова, ни строки. Потом я спохватился, испугался, но письма, открытки, телеграммы с оплаченным ответом — все это исчезало куда-то. Пробовал писать в парторганизацию рыбокоптильного завода, даже в горсовет. В ответ ни слова.

Думаете, на этом все так и кончилось? Нет, Николай Кузьмич, дорогой мой, только начиналось. Я все еще не терял надежды отыскать Лиду. В первый же отпуск, это было уже перед войной, мне удалось наконец вырваться и попасть в тот приморский город. На заводе я узнал, что отчим Лиды умер, что сама она где-то учится, не то в Свердловске, не то в Киеве, будто бы замуж вышла за какого-то военного. И почему-то я так и не решился тогда спросить, есть ли у нее ребенок... Ну, а там началась война, мы вели тогда подземные работы на приграничных фортификациях, и случилось так, что я попал в госпиталь одним из первых, как жертва вражеского артиллерийского налета. Ничего особенного, обыкновенная контузия, но от военных сооружений меня отстранили, послали в тыл, за Урал. Ну, а там горняку, как вам известно, дел хватало. На хорошей женщине женился, и живем мы дружно. Но детей нет. Впрочем, ни я, ни жена этим как-то даже не огорчались: оба всегда заняты, оба в постоянных разъездах. Нет детей, ну и что ж, даже, по совести говоря, и раздумывать об этом как-то было некогда...

— Так...— многозначительно растянул Коляда и отвернулся, скрывая усмешку, что, должно быть, против воли выползла на его пухлые, яркие губы.

— Вы подождите такать,— нервно перебил Стрельбицкий,— я действительно никогда не задумывался над этим до последнего времени. Вот до этого самого месяца, до того, как я поехал сюда, на это проклятое побережье. Я вам, кажется, говорил, что прибыл через Одессу на дизель-электроходе «Россия»... Захотелось, видите ли, поглядеть этот лайнер. Ну как же, семь этажей, лифт, пять тысяч пассажиров... И вот отваливаем мы от Одессы. Провожающих, несмотря на ночное время, на пристани много, шум, крики, пожелания всяческие. Мне, как человеку, которого никто не провожает, конечно, грустновато в этой каше. И вдруг кто-то мне в самое ухо: «Папочка, папка! Забыла чепчик, купальный чепчик, розовый, пошли самолетом». Вижу, внизу на пристани какой-то крепыш, вроде вас, в генеральской форме сложил руки трубой и озабоченно спрашивает: «Какой чепчик?» А мне в ухо опять: «Розовый, розовый же, он на диване под Симоновым лежит, ну, под Симоновым, под книжкой, под стихами... Вот бестолковый какой!..»

От детского этого крика у меня в ухе зазвенело. Оглянулся, и сразу бросились мне в глаза кудри, целая шапка и того цвета, который вежливые люди называют темно-каштановым, вот как у меня, даже в зелень ударяет. Оглядываю обладательницу кудрей повнимательнее и вдруг холодею: Лида, ну да, только маленькая и рыжая. Стройная, смуглая девочка стоит передо мной, изящные черты энергичного лица, огромные черные глаза, брови такие разлетистые... Ну Лида, маленькая Лида, только под смуглотой не бледность, а румянец. И эти волосы такого необыкновенного для смуглянки цвета.

Сначала я разглядывал ее, пораженный случайностью такого сходства, потом прикинул в уме ее возраст, и вдруг в корабельной сутолоке, в духоте южной ночи меня взял озноб, сорочка прилипла к лопаткам...

Эта девочка, живая, как огонек, не обращала на меня никакого внимания. Она что-то с

азартом продолжала кричать провожавшему ее человеку, а во мне боролись два желания: хотелось схватить чемоданы и бежать с судна, пока еще не подняли сходни. И в то же время тонкий профиль девочки, так напоминавший мне другой, все еще дорогой мне профиль, притягивал, и я не мог отвести от него глаз.

Пароход давал хриплые отвальные гудки, огни города, вздрогнув, отплыли и медленно поворачивались. Уезжающие махали платками, шляпами, стоял невообразимый галдеж, а я видел только этот профиль да бронзовые кудри, развеваемые ночным свежачком.

Вдруг я почувствовал: на меня смотрят. Не девочка, нет, она все еще махала платком огням удаляющегося города. Смотрели сзади. Я оглянулся и опять ощутил, как сразу повлажнели воротничок и рубашка на лопатках. На меня смотрела уже настоящая Лида. Несомненно, это была она, очень еще моложавая, даже просто молодая. Бархатистая кожа на лице ее была так же смугла, темные волосы так же густы. Только странно было видеть: вместо двух кос, которые она когда-то любила перебрасывать назад своевольным движением головы, волосы, уложенные тяжелым венцом. Она смотрела на меня с интересом, но спокойно, с задумчивым безразличием, с каким смотрят, пожалуй, на неожиданно возникшее препятствие, решая, как лучше его обойти.

— Нина, — позвала она девочку, — холодно, доченька, пойдем в каюту.

— Ой, мамочка, папка такой смешной... Я ему кричу про купальный чепчик, что оставила на диване, а он спрашивает, какой Симонов — артист или поэт?..

Старшая еще раз спокойно и не без любопытства взглянула на меня, взяла дочь за талию, и, обнявшись, как подружки, они быстро исчезли в расходящейся толпе. А я все стоял на опустевшей палубе, и вид у меня был, должно быть, неважный, так как вахтенный матрос, смывавший из шланга палубу, сочувственно посмотрел на меня, остановился, сказал, что в медпункте есть какие-то таблетки от качки, и конфиденциально добавил, что хорошо в таких случаях помогает забортная вода.

Сначала я попытался убедить себя, что волноваться нет основания. Было ясно, все кончилось для Лиды как нельзя лучше, живется ей, видимо, неплохо. У ее дочери с тем военным, которого она называет папкой, очевидно, расчудесные отношения. Нельзя было не признать, что, сделав вид, что она меня не узнала, Лида поступала правильно и что, пожалуй, самое лучшее будет сойти на первой стоянке и, добравшись до санатория машиной, постараться поскорее забыть эту встречу.

Так думал я сначала. И это был голос разума. Но все эти разумные доводы вдруг совершенно испарились под впечатлением какого-то жгучего, еще непонятного мне самому интереса к этой девочке. Мне показалось вдруг очень важным, ну просто необходимым снова увидеть ее, хотя бы издали... Дочь, дочь, у меня есть дочь!.. Вскоре я уже метался по всем семи этажам этого огромного плавучего дома отдыха, слонялся по коридорам, смотрел на двери кают, стараясь угадать, в какой из них спит сейчас моя незнакомая мне дочь. Вахтенные дежурные, дремавшие у шкафчиков с ключами, уже приметившие меня, начали следить за мной подозрительно.

Проекты, один нелепее другого, возникали в голове. Броситься к Лиде в ноги, просить у нее прощения, просить вернуться ко мне, просить вернуть мне дочь, умолить Нину уйти от отчима и матери и поселиться со мной... Все это было пошло. Я сознавал всю постыдность этих затей, но не обдумывать их не мог. Потом, уже под утро, я бросился в свою каюту, заперся и написал Лиде идиотское письмо, в котором молил как о великой милости разрешить мне познакомиться с Ниной, хотя бы изредка посещать их, видеть дочь, говорить с ней. Теперь я уже думал, что имею право требовать, чтобы Нине хотя бы сказали, кто ее настоящий отец. Я ненавидел военного, которого она называла папкой. Ну да, мне казалось, что человек этот украл у меня единственного ребенка и что Лида была соучастницей этой кражи. Я с неприязнью думал уже и о ней.

Не помню уж, как я выбрался на палубу с письмом в руках. Давешний вахтенный матрос, расставлявший вдоль бортов шезлонги, с жалостью посмотрел на меня: «Не помогла забортная-то водица? Ну, тогда лимон купите и сосите все время. Может, полегчает».

Часов до десяти я мотался по ресторанам, столовым, буфетам разных этажей в надежде увидеть мать и дочь. Отыскал я их на корме. Они стояли у поручней и бросали в воду куски булки дельфинам, выделывавшим какие-то цирковые номера в белесых, взбулгаченных винтами судна волнах. Я почувствовал, что конверт прилип к ладони. Было очень трудно заставить себя подойти к ним. Но я все-таки подошел и остановился рядом. Мать, вздрогнув, посмотрела как-то сквозь меня и сказала: «Пошли, Ниночка!» Девочка удивленно взглянула на нее, перевела взгляд на меня, бровки ее сердито нахмурились. Она и сердилась, как мать, открыто и смело. За кого она меня приняла, я не знаю, но только мне стало очень не по себе от этого ее взгляда. Они быстро уходили, и я успел только заметить, что Лида со вчерашнего дня побледнела, выглядит не такой свежей и будто даже осунулась.

Стараясь не терять их из виду, я прислонился к стене и написал на конверте: «Что бы вы обо мне ни думали, вы не имеете права отказать в разговоре». Потом я бросился за ними, почти догнал их в коридоре, но дверь каюты сердито щелкнула почти перед самым моим носом. Стучать я не посмел и сунул конверт в щель под дверью.

За сутки я из уравновешенного человека превратился в психопата. Кусок не лез мне в горло, я боялся одиночества и не заходил к себе в каюту. Умом я сознавал, что поведение мое нелепо. Я призывал себя успокоиться, прекратить глупое преследование, выкинуть из головы Лиду и Нину, но, убеждая себя так, я только и делал, что высматривал, не увижу ли я где мать и дочь, думал только о них... Увидеть мне их удалось уже только в очереди перед сходнями, когда дизель-электроход, войдя в порт, пришвартовался к причалу. Не раздумывая, я бросился за ними, успел взять такси и велел ехать за встретившей их машиной. Так я узнал адрес, фамилию и телефон Лиды. Кинулся искать ближайший автомат. Незнакомый женский голос ответил, что мать и дочь действительно заезжали, но уехали в горы на дачу. Куда именно — сказать отказались.

Я подумал: тем лучше — и поехал в порт. К счастью, «Россия» еще стояла у причала. Когда город, где жила моя дочь, скрылся вдали, я дал себе слово выкинуть все из головы. С этим решением я и прибыл в санаторий. А дальше вы видели. Теперь вы, может быть, понимаете, почему меня так бесили эти ваши бесконечные разглагольствования о знаменитом Николаиче?

— Нет, не понимаю,— задумчиво сказал Коляда. — Мне кажется...

Стрельбицкий не дал ему договорить:

— А сегодня вот я не вытерпел. Я поехал к ним, отыскал дом, квартиру, позвонил. Открыла Нина. Она удивленно смерила меня своими смелыми глазками, узнала и очень сердито спросила: «Вам кого?» Потом я услышал откуда-то из глубины квартиры: «Мама, тебя спрашивает этот псих, ну, помнишь, тот рыжий с парохода». И Лида вышла: «Что вам угодно? Поговорить? Хорошо, пройдемте на террасу». Мы прошли на террасу. Она плотно закрыла дверь, встала спиной к стене так, чтобы ее не было видно из окон. «Я вас слушаю». Долго ли я ей говорил, минуту, час, что говорил, о чем ее просил, — ничего не помню... Повидимому, все же говорил я долго, так как ее тонкие смуглые пальцы успели за это время перевязать в косички всю бахрому большой молдавской шали. Она слушала, прихмурив брови, не перебивала, но и не отвечала... Только когда я смолк, она произнесла: «Видите ли, дело в том, что отец у Нины был хороший, честный советский человек. Рыбак, он потонул в шторм, как и мой отец. Мы его часто вспоминаем. Мы трое, Нина, я и мой муж». Она вздохнула: «Мертвые воскресают только в сказках». «Лида!» — воскликнул я. «Лидия Дмитриевна»,— холодно уточнила она... Потом, как бы отклеившись от стены, у которой она все время простояла, ушла в дом, вернулась с фотографией. На ней были изображены мать и дочь. Лида тщательно перегнула ее, оторвала себя, а портрет девочки дала мне. Потом она молча показала мне рукой на дверь и через столовую, где на подоконнике, сердито закусив губу, сидела девочка, проводила меня в переднюю. Только тут я опять обрел дар речи и сказал: «До свидания». Она ответила: «Прощайте.— И, вздохнув, добавила: — Мертвые воскресают только в сказках»... Вот и все. Больше ничего не было и, должно быть, не будет. Ничего! Понимаете?

— Нет, не понимаю, — с той же задумчивой интонацией, но уже твердо повторил Коляда.

— Как же вы не понимаете! Это моя единственная дочь. У меня не будет детей! — Стрельбицкий громко выкрикнул это, и курортники, что играли поодаль в настольный теннис, опустили ракетки и удивленно посмотрели на скамейку, где почему-то ссорились столь дружные соседи по палате. Стрельбицкий, видимо, уже не мог совладать с собой. Губы у него побелели. — Он не понимает... Целый месяц мучил меня своими разговорами: Николаич то, Николаич это, Николаич написал, Николаич сказал... А теперь он не понимает...

— Не могу и не хочу понимать. Нина могла оказаться не рыжей и совсем не походить на мать... Да и какое все это имеет значение! Мало у нас осталось после войны сирот? Вот, говорите, жена — хорошая женщина, потолкуйте с ней, поезжайте вместе в детский дом, возьмите одного, двух, трех ребят. Усыновите и растите на здоровье...

— У него полные руки хлеба, а он мне камень протягивает! — зло произнес инженер.— Сам с утра до вечера: Николаич, Николаич, Николаич... Вон и сейчас в руках письмо, а мне — чужих растить...

Коляда встал, суровый, строгий. Он будто бы даже повыше сделался от этого столь несвойственного ему выражения лица. Прищурив глаза и четко выговаривая каждое слово, он произнес:

— Вот вы тут молвили, что мы больше не встретимся. Это верно. Поэтому я вам скажу то, чего мы обычно с женой никому не говорим... Николаич нам не родной. Он сын одного нашего шахтера, который вместе с женой утонул однажды, катаясь в праздник на озере. Понятно это вам?..

Он хотел сказать еще какое-то слово, но сдержался, резко повернулся и ушел туда, где сухо пощелкивал целлулоидный шарик. И сразу же оттуда донесся его добродушный басок, веселые восклицания играющих, смех. Стрельбицкий все еще сидел на скамейке, держа в руках забытое Колядой письмо Николаича, и то глядел на черный, густо затушеванный квадрат с шариком и ручками-грабельками на фоне фиолетового моря, то рассеянно читал слова надписи, точно выложенные из спичек: «Папа едь я соскучал».

Севернее 70-й параллели

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Фото автора.

Суров и своеобразен этот край. О его людях — нганасанах и саха, смелых охотниках-следопытах Авамской тундры, живущих севернее 70-й параллели,— этот рассказ.

В гостях у нганасанов

Утренние лучи солнца ярко освещают бесконечные тундровые просторы, играют на стеклах нескольких домов фактории Усть-Боганида, дробятся миллионами искр на снежных шапках, окутавших ветви лиственниц. Плотны и глубоки сугробы. Недвижна скованная льдом река.

Со стороны редколесья появляется какая-то точка. С каждой минутой она приближается, растет. Уже можно разглядеть упряжку оленей, во весь опор мчащихся к фактории. Человек на легких санках одет в неуклюжий меховой сакуй. Высокий белый хохолок, как султан, развевается над его головой. Такая форма сакуя есть только у нганасанов, маленькой северной народности, обитающей в самых отдаленных местах Таймыра и насчитывающей всего 800 человек.

Упряжка круто останавливается у здания колхозной конторы. Приезжий нганасан, председатель колхоза имени Шмидта Танделю Порбин, ловко сбрасывает сакуй и остается в замшевой, отороченной белым мехом парке и тупоносых меховых нганасанских бокарях, след которых напоминает след крупного лошадиного копыта.

Танделю Порбин приехал на факторию, чтобы начать свой трудовой день.

Порбин высок, строен, красив. Пока что он единственный из молодых нганасанов в Авамском районе, ставший председателем колхоза. Нелегко ему это далось. Дело в том, что у нганасанов до сих пор младшие по возрасту должны беспрекословно подчиняться старшим. Слово старика, совет старика считаются здесь непререкаемыми. А коммунисту Танделю Порбину шел лишь тридцать первый год, когда он возглавил колхоз. Надо было ломать старые, укоренившиеся привычки и традиции, причем ломать незаметно, осторожно, чтобы не вызвать недовольства среди своих сородичей. Молодой председатель прежде всего обратил внимание на дисциплину в колхозе. Порбин сумел сколотить вокруг себя довольно сильный актив. Лучшие охотники и оленеводы вошли в состав правления колхоза. И незаметно, постепенно получилось так, что теперь даже старики охотно слушаются своего молодого председателя. Недаром говорят здесь: если есть у человека ум, он никогда в тундре не заплутается.

Богатство колхоза — олени. Сейчас в его стадах имеется пять с лишним тысяч оленей. Нганасаны считаются лучшими оленеводами Таймыра. Никто так не умеет выращивать оленей, находить богатые ягелем пастбища. С приближением лета оленеводы уходят со своими стадами далеко на север, вглубь тундры «на летовку». Их путь лежит к озеру Таймыр. Там, в открытой тундре, где ветры отгоняют комаров, олени спокойно пасутся на богатых пастбищах и к зиме возвращаются обратно сытыми, упитанными. Вместе со стадами почти полгода кочуют у северных оконечностей Таймыра оленеводы-нганасаны. Живут они в летних чумах, рыбачат, охотятся на диких оленей, на гусей.

Танделю Порбин предлагает мне поехать в оленеводческую бригаду своего старшего брата, Биля. Две упряжки сильных, сытых оленей мчат наши легкие сани. Мелькают стволы лиственниц. Снег, летящий из-под копыт, окутывает нас сплошной завесой. Закинув рога, грудью разрезая ветер, мчатся вперед сильные, красивые животные. В эти мгновения олени похожи на птиц; кажется, что вот-вот оторвутся они от земли... Нет, недаром в традиционный День оленевода Танделю Порбин всегда занимает первое место в оленьих гонках.

Биля Порбина мы не застали на месте. Он уже откочевал со своим стадом. Но куда? Снег вокруг взрыхлен, истоптан бесчисленными оленьими копытами, изрезан вдоль и поперек в разных направлениях полозьями санок. Попробуй тут разобраться! Но Танделю соскакивает с санок и пристально всматривается в эти многочисленные следы. Невольно вспомнились мне детство, обложка журнала «Всемирный следопыт», на которой так же склонился житель северного края над следами на снегу.

Но вот Танделю Порбин выпрямился и сказал, указывая рукой на восток:

— Туда поедем!

Через каких-нибудь двадцать—тридцать минут быстрой езды мы услышали лай собак и увидели вдали редкие ряды лиственниц, два балка и густой лес оленьих рогов. Мы приехали в оленеводческую бригаду Биля Порбина.

Балок... Эта большая, установленная на санках утепленная палатка с железной печкой, окошками, полками для посуды, лежанкой — значительный шаг вперед по сравнению со старым нганасанским чумом, где едкий дым костра слепил глаза.

Биля Порбин, лучший колхозный бригадир-оленевод, вместе с пастухом Кидыпте Момде распаковывал грузовые санки. Оба они поднялись навстречу нам — рослые, крепкие, с лицами, обожженными свирепыми морозами Таймыра.

Биля с гордостью показывает нам стадо. В нем 900 голов. Скоро Биля откочует с ним дальше, на озера.

Для оленеводов самые хлопотные дни — отел важенок. Надо уберечь новорожденных телят от морозов и пурги, которые в здешних местах нередки даже в летние месяцы. Нганасаны выбирают в лесу места, хорошо защищенные от ветров, перегоняют туда важенок с телятами, чтобы они не погибли в пургу. Кроме того, с подветренной стороны укрывают телят щитками, сделанными из оленьих шкур.

В прошлом году Биля Порбин уберег почти всех взрослых оленей от падежа и волков. От 100 важенок он получил в своем стаде 85 телят вместо 65, установленных по норме. Порбин выработал 575 трудодней и получил около 20 тысяч рублей. Недавно его приняли в члены Коммунистической партии.

Следопыты Авамской тундры

В ту морозную ночь, когда олени мчали нас на факторию Ново-Рыбная, в колхоз имени Калинина, полярное сияние было действительно великолепно. Огромные бахромчатые занавеси то широко расстилались по небу, свешиваясь над нами, то на минуту гасли, чтобы потом вспыхнуть еще ярче. И тогда на все окружающее: на снег, на лица людей — ложился неповторимо странный, серебристо-зеленый свет. Этот свет, мертвый и холодный, сопровождал нас всю дорогу и только недалеко от фактории погас.

Чувствуя близкий отдых, олени бежали быстро. Крутой подъем, стремительный спуск — и вот санки уже скользят по речному льду. Еще несколько километров — и навстречу нам с высокого берега блеснули огни, теплые, живые огни, зажженные человеческой рукой,— электрический свет.

Наши упряжки промчались по улице мимо ряда домов, балков и остановились у крыльца заготовительного пункта. Гостеприимно

Все дети нганасанов учатся в школах. Дети охотников и живут здесь же, в интернатах, на полном государственном обеспечении. На снимке: учительница А. П. Аксенова ведет урок в первом классе Волочанской средней школы.

вспыхнул огонь в уснувшем доме, и в дверях нас встретил заведующий пунктом Владимир Устинович Иваньков.

Глядя на здоровое, вспыхивающее веселой улыбкой лицо Иванькова, трудно представить себе, что этот тридцатичетырехлетний человек прошел большой и сложный жизненный путь. А это так. Во время Великой Отечественной войны был он пять раз ранен, стал инвалидом. Но Иваньков не пал духом, он закончил курсы приемщиков пушнины, работал вначале в Канске заготовителем, принимал от охотников меха лисиц, шкурки колонков, ондатры, а потом приехал в декабре 1950 года на Таймыр.

Прошел всего лишь год — и «говорка» о честном, опытном, старательном пушнике, безошибочно определяющем качество сданного песца, его дефекты и окончательную стоимость, побежала от фактории к фактории. Вскоре и нганасаны и саха близко узнали его, а узнав, полюбили. А если на Севере поверят в человека, полюбят его, то эта вера, эта любовь навсегда...

На следующий день квартира Иванькова наполнилась охотниками. Со всех концов приехали они сюда — с Медвежьего Яра, с Долганов, с Агапы: должно было состояться отчетно-выборное собрание. Каждый входил к пушнику запросто, как к старому другу, вытряхивал из мешка на стол песцов и, сев на табуретку или прямо на пол, терпеливо ждал своей очереди.

Вот дверь распахнулась, и на пороге выросла высокая, плечистая фигура смуглолицего саха, одетого в национальную парку. На ногах были длинные темнокоричневые бокари из оленьей шкуры, затейливо украшенные орнаментом из разноцветного бисера. Но костюм на нем был европейский, и из-под расстегнутой парки на лацкане пиджака поблескивал орден Трудового Красного Знамени.

— А вот и Пахом Капитонович Елогир! — воскликнул Иваньков.— Садись, Пахом!

Как и большинство охотников колхоза имени Калинина, Пахом Капитонович — уроженец здешних мест. С малолетства он начал охотиться. В трехстах километрах отсюда, в устье речки Агапы, на возвышенностях стоят у него 225 пастей (ловушек на песца). Уже девять лет он работает бригадиром пушной бригады. Шесть охотников в его бригаде. А живет он с женой в Медвежьем Яру. Там стоит его балок. Но редко бывает в нем Пахом Капитонович. Приедет домой, пробудет несколько дней и опять отправляется в маленьком охотничьем балке, запряженном четверкой оленей, в свою бригаду. Дойдет до устья Агапы — и сразу начинает осматривать пасти. Переезжает охотник от одной пасти к другой: поставлены они цепочкой, друг за другом, на расстоянии двухсот — трехсот метров. В день Пахом Капитонович успевает проверить 50—60 пастей, делая по тундре в общей сложности километров 30—40. Иногда в день попадается восемь, даже десять песцов, а бывает, что ни одного.

— Тут главное — приманка. Надо знать, когда какую приманку ставить в пасти. Песец хитрый, разборчивый. Осенью он обычно идет на тухлую рыбу, к весне — на свежую, на мясо, на кровь. Вот и приспосабливаешься к его вкусу,— весело говорит Елогир.

Жена Елогира Христина Иосифовна помогает ему. Не отстают от отца и сыновья.

Летом Пахом Капитонович выезжает с женой в тундру, к речке Дудыпте. Добывает рыбу, заготовляет ее на зиму. Добытую рыбу кладет в вырытую яму и закрывает мхом. В вечной мерзлоте она и до зимы пролежит свежей — будет приманка для песца! Бьет он и дикого оленя, заготовляет на зиму кровь для песца.

За свой труд Пахом Капитонович Елогир получил шесть почетных грамот от районных и окружных партийных организаций, от крайкома ВЛКСМ. В 1952 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

...Со стороны речки Авам подъезжают к колхозной конторе все новые и новые упряжки. Вот приехал со своей женой Александрой Александровной старый охотник-саха, член правления колхоза Константин Егорович Лаптуков.

Еще одна упряжка стремительно взлетела на берег речки и на полном ходу промчалась по улицам селения. С санок соскочил богатырского роста человек, сбросил с себя парку и остался в костюме и бокарях, хотя ртуть в термометре показывала тридцать с лишним градусов. Под пиджаком приезжего виднелась шелковая рубашка кремового цвета.

— Вот и Куприян Анциферов приехал! — сказал Елогир.

Вряд ли кто-нибудь из местных жителей пользуется в колхозе таким уважением, как охотник Куприян Андреевич Анциферов. Он эвенк по национальности, коммунист, член правления колхоза, всегда спокойный, прямой и по характеру своему добродушный. О нем говорят здесь: «Куприян — доброе сердце».

Немало опасностей встречал на своем пути Анциферов за годы охотничьих странствий. Четыре раза проваливался под лед, несколько раз тонул в речках, переплывая их на санках, запряженных оленями.

Множество народу собралось у конторы правления колхоза перед началом отчетно-выборного собрания. Кто-то предлагает сплясать хейру — национальный танец саха. И вот мужчины и женщины, взявшись за руки, образуют необычайно живописный, красочный круг. Мелькают расшитые бисером парки и головные уборы, кружится веселый хоровод.

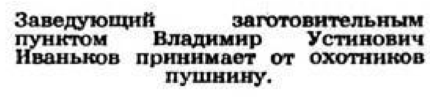
В половине восьмого в большой, просторной комнате колхозной конторы открылось отчетно-выборное собрание членов колхоза имени Калинина. С отчетом о деятельности правления выступает председатель Иван Федорович Жилкин. Он приводит цифры, говорит о выполнении или невыполнении тех или иных статей дохода. Но в общем-то хорошо идут дела у калининцев.

Кончилось собрание — и начался концерт художественной самодеятельности. Хор девушек исполняет переведенную на язык саха песню комсомольцев-новоселов «Едем мы, друзья». Внимательно слушают старые и молодые саха чудесную мелодию «Одинокой гармони», которую нежным, приятным голоском исполняет стройная смуглая девушка Христина Лаптукова. И хотя слушатели никогда не видели полей, с которых «веет ночная прохлада», «яблонь цвет», но каждый из них всем сердцем с Большой Землей, со всей нашей Родиной. Для нее добывают пушное золото они, следопыты и охотники колхоза имени Калинина, затерянного в бесконечных просторах Авамской тундры.

Таймырский национальный округ.

Танделю Порбин.

Заведующий заготовительным пунктом Владимир Устинович Иваньков принимает от охотников пушнину.

Комсомолка-саха Христина Лаптукова.

Охотник Куприян Андреевич Анциферов.

Охотник Пахом Капитонович Елогир.

Писатели и книги

Открытие и созидание мира

В обледенелых ветвях деревьев неприютно воет злой, колючий ветер, рвет солому с убогих крыш, наметает высокие сугробы, точно силясь навсегда похоронить под ними измученных, исстрадавшихся людей, ускорить конец страны, казалось бы, всем ходом событий обреченной на неминуемую гибель, стереть с лица земли самый след большевистской России...

Лютая стужа, тьма, разруха, голод... Таким суровым вошел в историю нашей Родины тысяча девятьсот двадцать первый год. Таким, без всяких прикрас, он и обрисован в романе Виталия Закруткина «Сотворение мира» — год, начавший собою эпоху строительства новой, мирной жизни победившего народа.

Несмотря на гигантские трудности, Ленин, партия, народ не утратили веры в свои силы. Народ, простые трудовые люди, иногда очень мало разбирающиеся в мировом значении того, что происходило вокруг них, далекие от понимания красоты и величия своих собственных дел, переживающие неслыханные трудности и настойчиво, упорно ищущие выхода из этих трудностей, не покладая рук создающие иную, лучшую жизнь,— вот главные герои нового произведения В. Закруткина.

К процессам, происходящим в среде мелкого крестьянства, к процессам, тесно связанным с построением социалистического «здания» в России, приковывает наше главное внимание автор романа.

Центром многолюдного, широко разветвленного произведения В. Закруткина является большая семья бывшего ротного фельдшера Дмитрия Даниловича Ставрова. С голодающего Поволжья Ставровы бегут куда глаза глядят от неизбежной смерти и наконец оседают по воле случая в маленькой, глухой деревушке Огнищанке.

С великими трудностями налаживают Ставровы свою жизнь на новом месте, среди изможденных людей, сами полуживые от голода и усталости. Нужда заставляет Дмитрия Даниловича взяться за обработку земельного надела, вплотную сталкивая этого человека и его большую семью с заботами, интересами крестьянства, с людьми, перестраивающими жизнь на новых началах, борющимися с оголтелым, затаившим лютую злобу кулачьем.

Уже по первой книге романа, опубликованной в журнале «Октябрь», можно судить о широком, эпическом размахе произведения, о значительности и глубине его лучших страниц, посвященных жизни народа. Почти каждого из главных героев своего произведения В. Закруткин сумел наделить живой плотью и кровью, выписать человеческие натуры, убедительные, самобытные.

Обрастая хозяйством, становится прижимистым, скуповатым Дмитрий Ставров. Растут старшие ставровские мальчики, Андрей и Роман. Они не только взрослеют годами, но именно растут, приобретая новые черты, жадно осмысливая жизнь.

Совсем еще недавно Андрюша Ставров, стоя возле гроба своего деда, умершего от голода и слабости, наивно думал: «Значит, дед Данила уходит в селения праведные..., там, должно быть, тепло, еды много, птицы поют. Вот бы туда попасть, в эти селения, и попросить горячего пшеничного хлеба...» И вот к повзрослевшему, щеголяющему напускной грубостью, неуклюжему подростку пришла первая любовь. Десятки раз повторяет Андрей имя своей избранницы: «Еля... Елечка... Елюша... Елочка...» А вместе с любовью Андрею открывается во всей прелести и радости весны огромный мир, пленяя юношу «всеми своими цветами, запахами, теплотой солнца, веселой зеленой громадиной земли — всем, что сверкало вокруг, высвистывало птичьими голосами, маняще мерцало стрекозиными крыльями, шевелилось, вздыхало, пело».

«Громадину земли» видит, ощущает не только Андрей Ставров. Широта, объемность мироощущения, отсутствие будничности, заземленности в раскрытии чувств простого человека и, наоборот, пристальное внимание к духовному миру, щедрость красок определяют своеобразие нового романа В. Закруткина.

С большой силой выписаны в романе образы строителей нового мира — Ильи Длугача, Григория Долотова, деда Силыча, равно как и образы противостоящего им враждебного лагеря (среди них прежде всего запоминается кулак Антон Терпужный).

Проходные главы, имеющиеся в произведении, заслуживают размышления. В. Закруткин словно теряет силу мастерства, когда пишет о том, чего он сам не видел, что он лишь приблизительно представляет себе. Такими «приблизительными» оказались эпизоды, рассказывающие о зарубежных врагах молодой Советской России: бывшем огнищанском помещике Раухе, Сиднее Рейли и других.

Несмотря на то, что в первой книге есть отдельные недоработанные страницы, «Сотворение мира» — бесспорная, крупная победа автора.

Виталий Закруткин. Сотворение мира. Роман. «Октябрь». 1955. №№ 9—12.

Н. ТОЛЧЕНОВА

«Чтобы строка свежей была...»

Небольшая, тоненькая книжечка стихов — пятилетний труд Василия Горянинова. Пять лет назад поэт определил свое назначение:

Поэт, а ты не агроном?
И ты растишь такое слово,
Которое звенеть готово
Отборным, золотым зерном.

Новый сборник его стихов «Мой огонь», выпущенный недавно в городе Сталино, свидетельствует, что поэт верен этому взгляду и постоянно работает над словом. Горянинов всегда помнит о том, «чтобы строка свежей была, светлее майского рассвета, чтоб друга за сердце брала».

В сборнике помещены лирические, публицистические и сатирические стихи. Поэт еще слабо чувствует, какие жанры ему удаются лучше. Тем не менее везде он ищет своего подхода к теме.

В. Горянинов. Мой огонь. Лирика. Сталино. Областное изд-во. 1955. 51 стр.

Н. ПИЯШЕВ

Неопубликованная статья Н. С. Лескова «О юбилее Л. Н. Толстого»

Замечательный русский писатель Николай Семенович Лесков вошел в литературу как большой мастер прозы, талантливый рассказчик, владевший богатствами русского языка. А. М. Горький высоко оценивал творчество Н. С. Лескова — «отличного писателя и тонкого знатока русского быта» второй половины XIX века.

Статья Н. С. Лескова «О юбилее Л. Н. Толстого» написана в 1895 году. Она является не просто ответом на заметку газетного репортера. Лесков видит в Толстом национальную гордость России и попутно высказывает интересные мысли о том, как отмечать юбилеи.

Статья дошла до нас в черновом автографе, который хранится сейчас в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Н. С. Лесков.

На сих днях в одной из газет было указано как на большую несообразность, что у нас справляют очень много юбилеев для писателей средней руки, а до сих пор еще не собрались отпраздновать юбилей Льва Николаевича Толстого, которого критик газеты считает достойным самого полного и высокого чествования. При этом последовало и напоминание, что деятельности Толстого в недалеком будущем исполнится сорок пять лет.

Если дело стоит действительно так, как приведено в газете, то тут в самой вещи есть чему подивиться и за что сложить укор русскому обществу... Как, в самом деле, люди пьют здравицы и пустословят за трапезами у таких литературных именинников, в которых только и можно почтить, что их уменье «держать нос по ветру», и в то же время «манкируют Толстым», в котором есть что показать и что похвалить!.. И вот этого-то, однако, литературное общество до вчерашнего дня будто и не замечало!

Повторяю, что если бы это в самом деле было так, то тут было бы за что сказать укоризну, но на самом деле это кажется совсем не так.

Юбилейные сроки Льва Николаевича Толстого отнюдь не проходили незамеченными. Напротив, попытки спраздновать его литературные именины были предпринимаемы очень настоятельно и серьезно, но они всегда оставались без результатов. Ввиду вновь сделанных об этом напоминаний стоит припомнить, что известно о том из прошлого, из которого, может быть, следует сделать надлежащий вывод для будущего.

Люди, которые знают, что именно в этом роде затевалось и на чем те затеи оканчивались, рассказывают дело совсем не так, как оно представлено вчера в газете.

Мысль отпраздновать юбилей Л. Н. Толстого возникала не раз, а несколько раз, между такими его почитателями, которые пользуются сами очень большим уважением, и как только об этом начинали говорить в кружках, так сейчас же в обществе обнаруживалось живое и страстное желание справить это торжество как можно полнее и достойнее. Все чувствовали, что в чествовании Толстого будет справляться праздник нации, в среде которой провидению угодно было призвать к бытию человека благороднейшего характера и удивительных дарований.

«Независящие обстоятельства» не обнаруживали с своей стороны никакой помехи и не могли ее обнаружить потому, что дело останавливалось в самом своем начале, прежде чем приходилось решить: «что льзя и то, чего не можно». Всякий раз все предположения о праздновании толстовского юбилея не осуществлялись просто потому, что «невозможно было справиться с юбиляром».

Главным и неодолимым препятствием к устройству юбилейного праздника Льву Николаевичу называют то, что он этого не хотел. Всякий разговор об устройстве праздника был ему до такой степени неприятен, что он «не хотел об этом слышать», и люди перестали докучать ему с таким, по его мнению, ненужным делом, которое притом его «конфузило». После долгого перерыва об этом опять попробовали заговорить при истекшем сорокалетии и на этот раз завели речь только шутя, что «все равно люди могут придти его поздравить», и что он «не может им воспретить этого». Но на эту шутку и он отвечал в том же добродушном тоне, что «воспретить он не может, но вперед просит простить его, если он сконфузится и убежит».

Такая версия разнеслась между знакомыми и была принята за достоверность, показала всем, что нерасположенность Льва Николаевича к «принятию славы от человеков» в нем не ослабевает с годами, а напротив даже крепнет.

После этого все думали и продолжают думать, что приступать к Льву Николаевичу с новыми докуками по такому «конфузящему» его поводу — неделикатно... Вот почему его не беспокоят и не устраивают ему юбилея, а устраивают эти почести тем, кому они приятны.

Передают тоже за верное, что один московский туз, желавший показать большую щедрость в устройстве праздника Толстому, когда получил ответ, что юбилея справлять нельзя,— принял это без всякой досады и, поразмыслив, сказал: «Умник!.. И погладить не дается... Так и надо, чтоб на горб не сели... Помогай ему бог совершать в тишине...»

Словами этого богача с простонародным взглядом высказалось, кажется, настоящее уважение, какое всего более подобает величию характера того человека, о котором беседуем.

Какие ему юбилеи!

А между тем, какая скорбь была бы видеть Толстого выставленным для чествования и принимающим себе славу от юбилейных говорунов, на «прелестные слова» которых еще надо отвечать в приятном для них роде... О, господи!

Пусть лучше минет его сия чаша и пусть она достанется тем, кто ее жаждет.

Со стороны общества нет никакой ошибки, что оно угощает людей, держащих носы по ветру, и не затевает воздавать славу Толстому. Общество чувствует, кому что идет. Толстой не обойден чарой и не обижен, а скорее оправедливствован и почтен тем, что его не смели в общую кучу всех хвалы приявших. А потому укоризненное указание на то, что справляют юбилей людей мелких, а Толстому не справляли юбилея — совершенно неосновательно.

Но, может быть, тот, кто поднял ныне речь о чествовании Льва Ник(олаевича) Толстого, знает совсем иной способ, как совершить чествование высокодаровитых людей, принесших заслуги человечеству. Может быть, он может указать, как это сделать, чтобы ничто не причинило неприятного для скромности «виновника торжества» и в то же время было бы полезно для общества, среди которого чествование заслуг одного человека может воодушевить других к продолжению общеполезных дел, которыми заслуживает себе хвалу и уважение юбиляр?.. В словах возбудителя беседы о юбилее Толстого даже есть прямое упоминание о возможности справлять юбилей не так, как их теперь справляют — «в трактирах». Автор знает что-то иное и даже указывает, куда это может быть перенесено из трактира, а именно в зал заседаний Литературного фонда...

Конечно, охотнее всего мы стали бы просить этого писателя, чтобы он сказал, как, по его мнению, надо отпраздновать юбилей Толстого, но это без сомнения будет напрасно, и потому поищем во всем этом смысла сами.

Морозным днем

И. ТУНКЕЛЬ, О. ШМЕЛЕВ

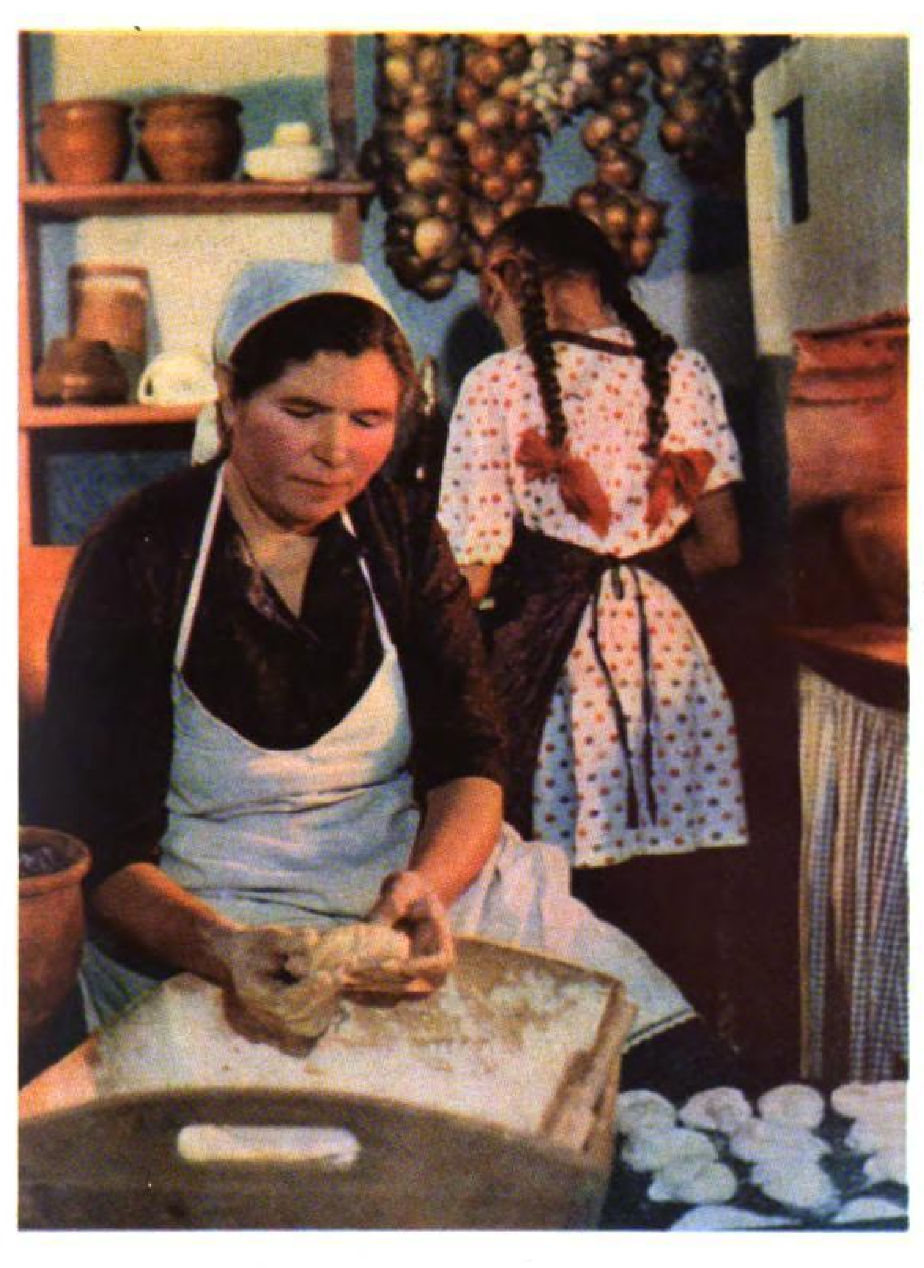
Утро над деревней встает белыми дымами печных труб, стуком открываемых калиток, скрипом колодезных вальков.

Зимнее солнце хоть и не греет, но лучи его окрашивают снег в такие теплые краски, что кажется, от сугробов исходит жар. Не оттого ли и пылают румянцем щеки у двух подружек, заговорившихся у колодца? Они задержались, но совсем ненадолго: вода в ведрах покрылась не такой уж толстой коркой льда...

Для любого дома, конечно, самый ранний гость — почтальон, но в деревне люди, особенно старики, поднимаются и того раньше. И когда Наталья Петровна Худорожкова, разнося свежую почту по пятидесяти двум адресам, принесла газеты в дом Баландиных, дед Иван Ефимович с внуком Васей уже расчистили почти весь снег, который намело ночью.

Проснулось село Больше-Савино, зазвенели под ногами прохожих настывшие за ночь дороги и тропки.

Выходной день полон для хозяек самых различных хлопот, в числе которых бывают и приятные. Елизавета Михайловна Казанцева, например, ждет в гости соседей. Пришлось разделить труд: сама Елизавета Михайловна с дочкой Надей готовит пироги, а хозяин, Николай Митрофанович Казанцев, послан в сельский магазин — посмотреть, что там привезли свеженького из города, купить, если будет что-нибудь подходящее. И надо полагать, что вечером, когда гости придут, приятно им будет увидеть накрытый для ужина стол.

В прошедшем году колхоз «Новый путь» получил доход в 3 миллиона 200 тысяч рублей. Одними деньгами выдано колхозникам по 8 рублей на трудодень, да еще зерно, да картофель, да овощи. Доярки, кто работал хорошо, дополнительно получили молоко. Например, Людмила Оборина, Валентина Петровна Гладких, Гилева Зоя Васильевна и еще другие — всех не перечислишь — получили молока больше чем по тысяче литров. Птичнице Анастасии Алексеевне Ошевой выдано 2 846 яиц, Обориной Екатерине Васильевне — 2 500.

По заметенным проселочным дорогам, по которым не пробраться даже вездеходу «газику», ходко бегут на базар сытые лошади, запряженные в сани-розвальни. Город Молотов — большой город, много нужно ему молока, яиц, картофеля...

В отличие от взрослых, у которых и в выходной день находятся всякие дела, школьники используют воскресенье целиком для удовольствий.

Берега речки Мулянки, вдоль которой расположены села колхоза «Новый путь», в некоторых местах высоки и круты. И не каждый устоит на ногах или удержится в санках на стремительных длинных спусках. Вот Витя Поплевин попробовал стать лихачом — и результат, так сказать, на лице.

После двенадцати часов дня, когда откроется библиотека, многие из лыжников, входящие в число ее 466 абонентов, раскрасневшиеся и заиндевевшие, придут менять книги. А пока председатель правления колхоза Александр Федорович Калистратов, библиотекарь Тамара Неволина и заведующая клубом Валя Осипова разбирают пришедшую из Москвы посылку, если можно назвать таким скромным словом новую библиотеку, запакованную без малого в пятьдесят тюков. Это премия колхозу «Новый путь» от Всесоюзной сельскохозяйственной выставки за 1955 год. А в 1954 году премия была другая — стационарная киноустановка.

В колхозном клубе кончился детский киносеанс. Детвора расходится, переполненная впечатлениями. А в клуб уже спешат взрослые: приехала самодеятельность из Молотова. Летом многие студенты агрономического факультета Молотовского сельскохозяйственного института были в колхозе «Новый путь» на практике, а теперь приехали в гости с концертом.

...Закатилось за горизонт солнце, исчезли румяные блики с сугробов, с покатых крыш, и в высоком зимнем небе белым светом загорелся двурогий месяц.

После концерта в клубе долго играет музыка — то баян, то радиола.

Поздно разойдется молодежь по домам. Прозвенит под ногами последних прохожих дорога, и село уснет до утра, до нового дня.

Село Больше-Савино,
Верхне-Муллинского района,
Молотовской области.

АЛЫЧА

Кришан ЧАНДАР

Рисунки В. КЛИМАШИНА.

После двадцатипятилетнего отсутствия Джагмохан вернулся в Пахалганв. Как переменился мир за это время! А как сам он изменился! Прежде он совсем не заботился о своем костюме. Брился он раньше один раз в сутки, а теперь ему необходимо было проделывать это дважды. Когда он впервые приехал в Пахалганв, на нем были лишь рубашка и брюки. Но тогда, взглянув на его высокий лоб и широкую грудь, женщины стыдливо опускали взоры. Теперь шея его исхудала, грудь ввалилась и глубокие морщины избороздили высокий лоб. Чтобы скрыть седину, ему приходилось красить свои редкие волосы. Он больше не довольствовался рубашкой и брюками. К его костюму прибавились пиджак, жилет и галстук, которые скрывали его немощную фигуру. Двадцать пять лет тому назад это был пышущий здоровьем и молодостью человек. Как он постарел теперь! А Пахалганв все так же молод, красив и привлекателен, как прежде, когда Джагмохан впервые приехал сюда!

Вот она, прекрасная долина Пахалганва, где тихо струится река и искрящаяся прозрачная вода ее в некоторых местах такая синяя, что кажется, будто кто-то растворил в ней кусочек неба, а в другом месте вода имеет густозеленый оттенок, словно сосны отдали ей весь зеленый сок своих игл. Речные волны обволакивают прибрежные камни тонкой ажурной зеленой тиной: точь-в-точь пастушки, танцующие возле бога Кришны танец в стиле катхак.

На горах, что окружают долину с восточной стороны, могучие гималайские кедры уже много лет смотрят на солнце, а их распростертые зеленые руки, казалось, заключают в свои объятия потоки света, пытающиеся проникнуть в лес. Солнечные лучи падают с большой высоты и, словно хозяйки в доме, трудятся в ветвях. Каждый листок является своеобразным домиком для луча света. Но густые ветви не пропускают света. В лесу тенисто и тихо. Только там, где в просветах между деревьями виднеется небо, сотни тысяч солнечных лучей, как бы спасаясь от деревьев, убегают в землю, и кажется, что от небес к земле струится светлая река.

Да, на редкость красив Пахалганв! Каждое мгновенье здесь благоухает, словно цветок фиалки, и смеется, как возлюбленная! Таков старый, но попрежнему прекрасный и притягивающий сердце Пахалганв! Мир очень переменился за это время, изменился и Джагмохан, а Пахалганв стоит в своей незыблемой, вечной красоте!

Джагмохан стал припоминать события, протекшие за эти двадцать пять лет, и перед его мысленными взорами предстали могилы — жертвы двух мировых войн. За этими могилами дымились трубы его фабрик. Раньше он имел одну текстильную фабрику, во время первой мировой войны их стало две, а во время второй — уже четыре. Много понадобилось могил, чтобы поставить одну фабричную трубу!

Вспомнил он и свое путешествие в Европу: парижские кафе, красивых девушек на улицах Рима... и тот ресторан в Берлине, где на каждом столике стоял телефон и на ваш телефонный звонок являлась девушка. Пожалуйста, наберите номер!

Джагмохан объездил весь мир и нашел, что мир этот прекрасен! Двадцать пять лет Джагмохан в полной мере наслаждался жизнью. Он щедро тратил деньги и здоровье, и действительно, ему удалось растратить и то и другое. Правда, с деньгами дело обстояло лучше: несмотря на увеличивающуюся заработную плату рабочим и на все возрастающие налоги, он ловко оперировал своим капиталом, помещенным в банк. То увольнениями, то вычетами, то сложными бухгалтерскими расчетами, одним словом, разными способами не давал он истощаться деньгам. Но тело его износилось, и все старания поддержать себя уколами, различными укрепляющими лекарствами и прочими искусственными средствами были лишь самообманом. Джагмохан отдавал себе отчет в том, что они в конце концов только подтачивают его силы, подобно тому, как всякий обман и несправедливость по отношению к рабочему человеку в результате губят его. Но покуда он жив, отчего бы ему не получать радость, которую могут доставить человеку деньги и собственное тело? Ведь рай существует только для бедняков!

Джагмохан сидел, прислонившись к стволу кедра. Вдруг он приподнялся, хотя и не без труда: красивая девушка шла с корзиной на голове по убегающей вниз улице. Джагмохан знавал красивейших женщин всего мира, но красота кашмирской женщины — это нечто особенное. Она неизмеримо прекраснее, чем все, что он до сих пор видел. Кашмирская женщина нежная, как лотос, кожа ее, как роза, такая же свежая и розовая. Она застенчива, как луна, а улыбка ее подобна лучу солнца. Глаза ее кажутся то спокойными и задумчивыми, как озера, то они уподобляются горным ручьям, которые, журча и смеясь, могут поведать сокровенные тайны сердца. Кашмирская женщина может быть безмолвной и холодной, как снег, которому незнакомо тепло, но приходит время, и она вспыхивает, точно пламя лесного пожара.

Такую опьяняющую красоту Джагмохан видел только в Кашмире. Это и побудило его приехать в Пахалганв после столь продолжительного отсутствия. При виде девушки, несущей на голове корзину с фруктами, он невольно вспомнил одно событие, происшедшее с ним двадцать пять лет тому назад. Однажды он прогуливался по дороге, ведущей в дерев-

ню Чанданвари, и зашел довольно далеко. Было послеполуденное время, солнце жгло немилосердно, и щеки Джагмохана пылали, но прохладный ветерок время от времени обвевал его лицо и отгонял жару; так художник с помощью кисти удаляет краску. Он тихо напевал какую-то мелодию. И вдруг увидел девушку, направлявшуюся с корзиной фруктов в Пахалганв. Они повстречались, девушка улыбнулась, он улыбнулся в ответ. Она опустила корзину. Он остановился.

— Сладкие абрикосы?

— Попробуй!

Взгляд его утонул в ее глубоких, как озера, глазах.

Она вынула абрикос и протянула ему:

— Вот этот совсем спелый. Посмотри, какой он золотистый и ровный.

А он смотрел на розовую, нежную кожу ее рук.

— Я дешево продам. Вся корзина стоит две рупии. Купи ее!

Он вынул из кармана шелковый платок и расстелил его на земле. Потом выбрал около двух дюжин абрикосов и дал девушке восемь анн [1].

Она удивленно посмотрела на него:

— Это очень много. Тогда возьми еще,— и указала на абрикосы.

— Я потом куплю... А ты где живешь?

Девушка указала назад рукою и сказала:

— Вон там, на повороте, стоит наш дом. Эти абрикосы растут на деревьях, что посажены вокруг него. У нас четыре абрикосовых дерева.

— Я зайду как-нибудь к тебе, и мы поедим абрикосов прямо с дерева.

— Приходи.

Она было собралась поднять корзину сама, но Джагмохан помог ей. Руки их встретились, и в этот миг затрепетала вся вселенная, насчитывающая не сотни и тысячи, а миллионы лет своего существования. С тех пор, как возник мир и запылал огонь, с тех пор, как застучало сердце и полились слезы, повторялась эта старая, но вечно новая история!

У Джагмохана забилось сердце, но он овладел собой и направился вперед, в Чанданвари, а она пошла в Пахалганв. На повороте дороги он увидел дом, в котором она жила, и четыре абрикосовых дерева. Неподалеку небольшой холмик был усыпан цветами нарциссов. Ему уже не забыть этот дом!

Потом он еще несколько раз встречал девушку и покупал у нее абрикосы. И каждый раз он покупал мало, а платил много.

Однажды он купил на базаре в Пахалганве красивый платок, сложил в него кишмиш, грецкие орехи и миндаль, положил сверху десятирупиевую бумажку, потом туго завязал платок и отдал лодочнику. Указав на домик с четырьмя абрикосовыми деревьями, Джагмохан сказал ему:

— Когда та девушка за чем-нибудь выйдет из дому, передай ей платок. Потом вернись и расскажи, что она тебе ответит.

После этого Джагмохан возвратился домой и стал ждать лодочника. Ждал он долго. Наконец его посыльный вернулся, держа в руке шелковый платок, в котором что-то лежало. Лодочник с трудом тащил свою ношу и распевал песню о том, что приходит весна и листья чинары розовеют, как щеки возлюбленной.

— О, несчастный! — в гневе воскликнул Джагмохан.— Она возвратила платок, а этот болван еще поет!

Лодочник вошел и положил перед Джагмоханом узел. Джагмохан дрожащими руками принялся развертывать его.

В платке не было ни десяти рупий, ни грецких орехов, ни миндаля... Там лежали нарциссы.

Лодочник засмеялся:

— Давай бакшиш, господин!

Как прекрасна, как сладостна была ночь в домике с абрикосовыми деревьями! Даже сейчас при воспоминании о ней сердце Джагмохана трепетало.

Быстрыми шагами направился он к женщине, идущей вниз по улице с корзиной на голове.

Женщина опустила корзину. Он остановился. В корзине лежала алыча.

— Сладкая? — спросил Джагмохан.

— Попробуй, увидишь.

— Можно? — он пристально посмотрел на нее.

Щеки ее покрылись густым румянцем; в ушах сверкнули серебряные сережки.

— Да,— сказала она тихо. Рядом с ней стоял мальчик лет семи — восьми. Она обратилась к нему: — Дай господину попробовать алычи.

— Это твой сын?

— Да.— Она погладила ребенка по голове.

— Как его зовут?

— Кадар [2],— с гордостью ответила женщина.

Кадар, улыбаясь, смотрел на Джагмохана. Тот попробовал алычу. Потом вынул из кармана шелковый платок, завернул в него немного ягод и дал женщине рупию, а ребенку — восемь анн.

— Почему так много?

— Твой сын... пусть он купит себе сластей.

— Да,— сказал Кадар,— я куплю сластей.— Он опустил восемь анн в карман.

Золотистая прядь волос упала на щеку женщины. Она отбросила ее назад.

— Господин, помоги мне поднять корзину.

Руки их встретились, и Джагмохан вспомнил о домике с четырьмя абрикосовыми деревьями, который двадцать пять лет тому назад стоял на повороте дороги. Но при воспоминании об этом кровь уже не прилила теплой волной к его сердцу, ибо между тем и этим мгновениями стояли прикосновения пальцев многих женщин, которые, держа в своих руках фунты, доллары и франки, продавали себя на рынках рабов, продавали свои чувства. А чувства, которые можно купить, никогда не могут быть прекрасными.

Джагмохан деловито оглядывал женщину с головы до ног, сравнивал и прикидывал, сколько она может стоить. Потом он улыбнулся и направился вслед за ней по дороге, жуя алычу.

Он держался на почтительном расстоянии и не упускал ее из виду. Иногда она оборачивалась и видела, что он идет за ней следом. Никто из них не проронил ни слова.

Вечерело, когда она, продав алычу, возвратилась домой. По ту сторону деревянного моста стоял ее маленький домик, увитый цветами до самой крыши.

Долго смотрел Джагмохан на эти цветы... Потом вернулся домой. Он еще несколько раз встречал ту женщину и покупал у нее алычу. Он платил ей за алычу, а Кадару давал пайсы на сласти. Теперь они с Кадаром стали друзьями.

Однажды Джагмохан купил на базаре красивую кашмирскую шаль. Он положил в нее кишмиш, грецкие орехи, миндаль и десять рупий, завязал шаль и отдал ее Кадару со словами:

— Передай шаль матери, потом вернись с ответом.

Кадар улыбнулся:

— Хорошо, я сделаю так.

Солнце уже садилось за горной грядой, когда Кадар вернулся.

За это время Джагмохан успел побриться, надушиться, впрыснуть себе лекарство. Закончив все приготовления, он сидел теперь в ожидании, чрезвычайно довольный собою.

Кадар нес шаль, в которой что-то лежало.

Джагмохан рассчитывал увидеть распустившиеся цветы. Ему показалось, будто кашмирская невеста застенчиво смотрит на него своими нарциссами-глазами.

Кадар положил перед ним шаль. Джагмохан дрожащими руками развязал ее. В ней не было ни кишмиша, ни орехов, ни миндаля. Там лежал только старый, стоптанный башмак, а в нем — его десятирупиевая бумажка. Джагмохану показалось, что его ударили по лицу этим рваным, стоптанным башмаком. Щеки его побагровели от гнева.

— Что это все значит?! — набросился он на Кадара.

В ответ губы мальчика дрогнули от улыбки, он рассмеялся, потом громко захохотал и бросился бежать вниз по улице.

Еще долго слышал Джагмохан, как он смеялся.

Смех молодого Кашмира!

Перевела с хинди
Н. И. ТОЛСТАЯ.

[1] Анна — мелкая монета, 1/16 часть рупии.

[2] Кадар означает могучий, способный, искусный.

Крокодилов пруд

Бхабани БХАТТАЧАРИЯ

Все было готово для генерального сражения. Напряжение достигло высшего предела. Такого раскола среди населения Бегулы (это наша бенгальская деревня) не знала история: атмосфера накалилась до кризиса. Кризис во взглядах, превратившийся в кризис чувств! Валун, поросший мхом столетий, чуть-чуть сдвинулся, и земляные черви, подвергшись воздействию света и воздуха, стали отчаянно извиваться.

Пруд бога Шивы, который теперь обыкновенно называли Крокодиловым прудом, явился ареной и символом усилившейся борьбы. Пруд был расположен в самом центре деревни, в старом святилище на поляне брахманов. Он был больше всех прудов в Бегуле, и говорят, что много лет назад, когда река Мегмала вышла из берегов, огромный крокодил, почерневший от старости, поднялся на поверхность бурлящих вод и поплыл по реке; завидев храм, он повернул и направился прямо в раскрытые ворота. Вода спала, но крокодил остался в пруду. Каждую ночь, когда деревня погружалась в сон — жрец храма клялся в этом, — старый крокодил выползал на берег пруда, перебирался через поросшую деревьями поляну к каменному изваянию бога и лежал там неподвижно, закрыв глаза, вознося молитвы божеству. Присутствие такого почитателя бога Шивы,— очевидно, брахмана в своей прошлой жизни, осужденного за грехи находиться в оболочке страшной амфибии, — освящало пруд. И, конечно, не случайно неизвестно откуда вдруг на водяной глади расцвели яркие гиацинты, и их тяжелая светлозеленая листва вскоре ковром заплела всю поверхность пруда. Купальщики больше не смели прерывать размышлений благочестивого. Глинистые берега обваливались, стоячая вода из пруда, просочившись в трещины, образовала болото — вместилище массы комаров. Трудно было себе представить более идеальный рассадник малярии.

Хариндра, общественник из районного городка, наш товарищ и уважаемый глава, обратился к жрецу храма. Пруд надо очистить, углубить, берега укрепить, гиацинты удалить. Это положит начало кампании за избавление деревни от страшного бича малярии.

— Что это за безумные речи! — вскричал священнослужитель с удивлением и гневом. — Обеспокоить благочестивого, пребывающего в оболочке животного, грубо нарушить покой священной обители!

Жрец был крупным мужчиной с белой бородой. Трезубец, знак бога Шивы, сверкал у него на лбу, нарисованный красной краской.

Хариндра приветливо улыбнулся.

— Дядя, — сказал он, — неужели вы думаете, что я лишен рассудка?

Жрец подозрительно взглянул на него, боясь невольно попасть в ловушку. Молодому Хариндре доверять было нельзя.

— Мы предоставим святому нашему отцу Крокодилу новую обитель, где он будет куда счастливее. Слуги будут ухаживать за ним и кормить его большими кусками козьего мяса.

— О Шива, Шива! — воскликнул жрец, взывая к божеству. — Козье мясо! Он почитатель бога-аскета! Хариндра, ты глупец, мой мальчик. Вредное учение держит твой дух в своих вязких тенетах! — Он остановился на мгновение и притихшим от любопытства голосом спросил: — А где же эта новая обитель, скажи?

— Выслушайте меня, дядя, и не сердитесь. Мы отвезем это верующее существо в зоопарк в Калькутту, где оно будет править целым прудом, населенным многочисленными членами его племени. Крокодил будет свободно произносить священное имя Шивы и сделает всех своих сожителей священными.

— Шива! Шива! — Лицо жреца перекосило от ужаса. — Уходи, Хариндра! Не смей никогда осквернять своим грязным дыханием воздух во дворе нашего храма! Вон!

— Послушайте, дядя!..

— Шива! Шива! — И жрец коснулся рукой священного пучка волос на макушке головы, как бы черпая силы в этом прикосновении. Потом он повернулся и решительно пошел прочь.

Хариндра поделился с нами своим планом. Как-нибудь ночью, перед рассветом, мы соберемся в обители с мотыгами и лопатами и начнем наступление на гиацинты в пруду. Мы будем работать не покладая рук и успеем сделать много, прежде чем жрец узнает о происходящем. Он начнет кричать и беснoваться, призывать громы небесные на наши головы, но мы будем молча продолжать свое дело. Тогда жрец, конечно, бросится в деревню за помощью. Мы будем упорно работать, ни в коем случае не прибегая к насилию, до тех пор, пока нас вынудят отступить. Через некоторое время мы снова неожиданно повторим нападение, и пруд наконец освободится от душащих его растений. Для осуществления этого плана понадобится небольшая лодка, ее можно будет одолжить у рыбаков. Опасен старый крокодил, но мы будем отгонять чудовище кольями и палками.

— Что если жрец прибегнет к защите закона и обвинит нас во вторжении в чужие владения? — с тревогой спросил кто-то.

— Это будет великолепно. Лучшей рекламы и не нужно! Вся Бенгалия узнает о нашей борьбе! — Хариндра пришел в волнение. — Если бы только у жреца хватило твердости! Нас могут оштрафовать или даже посадить в тюрьму, но подлинная победа будет наша. Дело тут ясное. Мы хотим улучшить санитарные условия деревни, уничтожить страшную малярию и спасти тысячи жизней. Препятствие, мешающее осуществлению наших планов, — ложное религиозное чувство, эксплуатируемое жрецом. Надо разоблачить жреца как врага нашего народа.

День наступления на гиацинты пруда приближался. Все было подготовлено, но по странной случайности ничего этого не понадобилось.

Однажды под вечер старый жрец отправился по деревне от двери к двери, спрашивая:

— Сын мой, не видел ли ты моего Бисту? Весь день его нет. Приближается ночь, а он до сих пор не вернулся домой.

Но никто не видел шестилетнего внука жреца.

И по мере того, как жрец, тяжело переступая, все дальше углублялся в деревню, слова, срывавшиеся с его губ, превращались в крик боли, идущий из самого сердца. Дочь приехала к жрецу погостить на месяц. Как взглянуть ей в глаза теперь, если Бисту пропал, исчез?

Когда старик вернулся домой один, вопль несчастной матери бросил его в дрожь.

— О, это пруд, отец, пруд! Пруд отнял у меня Бисту!

Пруд! Такое объяснение напрашивалось само собой. У жреца подкосились ноги, и он закрыл лицо руками. Сделать уже ничего нельзя.

Это известие подняло на ноги всю деревню. Хариндра узнал о нем и принялся за дело. Не более чем через полчаса его маленькая, двухвесельная лодка уже сновала по пруду, а его друзья и другие жители деревни начали вырывать гиацинты, глубокие корни которых, быть может, сдавили в цепких объятиях маленькое безжизненное тело. Десятки факелов светились над водой, из каждого двора принесли лампу, и темный пруд сверкал огнями. У Хариндры был электрический фонарь. В то время, как сотни рук вели наступление на гиацинты, большие рыбацкие сети волоком протаскивались из конца в конец пруда.

Старый жрец заперся в святилище и возносил молитвы каменному богу.

Несчастная мать лежала, скорчившись, в грязи, плача:

— Бисту, о мой бриллиант из всех бриллиантов, Бисту!

Сознание всех сверлила одна мысль: «Даже если старый крокодил — вегетарианец и святой, все равно ребенок находится в его жирном животе. Не осталось ни одной косточки, и нельзя совершить обряд погребения, чтобы освободить душу от земных оков и дать ей возможность вознестись ввысь, к счастью и миру. Какая судьба для мальчика брахмана, внука жреца Шивы!»

Наступил рассвет, и солнце выглянуло из-за горизонта. Усталые люди, тяжело дыша, спотыкаясь, вылезали на берег пруда, когда раздался тревожный возглас:

— Бисту! Это он!

На мгновение всех сковал ужас. Кто-то увидел призрак ребенка. Ведь дух его осужден никогда не покидать землю и должен витать над прудом во все времена.

Но другие голоса подхватили взволнованный крик:

— Бисту! Это он!

Все повернули головы. По дороге верхом на осле ехал сонный мальчик, а рядом шел старый крестьянин.

Старик сказал, что он из соседней деревни Сохагпур. Под вечер он увидел мальчика, который плелся по горчичному полю. Ребенок совсем выбился из сил. Крестьянин принес его домой и накормил. Мальчик не смог сказать, откуда он. Он знал только, что живет около пруда. Крестьянину не оставалось ничего другого, как уложить ребенка спать. Рано утром он одолжил у прачки осла, посадил мальчика верхом и пришел в Бегулу, чтобы навести справки.

Бисту отправился ловить бабочек. Он так увлекся охотой, что не заметил, куда шел. Когда он спохватился, было уже поздно. Вот что он рассказал нам.

— Я ел рыбу! — с торжеством закричал он матери, крепко сжимавшей его в объятиях.

Она затуманенными глазами смотрела на сына, и слезы радости катились по ее щекам. Рыба была запретной пищей.

Жрец вышел из храма и стоял неподвижно, не спуская глаз с пруда, на поверхности которого больше не было гиацинтов. В мягких лучах солнца вода была серо-голубого цвета, как сталь. Хариндра прочел мысль жреца.

— Итак, наш святой отец, крокодил оказался плодом фантазии? — сказал он с веселым выражением лица. — Вы, конечно, об этом знали.

Жрец свирепо взглянул на Хариндру и разразился громким злым смехом, борода старика затряслась.

— Глупец! — закричал он. — Неужели у тебя не хватает ума увидеть то, что так ясно и просто? Святой стал невидим и покинул пруд. В его новом обиталище расцветут гиацинты и раскинут свой зеленый ковер. Скоро, скоро мы узнаем, кого он почтил своим священным присутствием.

Владельцы прудов, слышавшие слова жреца, задрожали. Пруд в хозяйстве служит сотням целей, не говоря уже о рыбе, обильном урожае рыбы! Кого поразит сомнительное счастье благосклонности благочестивого крокодила?

Хариндра почувствовал холод, охвативший их сердца, и устремил взор вдаль, к горизонту, как будто увидел там зарю нового дня. Он улыбнулся и сказал голосом, в котором звучала мечтательная радость:

— Никогда больше гиацинты не будут покрывать пруды деревни Бегулы. Миф о благочестивом крокодиле вместе с сотней других мифов — только пыль для свежего ветра нашего века. Мы идем вперед, мы растем!

Перевела с английского
С. КРУГЕРСКАЯ.

Чей молоток лучше?

У СТАНКА СТОИТ ШКОЛЬНИК

Было это в прошлом учебном году. Зимним утром в московской школе № 545 появились рабочие. Они пронесли по коридору тяжелые ящики с надписями «Осторожно», «Не кантовать». Вскоре из комнаты на первом этаже послышался стук молотка, визг напильника. Так продолжалось несколько дней подряд. А затем к двери прибили дощечку с короткой надписью: «Мастерские».

Некоторое время спустя во всех классах 545-й школы были введены уроки труда. Школьники младших классов лепили из пластилина фигурки зверей, вырезали из бумаги и картона иллюстрации к сказкам. В светлых, просторных мастерских ученики четвертых — восьмых классов строгали, пилили и сбивали доски, рубили металл, раскаляли в муфельных печах стальные пруты и потом расплющивали их ударами тяжелого молота. Казалось, что все идет хорошо и можно уже говорить о первых успехах политехнического обучения. Но почему-то интерес к работе начал остывать. Дисциплина падала. Дошло до того, что на уроках в мастерских должен был обязательно присутствовать классный руководитель.

Педагоги и директор школы Владимир Петрович Ильин недоумевали:

— В чем дело? Почему дети не хотят работать? Откуда у них такая нелюбовь к труду?

Всему виной было то, что ребята не видели цели своей работы. Они рубили, пилили, сверлили только для того, чтобы «овладеть простейшими производственными навыками».

Но вот на одном из уроков школьники не услыхали привычных и уже надоевших им слов: «Сегодня мы будем овладевать...» Вместо этого преподаватель Борис Павлович Никитин прикрепил к доске какой-то чертеж и сказал:

— Нашей школе нужны замочные ушки для классных шкафов. Ушки должны быть изготовлены по чертежу, с соблюдением всех указанных размеров. Предел допустимого отступления ± 0,2 миллиметра.

Работа несложная. Но когда надо самому отрубить пластинку, обмерить ее, просверлить и отшлифовать и, главное, знаешь, ради чего это делаешь, есть смысл, что называется, поломать голову. Никто уже не слонялся бесцельно по классу, не шалил. Каждый был занят своим делом и старался выполнить его как можно лучше. Дисциплина наладилась сама собой.

Создавая полезные, нужные вещи, ребята полюбили труд. Теперь они делают ручки к инструментальным ящикам, перочинные ножики, отвертки. А недавно в школе был объявлен конкурс на изготовление лучшего молотка. Интересно, кто будет победителем? Конечно, молоток — предмет простой, его можно купить в магазине. Но разве не приятно пятнадцатилетнему пареньку принести домой молоток и сказать родителям: «Это я сделал сам!»?

Однажды ученик 6-го класса «А» Володя Д., выполнив свое задание, искал, чем бы еще заняться. Увидев на столе металлическую пластинку, он начал сверлить в ней дырки. «Работал» Володя с таким увлечением, что не заметил, как к нему подошел учитель.

— Зачем же ты портишь готовую деталь?

— Да я не знал, — оправдывался Володя.

— Не знал? Останешься после уроков и сделаешь такую же, тогда будешь знать! — строго сказал Борис Павлович.

После уроков в опустевшей мастерской у тисков стоял Володя и обрабатывал злополучную деталь. В открытую дверь просунулась голова восьмиклассника Толи.

— Володька, ты что делаешь?

— Да тут одну вещь, — неопределенно ответил Володя, не желая признаться, что его оставили в мастерской в наказание. Но дело приняло неожиданный оборот.

— Дай мне тоже попилить, — попросил Толя.

— Не могу, — уже совсем другим тоном ответил Володя. — Борис Павлович мне поручил.

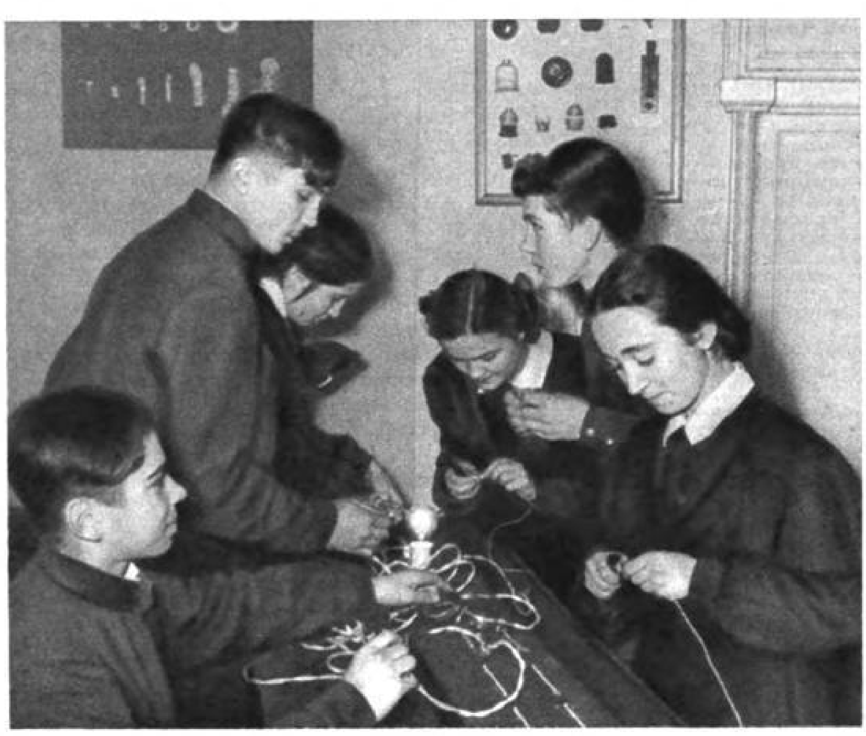
В мастерские то и дело заглядывали ребята. И каждый из них, узнав, что Володе поручена какая-то работа, оставался и с завистью смотрел, как тот трудится над своей пластинкой.

Урок труда в столярной мастерской.

2-й класс «В» за работой.

Урок электротехники в 10-м классе «В».

Когда вошел Борис Павлович, ребята обратились к нему:

— Пожалуйста, поручите и нам что-нибудь сделать!

Работа нашлась для всех.

Так зародилось начинание, о котором теперь с гордостью и любовью говорят все ученики 545-й школы: пионерский производственный комбинат.

На пионерском комбинате могут работать все, кто хочет и любит трудиться. В его цехах, столярном и слесарно-механическом, выполняют заказы школы для учебных кабинетов, изготовляют такие необходимые вещи, как совки, лопаты и скребки для снега. Третьеклассники — «рабочие» переплетно-картонажного цеха — переплетают книги для школьной библиотеки.

На пионерском комбинате дело поставлено, как на настоящем производстве. Есть свой «директор»—ученик 9-го класса «А» Юля Брук, «главный инженер» — Леня Соколин. «Технический совет» планирует работу. «Начальники цехов» и «бригадиры» отвечают за выполнение плана. «Рабочие» комбината имеют особые пропуска и, придя на «работу», должны повесить номерки.

Занятиями в мастерских и работой на пионерском комбинате не исчерпывается программа политехнического обучения, принятая 545-й школой. Здесь организованы кружки кройки и шитья, радиотехники, автодела, технического черчения.

Старшеклассники на уроках машиноведения и электротехники изучают устройство современных машин. Они видят, как в сложных приборах и механизмах оживают отвлеченные формулы и законы, известные им из курса физики.

«...Нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания»,— писал В. И. Ленин.

Получив широкое представление о современной технике, юноши и девушки, покидая школу, смогут сознательно выбрать свою будущую специальность. Многие пойдут на производство. В школе они усвоят ту важную истину, что все вокруг них, от простого молотка до мощного агрегата, создано руками человека, его трудом и что сами они должны стать творцами и созидателями.

Л. ГОРОХОВСКАЯ

Фото О. КНОРРИНГА.

ЧЕТЫРЕ ПЕРВЫХ, ВОСЕМЬ ВТОРЫХ!

Мы приглашаем вас на обед. Не в дорогой ресторан, а в общедоступную столовую, каких много. Возможно, вам повезло, и ваша жена или теща готовят вкуснее. В нашей столовой работают 26 поваров, среди них немало женщин, но, как известно, на вкус и цвет товарища нет...

Словом, если вы хотите недурно, сытно, дешево и, главное, быстро пообедать,— приглашаем. Быстрота тоже играет не последнюю роль, если у вас часовой перерыв и нет охоты все шестьдесят минут просидеть за обеденным столом, чтобы потом опрометью нестись обратно на работу.

Мы находимся в одном из районов Москвы, который не так давно лежал за городской чертой. Об этом говорят и названия улиц, по которым мы проехали. Дорогомиловская застава, Можайское шоссе, Кутузовская слобода... Теперь это широкие, оживленные столичные улицы, застроенные красивыми, большими домами.

Вот здесь-то, в Филях, рядом с известной «Кутузовской избой», высится довольно мрачное на первый взгляд, серое здание с надписью на фронтоне: «Фабрика-кухня № 9».

Построен дом еще в тридцатые годы. С тех пор сохранилось и это железобетонное наименование, не способствующее, говоря откровенно, аппетиту. Посещают фабрику-кухню главным образом рабочие и служащие окружающих предприятий, студенты.

Остряки шутят:

— Работаем на заводе, а обедаем на фабрике!..

Был полдень — самый час пик. У трех касс стояли небольшие очереди, человек по десять в каждой. Третья касса была открыта несколько дней назад, но полностью избежать очередей в этот самый напряженный час все же не удается. Беда, между прочим, и в том, что руководители окрестных предприятий никак не могут договориться друг с другом, чтобы устраивать обеденный перерыв в разное время.

У кассы четверо молодых рабочих, видимо, завсегдатаев.

— Коля, подсчитывай! — крикнул один из них.— Четыре первых и восемь вторых! Как всегда!

Тот, которого назвали Колей, вынул из кармана карандаш и бумагу, приготовился записывать. Его товарищ, просматривая меню, диктовал:

— Пиши: 2 рубля 39 копеек, 43 копейки, 1 рубль 99 копеек, 1 рубль 36 копеек, 2 рубля 99 копеек...

— Ну и математика!.. — вздохнул Коля.— Выдумали же цены...

Позднее мы спросили заместителя директора столовой Василия Кирилловича Суханова:

— Разве нельзя округлить цены? За компот, скажем, брать не 72 копейки, а 70, за шницель — не 2 рубля 99 копеек, а 3 рубля, за котлеты — не 2 рубля 18 копеек, а 2 рубля 20 копеек и, наконец, за стакан чаю — не 16 копеек, а 15?

— Нет указаний...

— Но это освободит потребителей от решения арифметических задач, облегчит труд кассирш, уменьшит очереди у касс и опасность обсчета, что также немаловажно. Не так ли?

— Конечно...

Молодые рабочие простояли у кассы почти десять минут. Это тем более обидно, что весь дальнейший обед отнял у них немногим больше времени.

Залы даже в час пик не так уж переполнены. Во всяком случае, за спинами обедающих никто не стоял.

В этой столовой посетители сами обслуживают себя. Нет официанток в белых передниках. Никто не бегает с переполненными подносами, никто не нервничает. Никто не произносит раздражающей фразы: «Вас много, а я одна!». Поэтому в зале тихо, спокойно, все заняты приятным делом: едят.

Самообслуживание в столовых — прогрессивная форма торговли. Товарищ Н. С. Хрущев в докладе на XX съезде КПСС говорил, что надо более решительно переходить на самообслуживание, чтобы сами потребители получали заказанные блюда, надо поставить общественное питание так, чтобы трудящимся было выгоднее пользоваться столовыми и буфетами, чем покупать продукты и готовить пищу дома.

Мы подошли к прилавку, за которым стоят повара. Прежде всего надо запастись подносом, ложками, вилками, ножами. В полном вооружении продвигаемся дальше вдоль прилавка, где девушки в белых халатах вручают нам поочередно борщ, бефстроганов и, на третье, кофе с молоком. Теперь остается только аккуратно донести это на подносе к столу.

Все оказывается в меру горячим, достаточно вкусным и сытным. Хлеб — и белый, и черный — стоит на столе в большой вазе. Стоимость его включена в стоимость блюд.

— Увеличился ли расход хлеба в связи с введением самообслуживания? — спросили мы Суханова.

— Нет,— ответил он.— Каждый ест хлеба столько, сколько хочет, это не проблема! — И тут же добавляет: — А вот всевозможных блюд мы стали продавать процентов на двадцать пять больше, чем при официантках.

Столовая работает сейчас спокойно, ритмично. Наладились добрые отношения с заводскими комитетами соседних предприятий, что прежде казалось несбыточной мечтой.

Ну, а как же потребители? Мы опросили десятки людей — рабочих, служащих, инженеров. Они довольны. Только один плотный мужчина средних лет ответил отрицательно:

— Раньше я с трудом успевал проглотить два блюда, а на завод бежал изо всех сил. Такая пробежка полезна при моей комплекции. А теперь? С обедом управляюсь за 15—20 минут, съедаю по два вторых, возвращаюсь в цех спокойно, не спеша. Кажется, начинаю полнеть...

Повара, молодые и старые, окончившие школы, техникумы и институты, стоят у газовой плиты, электрических жаровен, котлов с борщами и супами, у мясорубки, перерабатывающей 350 килограммов мяса в час, у кремосбивалки и тестомесилки. Работает универсальный овощной привод, режущий, протирающий, шинкующий овощи. Конвейерная машина вымывает за час 1600 тарелок.

В двух залах установлены прилавки для раздачи пищи посетителям. Часть прилавка, откуда отпускаются закуски, охлаждается, другая, предназначенная для выдачи горячих блюд, чая, кофе, подогревается: посетитель не хочет есть холодные щи или теплый винегрет.

Когда мы были на кухне, привезли продукты из кладовой. В разделочную сложили четыре коровьих и пять бараньих туш, много поросят, кур, цыплят и огромный тюк замороженных коровьих сердец, доставленных с холодильника. Повар обещает приготовить из них прекрасный гуляш на завтра.

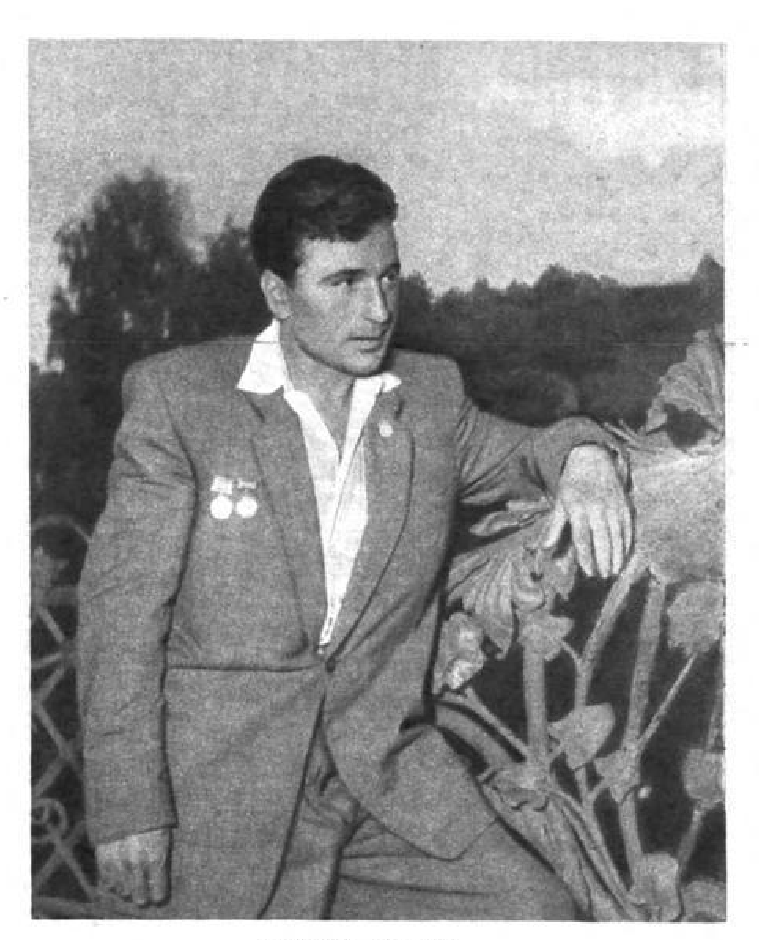
— Приходите попробовать,— приглашает он.

Я. МИЛЕЦКИЙ.

Фото Е. Тиханова.

↓ В столовой у прилавка.

Алексис Парнис.
Фото А. Новикова.

Когда сходятся пути

П. КРАВЧЕНКО

В Варшаве, в номере гостиницы «Бристоль», греческий поэт Алексис Парнис сел за письменный стол и раскрыл тетради.

Ему позвонили. Незнакомый англичанин извинялся за беспокойство и спрашивал, нельзя ли ему встретиться с автором «Сказания о Белояннисе». Фамилия Вильямс ничего не говорила Парнису: Вильямсов среди англичан много. Но отказываться от встречи не было оснований.

Парнис надел пиджак, спустился этажом ниже, в затемненный холл гостиницы. Навстречу ему поднялся молодой англичанин, хотел было поклониться и представиться, но ничего этого не сделал. Он растерянно смотрел в лицо приближающемуся поэту. Веки у Парниса чуть подрагивали: когда-то в двух метрах от него разорвалась граната, слегка обожгла лицо, и с тех пор осталось это непроизвольное подрагивание век, которые, раз увидев, нельзя не запомнить.

— Вы... Это вы? — наконец спросил англичанин.— Я не знал, что это вы...

— Я Парнис. Почему вы так на меня смотрите?

— Боже, неужели вы не помните Афины, индийца, одеяло, Джонни и Киплинга?

Парнис внимательно посмотрел на англичанина, увидел родимое пятно на правой его щеке и вспомнил.

...В декабре 1944 года Парнис был комиссаром греческого полка ЭЛАС. Полк дрался на баррикадах в Афинах. Партизаны делали частые вылазки и захватили в плен немало английских солдат. Среди пленных был и восемнадцатилетний Джонни Вильямс. Его лица тогда еще не касалась бритва, но юноша и в плену продолжал считать себя хозяином положения. Он был самонадеян и заносчив, обещал греческим партизанам, что их «скоро проучат». Партизаны угрюмо отмалчивались. Парнис спрашивал Джонни:

— А за что нас надо проучить? Может быть, за то, что мы выгнали со своей земли гитлеровцев? Зачем вы пришли сюда? Кто вас приглашал? Мы могли бы и сами разобраться в своих делах.

Джонни кипятился. Он высокопарно рассуждал о великой миссии Британии, декламировал Киплинга, заявлял, что «цивилизованным народам поневоле приходится опекать народы менее культурные», и говорил еще многое и многое другое, о чем сейчас Джон Вильямс не может вспоминать, не краснея. Парнис изучающе смотрел на юношу и коротко спрашивал:

— Вы уверены, что цивилизация Англии древнее греческой?

Джонни в ответ снова цитировал Киплинга.

Пленных поместили в большой пустой комнате. Время было тяжелое, многого не хватало, и англичанам приходилось на ночь покрываться своими куртками: одеял не было. Среди пленных оказался один индиец. Он был одет хуже других, и греческие партизаны, посовещавшись, выделили для него одно одеяло. Утром на поверке оказалось, что индиец лежал в углу неукрытый, а под одеялом похрапывал Джонни Вильямс: ночью он отобрал одеяло у индийца. Партизаны вернули одеяло по принадлежности. Следующим вечером Джонни снова взял его себе, коротко разъяснив: «Ты — индиец, а я — англичанин». Наутро греческие партизаны-рабочие пристыдили индийца: «Как ты можешь уступать? Твоя страна больше Англии, ваш народ нисколько не хуже любого другого народа, а во многом заслуживает и большего уважения. Почему ты отдаешь ему одеяло?»

Неизвестно, что произошло в комнате пленных на третью ночь, но греческие часовые утром увидели, что индиец спит под своим одеялом.

Джонни Вильямс был неглупым юношей, скоро ему надоело собственное красноречие, и он стал прислушиваться к разговорам греческих партизан, просил переводить ему непонятные места, реже спорил, а увидев, как партизаны делились с пленными своим скупым пайком, перестал вслух цитировать Киплинга.

Вскоре, во время короткого перемирия, состоялся обмен пленными.

Парнис думал, что он больше никогда не увидит «строптивого Джонни».

И вот спустя одиннадцать лет он стоял теперь с ним лицом к лицу.

— Вы знаете, как это удивительно... Странно и совсем удивительно,— повторял англичанин.— Когда-то вы первый преподали мне краткие уроки человечности... Но я не знал, что Алексис Парнис — это вы... В 1949 году у нас, в Англии, перевели вашу повесть о греческом партизане Фомасе Барутасе, погибшем во время гражданской войны; я читал ее. К тому времени я уже два года поработал помощником лоцмана на Темзе. Подружился со многими английскими рабочими. Стал старше. Оказался на некоторое время безработным, но об этом нелегко говорить... И потом, в 1952 году, чудовищный расстрел Никоса Белоянниса... Мы в Лондоне организовали кампанию протеста. Все честные люди негодовали. Книги нашего писателя Олдриджа тоже помогли мне лучше узнать и оценить подвиг вашего народа в прошедшей войне. Я внимательнее стал следить за политикой. Нет, я не коммунист, я просто рядовой англичанин, и мне хочется честно разобраться в том, что происходит на свете. У меня уже двое детей, я хочу воспитать их так, чтобы они привыкли жить в мире и уважать любой народ, потому что все имеют равное право на счастье и на свое место под солнцем; времена империй прошли, дело идет к тому, что каждый народ будет сам определять свою судьбу,— этого сейчас не могут понять только тупицы...

В Лондоне я собирал подписи за мир, потом поехал делегатом на Всемирный фестиваль молодежи... Боже ты мой, только подумать: в Афинах я вам декламировал Киплинга! Вам, Алексису Парнису! Вы можете подарить мне вашу поэму о Белояннисе? Я буду добиваться, чтобы ее перевели на английский язык. Вы боретесь за мир, я — тоже.

— Поздравляю вас, Вильямс,— ответил Парнис.— Конечно, я подарю вам свою книгу.

ГОРЫ И МОРЕ

Алексис ПАРНИС

ПРИЗНАНИЕ

Заводы, пароходы, верфи, тросы,
домишки покосившиеся, древние,
сквозь них сочатся копоть, соль и слезы.
Я вспоминаю лавки, и харчевни,
и море синее, и мол,
где детство я провел.

Матросов вспоминаю, рыбаков,
каменотесов, токарей,
трудящихся до пота бедняков —
богатырей.

Как часто, отдыхая от трудов,
они со мной шутили вечер целый,
когда ж сердился я, то, как зверек,
весь съежившись, пускался наутек,
оставив на руках их огрубелых
следы зубов...

И взгляд их начинал сиять:
им вспоминались детства годы:
«Кусает здорово. Видать,
что с нами он одной породы!»

* * *

И вот я отрок. С мачты в море
нередко прыгал я в те дни.
Как любовались мной они!
С какою гордостью во взоре
за мной следили! И опять
с улыбкою твердили верховоды:
«Ныряет здорово. Видать,
что с нами он одной породы!»

* * *

Пришла суровая пора.
Подули партизанские ветра.
Ночами выходили мы
на звук условленного свиста.
Звучали выстрелы из тьмы...
И вновь убитого нациста
наутро находил патруль.
А в ставни старые сквозь щели
соседи и отцы глядели,
не уставая верить, ждать,
гордясь, что мы — бойцы свободы:
«Стреляют здорово. Видать,
что с нами все одной породы!»

* * *

Те годы уж давно прошли.
Я жил от города вдали,
боролся я, ушел я в горы.
Вдали от них поэтом стал.
Давно тех мест я не видал,

где бегал я в былую пору,
давно не видел земляков,
тех тружеников-бедняков,
каменотесов, моряков,
и рыбаков, и токарей —
богатырей.

Но я вернусь когда-нибудь,
и снова встану перед вами,
и вам стихи свои прочту,
чтоб вы меня судили сами.
Ах, если б мог я услыхать
то, что слыхал в былые годы:
«Неплохо трудится. Видать,
что с нами он одной породы!»

Перевела М. ПАВЛОВА.

ОСЕНЬ

Меланхолический поэт,
умолкни! Скучно слушать мне
о деревах, теряющих
листву свою осеннюю.
Нет! Это не толпа солдат,
оружие бросающих;
не плакальщицы, что вопят,
рвут волосы в смятении.

Нет! Этот оголенный лес
напоминает мне борцов,
что молча раздеваются,
и расправляют плечи,
и, на арену выходя,
вздымают руки мощные,
чтоб с кулаками сжатыми
идти зиме навстречу.

МОЛЧАНЬЕ

Мы вместе. Да ночное море,
как друг, посвистывает где-то в стороне
и словно намекает: не хочу
вам помешать при вашем разговоре!
Но я молчу.
И звезды в вышине,
как будто мириады мириад
расставленных над нами многоточий,
молчат.
— Что там, на звездах, жизнь
или пустыня! —
ты говоришь.
Но что могу я
о звездах, о таких далеких,
сказать тебе сейчас, когда
о том еще не знаю я,
что в сердце у тебя таится для меня,
моя
земная,
близкая звезда!

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Эгейское бушующее море!
Эгейское!
Я воскрешу преданье:
стоит Эгей с отчаяньем во взоре,
глядит с утеса, ищет он в тумане
корабль Тезея,
дорогого сына,
чьей доблестью прославлена Эллада.

О горе, горе!
Виден черный парус!
Тезей погиб! Растерзан Минотавром
любимый сын — надежда и отрада!
Ты бросился в соленую пучину,
родитель престарелый, поспешивший
поверить в знак и потерявший веру
в родного сына!
И, шумя в печали,
взметнулось и сомкнулось над тобою
вот это море, море голубое,
которое Эгейским мы назвали.

Эгейское бушующее море!
Эгейское!
И тот же и не тот
сегодня над тобою небосвод:
отцы и матери толпой в слезах и в горе,
но все-таки с надеждою во взоре
глядят в туман твой, чтоб увидеть там
Макронисос, который по волнам
плывет, подобно кораблю, в чьих трюмах
мы, узники, среди тюремщиков угрюмых;
но ничего им не поделать с нами —
мы знамя мужества подымем над волнами!
И сколько старикам ни говорили,
что их сынов давным-давно убили,
но все же ждут и ждут они детей,
сражающихся с тысячью смертей.

Эгейское бушующее море!
Эгейское!
Но ныне час настал
дать имя новое тебе —
дать имя тех отцов и матерей,
которые не бросились со скал
и не исчезли в белой пене,
но все живут с невзгодами в борьбе
и в сотни тысяч крат сильней,
чем в нашу смерть,
умеют верить в наше возвращенье!

Перевел Леонид МАРТЫНОВ.

* * *

Да, мы придем когда-нибудь, окончив
путь скитанья,
туда, на берег наш морской, на горные
поля,
туда, где, поднимаясь ввысь, в задумчивом
молчанье
оглядывает всю себя родимая земля.

Протянет море нам, как мать, свой фартук,
полный света,
все звезды неба соберет, как яблоки, туда,
чтобы приблизить звезды к нам, своим
скитальцам-детям,
которые к земле родной вернулись
навсегда.

* * *

Много было пройдено,
пережито много
прежде, чем с тобой меня
вдруг свела дорога.

Проволока черная
путь закрыть хотела,
но все шел упорно я
и не клочья тела
оставлял на ней, как след,—
клочья весен, юных лет...

Светом счастья нашего
засветились дни.
Ни о чем не спрашивай —
в сердце загляни.

Это сердце, милая,
я принес тебе,
как знамя, кровью мытое,
пулями пробитое,
верное борьбе.

Перевела М. ПАВЛОВА.

Рисунок В. Высоцкого.

«Зернокормовая пшеница». Академик Н. В. Цицин отбирает колосья пшенично-пырейного гибрида.

СЛОВО ПЕРЕД ЭКРАНОМ

«О новом порядке планирования». Птицефабрика в колхозе имени Сталина, Ставропольского края. Опыт ее строительства используют десятки других артелей.

Вот письмо из Приморского края, непосредственное, как сама юность:

«Посмотрели мы в киножурнале «Новости сельского хозяйства» про червеца, и нам очень захотелось бороться с вредителями лесов и садов. Мы хотим поскорее вырасти и выступить на смертельную борьбу. Ученицы шестого класса Валентина Андрусова, Светлана Бурдюкова».

Показанное на экране грозное вторжение вредителей в цветущую долину волнует и взрослых. Перед зловредным насекомым, которое неожиданно обрушилось на сады и шелковицу Ферганы, даже химики спасовали. Но выручили энтомологи: они отыскали в арсенале природы мушку псевдафикус и с ее помощью уничтожили врага.

...Киножурналу «Новости сельского хозяйства» пять лет. Он возник в целях всемерной пропаганды достижений сельскохозяйственной науки и передовой практики. Впервые в истории нашей кинематографии удалось, почти не имея опыта, создать научно-популярный киножурнал для тружеников земли. Правда, изредка у нас и за границей появлялись киноленты на сельскохозяйственные темы, но в образцы они не годились: у нас это была обычная хроника, а за границей — чаще всего торговая реклама. Пришлось искать свои творческие пути, и они были найдены.

Журнал с первых же номеров понравился сельскому зрителю. И не только сельскому. Зрители пишут:

«Уважаемая редакция! Наша публика смотрела киножурнал «Новости сельского хозяйства» восторженно. Посмотрели раз и, не поднимаясь, попросили показать еще раз. Зоотехник А. Бурылева, совхоз «Петровское», Московской области».

«Я пишу дипломную работу на тему «Механизация осушительных работ в колхозах». Киножурнал помог мне лучше разобраться в некоторых важных вопросах. Студент Леонид Решетников. Слонимский техникум механизации».

«Сегодня мы смотрели киножурнал. В нем показали новый сорт пшеницы, который дал академик Цицин при помощи скрещивания с пыреем. Обращаемся к вам с просьбой: держите нас как можно больше в курсе новинок сельского хозяйства. Желаем удач. Пока до свидания. С чувством долга перед Родиной по поручению группы воинов младший сержант Лысаков».

Киножурнал завоевал симпатии и за рубежом. «Новости сельского хозяйства» с дублированным дикторским текстом смотрят крестьяне Китая, Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Германской Демократической Республики.

Знают журнал и в Индии, Бирме и в некоторых странах Ближнего Востока. Демонстрируют его изредка и в капиталистических странах.

«Новости сельского хозяйства» выпускаются ежемесячно тиражом до 1 200 экземпляров. За пять лет издано 250 сюжетов самого различного содержания. Тут квадратно-гнездовая посадка картофеля, советская порода тяжеловозов, новые сорта подсолнуха селекционера Пустовойта и гибридизация алтайских яков с сибирскими симменталами, агрегат для брикетирования трав и колхозная птицефабрика. Всего не назвать...

Киножурнал издавна настойчиво ратует за кукурузу. Ее биологические особенности и физиологические свойства, агротехника, продвижение на север и на целинные земли, посевы совместно с другими культурами по способу колхозницы Евгении Долинюк, ускоренный способ проверки кукурузных семян на всхожесть — все это можно видеть в «Новостях сельского хозяйства».

Кропотливая работа над номером, состоящим обычно из четырех сюжетов, отнимает несколько месяцев. Мультипликация, специальные съемки требуют больше времени, чем обычные.

Но хотя в журнале удачные работы явно преобладают, все же среди многих известных нам выпусков есть слабые по теме и сценарной разработке, отснятые явно наспех, без выдумки, с дикторским текстом, написанным сухим, канцелярским языком.

Наш сельский зритель — человек со взыскательным вкусом и трезвым, практическим отношением к фактам. Он хочет не только знакомиться с новинками техники, но и знать, во что это обходится.

Однажды на просмотре журнала в сельском клубе показывали знаменитый, но единственный в стране роскошный доильный зал, который конструкторы соорудили в подмосковном колхозе имени Молотова. Зоотехнический «люкс» вызвал много веселых реплик. Колхозники добродушно посмеивались над коровами-«барынями», которым разве только телевизоров не хватает перед кормушками; едко высказывались по адресу тех, кто, забывая реальную действительность, не понимает насущных нужд десятков тысяч колхозов.

К сожалению, журнал еще не заговорил устами людей, работу которых он пропагандирует. Прямая речь звучала бы с экрана убедительней. Но, увы! Вместо голоса ученого или колхозника-новатора всегда слышен только голос диктора, иногда довольно нудный и навязчиво-поучительный. Причина в том, что редакция «Новостей сельского хозяйства» не имеет ни одного портативного аппарата для синхронной записи речи при съемках. И это в наши дни, когда магнитофон вошел в быт! Больше того: съемочные камеры, которыми работают операторы «Новостей сельского хозяйства», появились еще на заре советской кинематографии. Вряд ли все это содействует качеству съемок.

Партия и правительство требуют повысить качество научно-технических кинофильмов и особое внимание обратить на оснащение киностудий современной техникой.

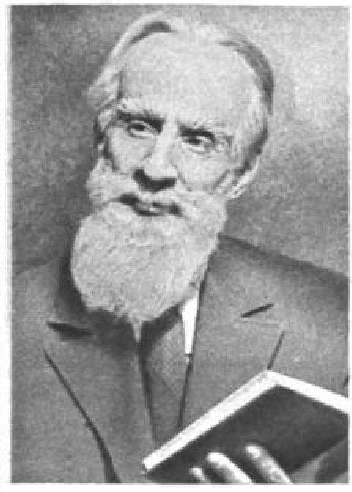
Такая помощь и должна быть оказана киножурналу «Новости сельского хозяйства». Впрочем, в поддержке давно нуждается и Московская студия научно-популярных фильмов, которая издает его.

С. КАНЕВСКИЙ

НА СЦЕНЕ—ПЬЕСА ШОУ

В зрительном зале вспыхнули лучи прожектора, осветив на авансцене огромный портрет. Высокий лоб, умные, чуть лукавые глаза, серебро седины. Да это Бернард Шоу! Искренний друг нашей страны, глашатай разума, справедливости. Сопровождаемый снопом света, Шоу шагнул из рамы навстречу зрителям. Он заговорил о себе, о том, что видел в своей жизни все не так, как другие люди, и, ему кажется, видел лучше, чем они...

«И хотя ничто не может сравниться с войной в том, что касается зверства, насилия, ужаса и возмутительной жестокости, особенно когда это делается для возвеличения кровожадных дураков и трусов, спокойно и удобно сидящих дома и просматривающих сенсационные специальные корреспонденции,— ни одна победа не завершалась без «отче наш»... «христианские воины называют бога соучастником своих преступлений и прославляют его за это»,— заключает Шоу.

«Ученик дьявола» Б. Шоу. В роли Шоу — артист Ч. Михневич.

Фото Я. Криевиня.

1777 год был годом борьбы населения американских колоний с войсками захватчиков. Именно в этом году и происходили события, о которых рассказал Шоу в пьесе. Занавес раздвигается, и зрители видят затемненную комнату в доме дремлющей сейчас у камина миссис Даджен — особы «крайне неприятной», но которая «почитается крайне добродетельной». Отрекомендовав ее так, Бернард Шоу (артист Чеслав Михневич) уходит за кулисы.

Этой сценой начинается постановка пьесы Б. Шоу «Ученик дьявола» в рижском театре юного зрителя имени Ленинского комсомола.

Протест против лжи и лицемерия Дадженов олицетворен в спектакле в образе Ричарда — старшего «беспутного» сына. Артист Рудольф Дамбран, хорошо поняв смысл пьесы, живо и искренне ведет эту роль. Зрители сочувствуют Ричарду с первого его стремительного появления в доме матери, где в эту минуту родственники собрались для чтения завещания его умершего отца. Бросая вызов фальшивому «благочестию» членов семейства, Ричард называет себя учеником дьявола, а дом, доставшийся ему от отца по завещанию, домом дьявола. Видя запуганную ханжой-теткой маленькую Эсси, он клянется: «...отныне ...здесь никогда не заплачет ребенок... и ни одна живая душа не будет дрожать здесь от страха долгими темными вечерами!»

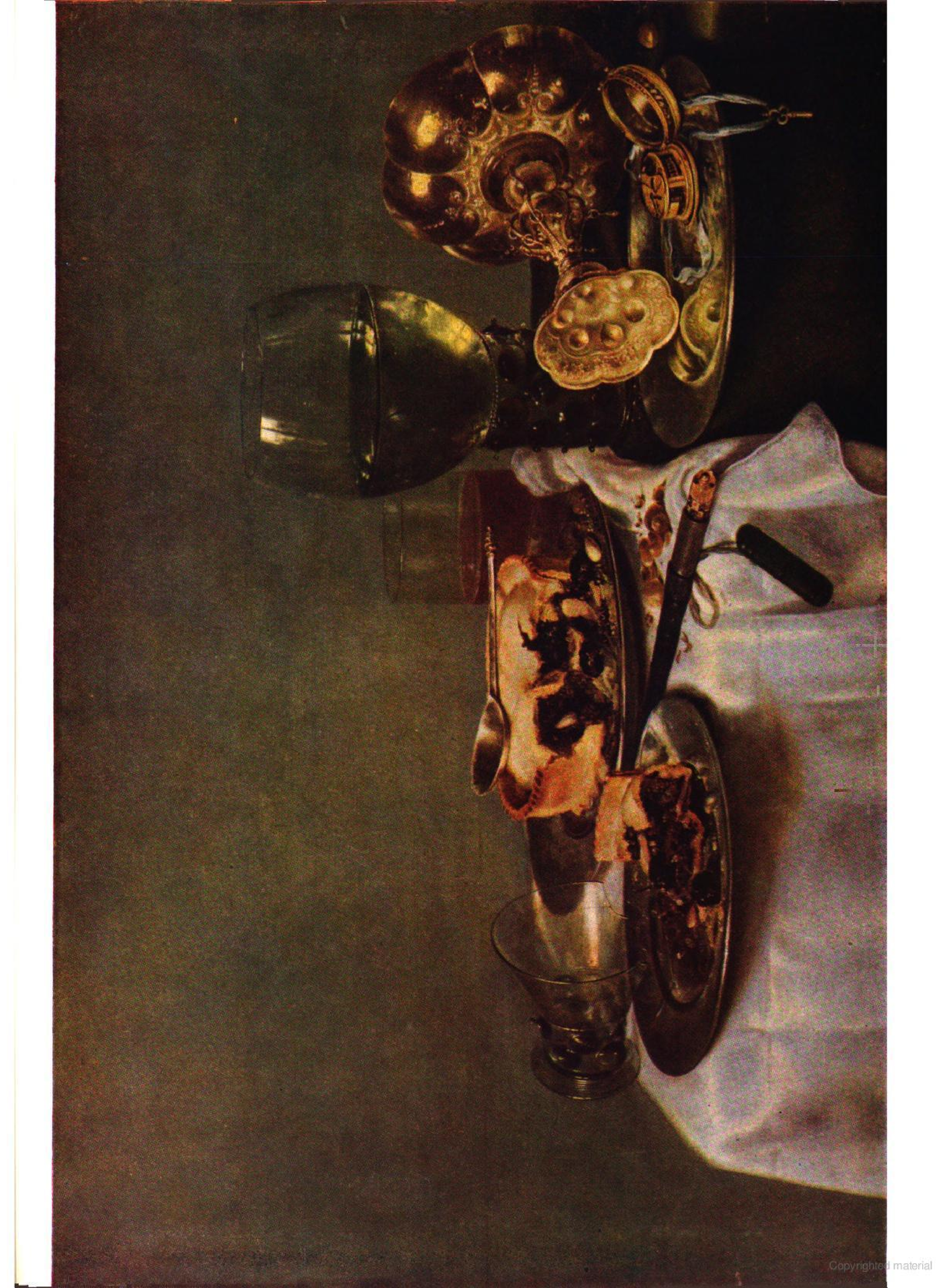
С каким сарказмом говорит Ричард членам английского военного суда об ограблении англичанами колоний, с какой мужественной иронией встречает решение о казни пастора Андерсона, имя которого он принял!

С судьбой Ричарда Даджена тесно переплелась судьба другого героя пьесы — Антони Андерсона. В час народного бедствия он продал библию для того, чтобы купить пистолеты и возглавить отряд повстанцев — борцов за свободу и независимость. Артист Леонид Кукис выразительно передает преображение пастора в борца. Убегая к повстанцам, он бросает жене Джудит (Т. Солошек), ошеломленной и горем и стыдом за «труса» мужа: «Ты не знаешь человека, с которым живешь». И зрители еще не знают его. Но вот он появляется на сцене—капитан, воин, спаситель Ричарда. И зрительный зал встречает Андерсона одобрением.

Юные зрители хорошо знают актеров своего театра: они часто встречаются на обсуждениях спектаклей. Некоторые из актива театра — ученики 5-й вечерней школы — даже вызвались поработать в архивах публичной библиотеки, где делали выписки из речи Шоу в Москве в 1931 году на чествовании по случаю его семидесятипятилетия, из бесед писателя с корреспондентами. Эти выписки пригодились артистам в работе над пьесой.

Н. ХРАБРОВА

Рига.

Жан Этьен Лиотар (1702—1789). ШОКОЛАДНИЦА. **Дрезденская галерея.**

В. ВИКТОРОВ

До зимы 1951 года только одно место на земном шаре было ареной борьбы за высшие достижения в конькобежном спорте: сверкающий под лучами горного солнца ледяной каток в Швейцарских Альпах. На давосском катке было установлено большинство мировых рекордов, и Евгений Гришин, молодой скороход, часто мечтал о том, чтобы испытать свои силы на льду, столь же прозрачном, как горный воздух Альп.

Совершенно неожиданно его мечты осуществились. Перед ним — высокогорный каток. Правда, находится он не в Альпах, а в горах Ала-Тау, невдалеке от Алма-Аты. Пробные забеги показали, что здесь можно развивать невиданную доселе скорость. Но Гришину не удалось принять участие в соревнованиях: за несколько дней до открытия высокогорного катка его вызвали в Москву. Ему сообщили, что вместе с абсолютным чемпионом страны Юрием Головченко и сильнейшим спринтером Юрием Сергеевым он поедет в Пояну, в Румынию, на всемирные студенческие игры.

В те дни, когда лучшие скороходы страны праздновали новоселье под Алма-Атой, Гришин выступал в Пояне. Он добился там победы на двух дистанциях, а затем пробежал в Бухаресте 1 500 метров за 2 минуты 19,2 секунды. За этими цифрами таилось многое. В 1938 году Анатолию Копчинскому удалось установить на дистанции 1 500 метров всесоюзный рекорд — 2 минуты 20,6 секунды. С тех пор никто не мог перекрыть это время. Его перекрыл Евгений Гришин; он первым вслед за Копчинским прорвался в мир больших скоростей — и радости его не было предела.

Но уже на следующий день после своего рекордного бега Гришин узнал, что на высокогорном катке в горах Ала-Тау Владимир Прошин пробежал 1 500 метров быстрее — за 2 минуты 17,2 секунды, а по дороге домой прочел в газете еще более волнующее сообщение: Константин Кудрявцев улучшил результат Прошина на 0,7 секунды.

Всю дорогу Евгений Гришин только и думал об этом, и в ушах его не затихало тиканье судейских секундомеров. Так овладела им своего рода «секундная лихорадка».

Есть в спорте такой термин — спринт. Он определяет не только спортивную «специальность» — бег на короткие дистанции, но и характер самого спортсмена. Спринтер, как правило, вспыльчив, легко возбудим, он по своей сути словно создан для кратковременных бурных усилий. Таким природа создала тульского паренька Евгения Гришина. Он с детства любил до изнеможения носиться по цементному овалу велотрека, а начав заниматься коньками, особенно полюбил самую короткую дистанцию — 500 метров. Но специальность у Гришина была кропотливая, требующая большой усидчивости и спокойствия,— он был гравером. Может быть, именно поэтому молодой туляк так и увлекся коньками, находя на льду отдушину для своей непоседливой, экспансивной натуры.

В шестнадцать лет Евгений Гришин стал чемпионом РСФСР среди юношей, мечтал войти в строй сильнейших многоборцев страны.

Старшие товарищи Гришина по физкультурному коллективу и тренер заводских конькобежцев Яков Иванович Яковлев не скрывали от него трудностей, с которыми он встретится. Гришин не обладал одним основным для успеха в многоборье качеством: он не показывал достаточно хороших равных результатов на всех четырех дистанциях, а ведь победа в многоборье определяется суммой очков, полученных в результате борьбы на 500, 1 500, 5 000 и 10 000 метров.

Природа не создала еще за всю историю конькобежного спорта такого спортсмена, который был бы одинаково силен как на коротких, так и на длинных дистанциях. Но каждый выдающийся многоборец, закладывая фундамент победы на своих любимых дистанциях, и остальные проходит достаточно успешно, а Гришин, отлично пробегая 500 и 1 500 метров, терял все свои преимущества в беге на 5 000 и 10 000 метров.

И был момент, когда молодой спортсмен подумал о том, не забросить ли ему коньки. Ведь все крупнейшие соревнования проводятся по сумме четырех дистанций, и только на олимпийских играх победу дает успех на каждой дистанции. [illegible] ли «огород городить» в наде. . ., что когда-то удастся стать участником олимпиады? Сколько для этого придется работать, сколько ждать?!

Но Гришина уже увлекла борьба со временем, и конькобежец продолжал тренировки. Нет, Гришин никогда не сойдет с ледяного круга, хоть и не имеет шансов стать абсолютным чемпионом страны! Он это понял, возвращаясь на Родину из Румынии.

Но вот осуществилась мечта спринтера испытать свои возможности на льду высокогорного катка. Снова собрались в горах Ала-Тау лучшие скороходы, и Гришин на этот раз был среди них. Идут забеги на 500 метров. Кудрявцев финиширует с высоким результатом — 42,4 секунды, на старте Сергеев, и секундомеры регистрируют время нового мирового рекорда — 41,7 секунды. Время норвежца Энгнестангена, показанное им на давосском катке в 1938 году, наконец побито. Да, теперь ясно, что алма-атинский каток ни в чем не уступает давосскому. С этой мыслью вышел на старт и Гришин, но показал только третий результат — 42,7.

Как он потерял целую секунду? В таком кратковременном беге малейшая неточность влечет за собой поражение. Конькобежца-спринтера можно сравнить со снайпером: для того, чтобы попасть в «десятку», он должен с безошибочной точностью слить воедино все свои движения, начиная со стартового рывка и кончая выходом с виража на прямую.

Гришину удалось это на следующий день. В беге на 1 000 метров его борьба с пульсирующей секундной стрелкой закончилась тем, что мировой рекорд финна Тунберга, установленный в 1930 году, перестал существовать. Гришин прошел дистанцию за 1 минуту 26,4 секунды.

Прошел еще один год упорных усилий, трудных поисков — и вот его итог: не Гришин, а Сергеев показал лучший результат в беге на 500 метров в матче со скороходами Швеции, не Гришин, а Сергеев снова улучшил мировой рекорд, пробежав на высокогорном катке 500 метров за 40,9 секунды. Не Гришин, а Сергеев оказался победителем в беге на 500 метров на встрече с норвежскими скороходами. И все же Евгений Гришин продолжал настойчиво готовиться к новой зиме. Придет час и его победы, он верил в это. И этот час пришел.

На мировом чемпионате 1954 года в Японии Гришин показал лучшее время в беге на 500 метров, а по сумме очков занял третье место среди сильнейших многоборцев мира. Затем осуществилась его юношеская мечта: он приехал в Давос как участник первенства Европы, и никто не смог быстрее его пробежать 500 метров. Прошедшей зимой, выступая на алма-атинском катке в паре с Юрием Сергеевым, Гришин установил новый мировой рекорд в беге на 1 500 метров — 2 минуты 9,8 секунды, но зато Сергеев еще на одну десятую секунды улучшил свой рекорд на пятисотметровой дистанции.

Так наступил олимпийский год.

Уже в январе, когда мы увидели Гришина в Москве, он был в отличной форме, и никто не мог показать лучшего времени в беге на 500 метров. А потом по дороге в Кортина д'Ампеццо советские скороходы выступили на давосском катке, и там Евгений Гришин прошел 500 метров в рекордное для себя время — 41,6 секунды.

Наконец пришел день 28 января. На электрифицированном экране катка на Мизурине поток цифр. Азарт борьбы и трезвые подсчеты — как характерно для конькобежного спорта это неожиданное сочетание! С одной стороны, стремительное движение спортсменов, когда только тонкие лезвия коньков соединяют их с ледяной поверхностью, с другой — неиссякаемый поток цифр, заполняющих листки судейских протоколов и репортерских блокнотов: столько-то секунд — прямая, столько-то секунд — круг, столько-то секунд — дистанция. Кто быстрее? Кто будет первым? Неустанно катятся по кругу стрелки секундомеров, и скороходы — пара за парой — срываются со старта, сразу же развивая стремительную скорость.

Состязание на 500 метров было исключительно напряженным. Все участники показали высокие результаты. Но быстрее всех и красивее всех дистанцию прошел (вернее бы сказать, пролетел) Евгений Гришин.

Когда щелкнули секундомеры, на их циферблатах стрелки показали 40,2 секунды!

Это мировой рекорд. Он на 6 десятых долей секунды лучше мирового рекорда, установленного Юрием Сергеевым в горах Ала-Тау.

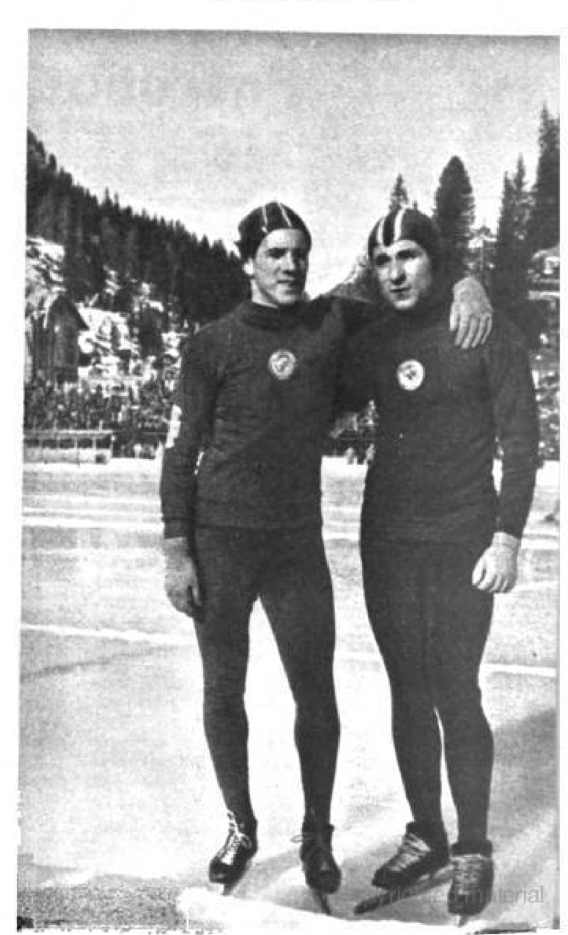
А через день Гришин удивил всех новым достижением. Он установил еще один мировой рекорд, на сей раз в беге на 1 500 метров. Его результат — 2 минуты 8,6 секунды.

Такой триумфальной победой Евгений Гришин подвел итог своей многолетней, настойчивой тренировки на льду.

Он получил две золотые медали олимпийского чемпиона.

Кортина д'Ампеццо,
февраль.

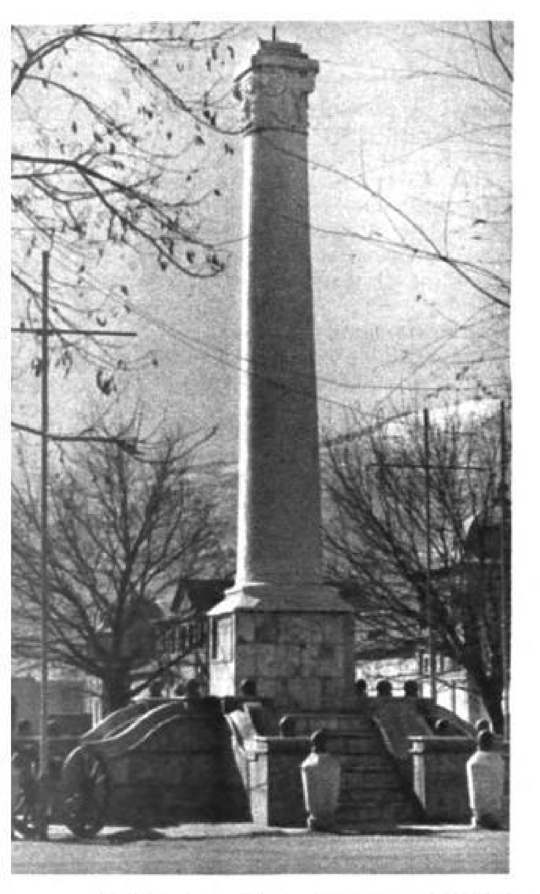
Е. Гришин (справа) и Р. Грач.
Фото А. Новикова.

28 февраля 1956 года — 35 лет со дня подписания Советско-Афганского договора.

ГОДЫ ДРУЖБЫ

Монумент Независимости, установленный в столице Афганистана.

Тысяча девятьсот девятнадцатый год... Жесточайшая борьба молодой Советской республики с контрреволюцией, разруха, голод. В это тяжелое для страны время Советское правительство, руководимое Лениным, протянуло руку братской дружбы всем народам, поднявшимся против колониального господства, и в первую очередь нашим соседям — Афганистану, Ирану, Турции.

В кровопролитной борьбе против английских колонизаторов свободолюбивый народ Афганистана завоевал национальную независимость. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика была первым государством, признавшим Афганистан.

Сотрудник первой афганской миссии в Москве Мирза Мухаммед-хан Яфтали вспоминает: «Тринадцать дней добирались мы от Ташкента до Москвы... Нередко по пути мы, члены афганской миссии, вместе с русскими разбирали заборы и даже старые здания, чтобы набрать топлива для паровоза. Нелегко жилось и в Москве... Но был в Москве человек с несгибаемой волей и сильным духом. Это был Ленин, вождь русского народа, и он привел Россию к победе над врагом».

Через два года после прибытия в столицу Советской республики афганской миссии, в холодный февральский день, когда по пустынным московским улицам мела колючая поземка, был заключен первый в истории Афганистана равноправный договор, и это был договор с Советской Россией. Он был подписан тридцать пять лет назад, в дни, когда интервенты бряцали оружием во Владивостоке, когда в Афганистане еще не заросли воронки от бомб, сброшенных с британских аэропланов, а щеголеватые офицеры из Интеллидженс сервис плели сеть интриг против молодого независимого афганского государства.

Более чем на две тысячи километров протянулась граница Советского Союза с Афганистаном, и эта граница может быть по праву названа границей дружбы.

Начиная с первой половины восемнадцатого века, когда Ахмед-шах, афганец из племени дюррани, блестящий государственный деятель, полководец и поэт, был провозглашен властелином Кабула и Кандагара, история Афганистана становится историей борьбы за самостоятельное национальное развитие. «...Храброе, отважное и независимое племя... благородный и великодушный народ», — писал об афганцах Энгельс.

На одной из тихих улиц Кабула расположен Исторический музей. Среди экспонатов, собранных здесь, внимание привлекает прекрасная коллекция монет. На них вычеканены профили завоевателей этой земли, именовавшейся в древности Бактрией. Здесь проходили фаланги Александра Македонского. Как ураган, проносились на своих маленьких конях всадники Тамерлана. В суровом Хайберском ущелье в 1841 году английская армия была разгромлена афганскими повстанцами. Карл Маркс писал об этом событии: «Часовые на стенах Джеллалабада... увидели человека в английском мундире, висевшем клочьями, верхом на заморенной лошади, и конь и всадник были жестоко изранены; это был доктор Брайдон, единственный уцелевший из пятнадцати тысяч человек, за три недели до того выступивших из Кабула».

Беспрерывные войны с иноземными захватчиками, искусственно созданная колонизаторами изолированность от внешнего мира, неравноправные, кабальные договоры с Великобританией не могли не наложить своей тяжелой печа-

---

Разговор с художником о торговле

Выдающийся мексиканский художник Диего Ривера встретил нас шутливым предупреждением:

— Знаете, я уже так много давал интервью для советской печати о живописи и об искусстве, что рискую надоесть. Может быть, побеседуем лучше о чем-нибудь другом? — И художник заговорил об экономике своей страны, вообще о положении стран Латинской Америки. Чувствовалось, что для него это наболевший вопрос, который он долго и обстоятельно изучает.

— В чем прежде всего нуждаются страны Латинской Америки? Они хотят покупать то, что им необходимо, и продавать то, что могут производить в избытке. Казалось бы, нет ничего проще. Но сейчас мы не имеем возможности вести такую торговлю. Сила доллара преграждает ей путь.

Во-первых, все упирается в промышленное оборудование,— говорит Ривера.— Вот вам пример. В Чили огромные запасы меди, но своих машин для ее добычи нет. Чилийцы хотели построить медеплавильный завод и обратились за помощью в США, но там не продали им машин. Наоборот, американские компании захватили эксплуатацию месторождений меди в свои руки. На чилийской медной руде выросли рудники и заводы американских компаний «Анаконда коппер майнинг» и «Бреден коппер». То же и с железными рудами Чили — их разрабатывает «Бетлехем стил корпорейшн».

А Мексика? — Диего Ривера с особой теплотой произносит это слово.— В горнодобывающей промышленности у нас тоже хозяйничают иноземные компании. В 1942 году на базе железорудного месторождения в Дуранго организовался национальный мексиканский концерн «Альтос орнос де Мехико». Ему понадобилось сталеплавильное и прокатное оборудование. Соединенные Штаты, как и следовало ожидать, продать оборудование отказались, а вместо этого изъявили готовность купить предприятие. Предложили было свои услуги англичане, но американцы помешали и им. В конце концов «Альтос орнос» попала под контроль фирмы «Американ роллинг миллс». Американская фирма по договору получила за техническое руководство и право пользования ее патентами часть акций и, кроме того, взимает доллар с каждой тонны продукции.

Другие два концерна, «Пеньолес» и «Ла консолидад», также попали под контроль американских дельцов. Единственная компания, в которой распоряжается мексиканский капитал, «Фундидора де нерро и асеро», находится в очень тяжелом положении. Еще сорок с лишним лет назад она закупила в США оборудование, которое до сих пор не обновлялось. Правда, машины, износившиеся вконец, США дают возможность заменять, но только так, чтобы не допустить расширения производства.

Диего Ривера помолчал, потом сказал убежденно:

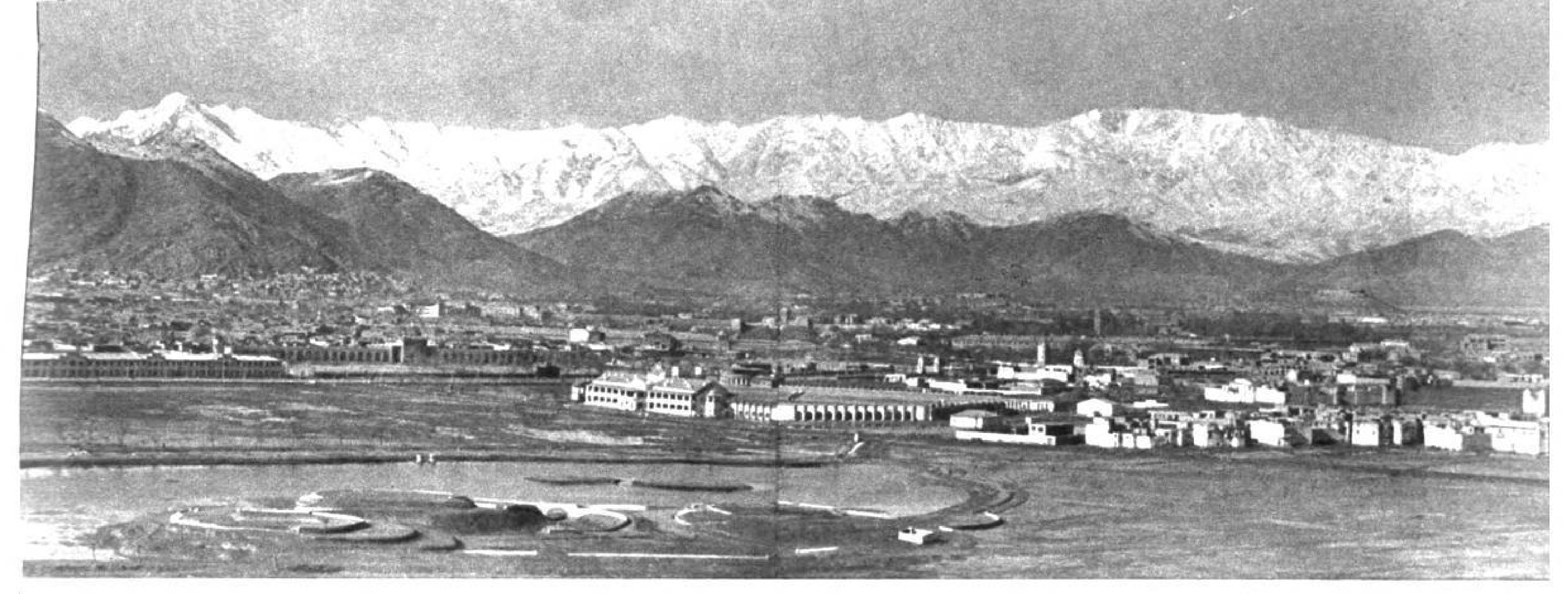
— Если бы мы получали сталелитейное и прокатное оборудование из Советского Союза на тех же условиях, скажем, как Индия, в нашей промышленности не было бы засилья американских монополий... Кстати,— припомнил художник,— у нас недавно нашли запасы урана. Ясно, что урану, как и остальным нашим ископаемым, грозит опасность очутиться в чужих руках... Экономическая необходимость для Латинской Америки — ввозить машины из СССР, Германии, Чехословакии, Венгрии, Швеции и других стран,— заключает Диего Ривера.

— Есть ли в латиноамериканских странах такие отрасли промышленности, для которых США охотно поставляют оборудование?

— Да, есть. Например, мексиканские предприятия, добывающие серебряную руду. Им в США оборудование продают с готовностью, и это делается не зря. В Мексике очистка руды отдана в концессию трем компаниям, находящимся под контролем Рокфеллеров. Вся серебряная руда переходит к ним по установленной твердой цене: в зависимости от содержания серебра — заметьте! Но дело-то в том, что мексиканское серебро имеет множество спутников, такие цветные металлы, как никель, сурьма и т. д. Содержание их в рудах не учитывается, и, таким образом, американские компании, занимающиеся очисткой руд, попросту присваивают эти ценные примеси. Получается, что мы работаем не на себя, а на соседей!

Диего Ривера называет напамять цифры.

— Итоги наших экономических связей с США тако-

Общий вид Кабула.
Фото Дм. Бальтерманца.

ти на экономическое и культурное развитие страны. После завоевания независимости перед молодым Афганистаном встали исключительно большие трудности: не было современных дорог, электростанций, фабрик, заводов, не было школ, больниц, газет. Советский Союз был первым государством, уже в те годы оказавшим Афганистану бескорыстную помощь. Советские специалисты проектируют и сооружают крупный Кундузский хлопкоочистительный завод... В те же годы быстро растет и ширится советско-афганская торговля, в основе которой взаимная выгода и полное равноправие.

В 1931 году заключается договор о ненападении и нейтралитете, который был продлен в конце 1955 года, во время пребывания в Афганистане товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

Сейчас в Афганистане закончена разработка первого пятилетнего плана развития сельскохозяйственного производства, строительства новых фабрик и заводов, электростанций, дорог, телеграфных линий. План предусматривает значительное улучшение системы здравоохранения и народного образования.

Советский Союз оказывал и оказывает бескорыстную помощь дружественному афганскому народу в его стремлении самостоятельно развивать национальную экономику. Дважды в 1954 году были предоставлены Афганистану долгосрочные кредиты на постройку хлебозаводов, элеваторов, нефтебаз, на городское благоустройство. Советский Союз всегда изъявлял готовность помогать Афганистану научными и техническими кадрами, промышленным оборудованием.

Испокон веков бичом афганских крестьян была саранча. Ее налеты опустошали поля не менее, чем войны. Недаром поэт Хушхаль-хан Хаттак писал: «Саранча, ведь и та постигает искусство войны». В 1935 году между Афганистаном и СССР было заключено соглашение о борьбе с сельскохозяйственными вредителями. С тех пор всякий раз, когда посевам афганских тружеников угрожает опасность, на помощь приходят советские ученые.

Ширятся культурные связи между двумя странами. В Москве с живым интересом встречены выпущенные большим тиражом афганские сказки и стихи. А в Кабуле афганские студенты читают на родном языке творения русских писателей.

Будущие ученые-лингвисты отметят, что в конце 1955 года словарный фонд русского языка обогатился словами индийского происхождения. Выражение «Хинди, руси — бхай, бхай!» не требует сегодня перевода, любой советский школьник понимает его смысл. А когда Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев проезжали по улицам Кабула, со всех сторон звучали дружеские возгласы: «Ды зры лы куми!» — «От всего сердца!». Действительно, советских руководителей в Афганистане встречали как дорогих гостей — от всего сердца. И это не было только долгом вежливости — это было всенародным признанием и одобрением миролюбивой внешней политики Советского Союза, основанной на уважении национальных интересов любой страны, большой или малой.

Афганская общественность с глубоким удовлетворением встретила заявление Главы Советского Правительства Н. А. Булганина о том, что Советский Союз стоит за справедливое урегулирование пуштунистанской проблемы, которую, как сказал Н. А. Булганин, «невозможно правильно решить без учета жизненных интересов народов, населяющих Пуштунистан».

Предоставив Афганистану долгосрочный кредит в сто миллионов долларов без каких-либо предварительных условий и требований, Советское правительство еще раз продемонстрировало свои дружеские чувства к афганскому народу, свою готовность тесно сотрудничать с Афганистаном в укреплении мира между народами.

Во время пребывания в Афганистане Н. С. Хрущев в следующих словах охарактеризовал афгано-советскую дружбу: «Дружба между нашими странами имеет глубокие корни. Великий Ленин стоял у истоков этой дружбы. Он лично принимал первого посла Афганистана и беседовал с ним. С тех пор дружба между Советским Союзом и Афганистаном постоянно росла и крепла... Никогда она не омрачалась конфликтами или спорами, и мы глубоко уверены, что этого никогда не будет и впредь».

Юлиан СЕМЕНОВ

вы, что мексиканцам принадлежат лишь 15 процентов рудников страны, а по добыче золота и серебра — не более 5 процентов. На остальных хозяйничают американские компании. Они вытеснили своих соперников — англичан, но оказались не лучше их...

Все это я доказывал на лекции в Колумбийском университете,— вспоминает художник.— При этом я употребил слова «империалистические хищники», разумеется, не имея в виду честный американский народ, также страдающий от монополий. И ни один человек не смог мне возразить! Потому что крыть было нечем...

Мексиканские художники Диего Ривера (в центре) с супругой Эммой Уртадо Ривера и Альфаро Сикейрос.
Фото Г. Корабельникова.

— А как складываются цены в ходе торговли между Мексикой и США?

— Если даже США поставляют нам оборудование, а это, как я уже говорил, бывает далеко не всегда, то они продают его по монопольно-высоким ценам и в то же время покупают по монопольно-низким ценам наше сырье. Это не торговля, а грабеж, о котором не имеют представления люди, живущие вне Америки.

— Какие сельскохозяйственные продукты могли бы продавать латиноамериканские страны при расширении их торговли с другими государствами?

— О, мы можем продавать мясо, сахар, фрукты, растительные масла, ваниль. Они не находят свободного сбыта в США, мы же не имеем достаточных связей с рынками других стран. Поэтому, например, в Бразилии нередко выбрасывают в море кофе и какао, в Мексике сжигают сахар. Мало того, чтобы избавиться от нашей конкуренции, американские дельцы искусственно подрывают сельское хозяйство Мексики. Приведу только один пример. Девять лет назад в Мексике была создана комиссия для изучения ящура. С помощью взяток заинтересованные американские скотоводы добились решения комиссии о том, что мексиканский скот якобы сплошь заражен ящуром и его мясо нельзя продавать. Затем были посланы отряды специалистов в сопровождении войск...

— Простите, но специалисты смогли бы определить, что скот здоров...

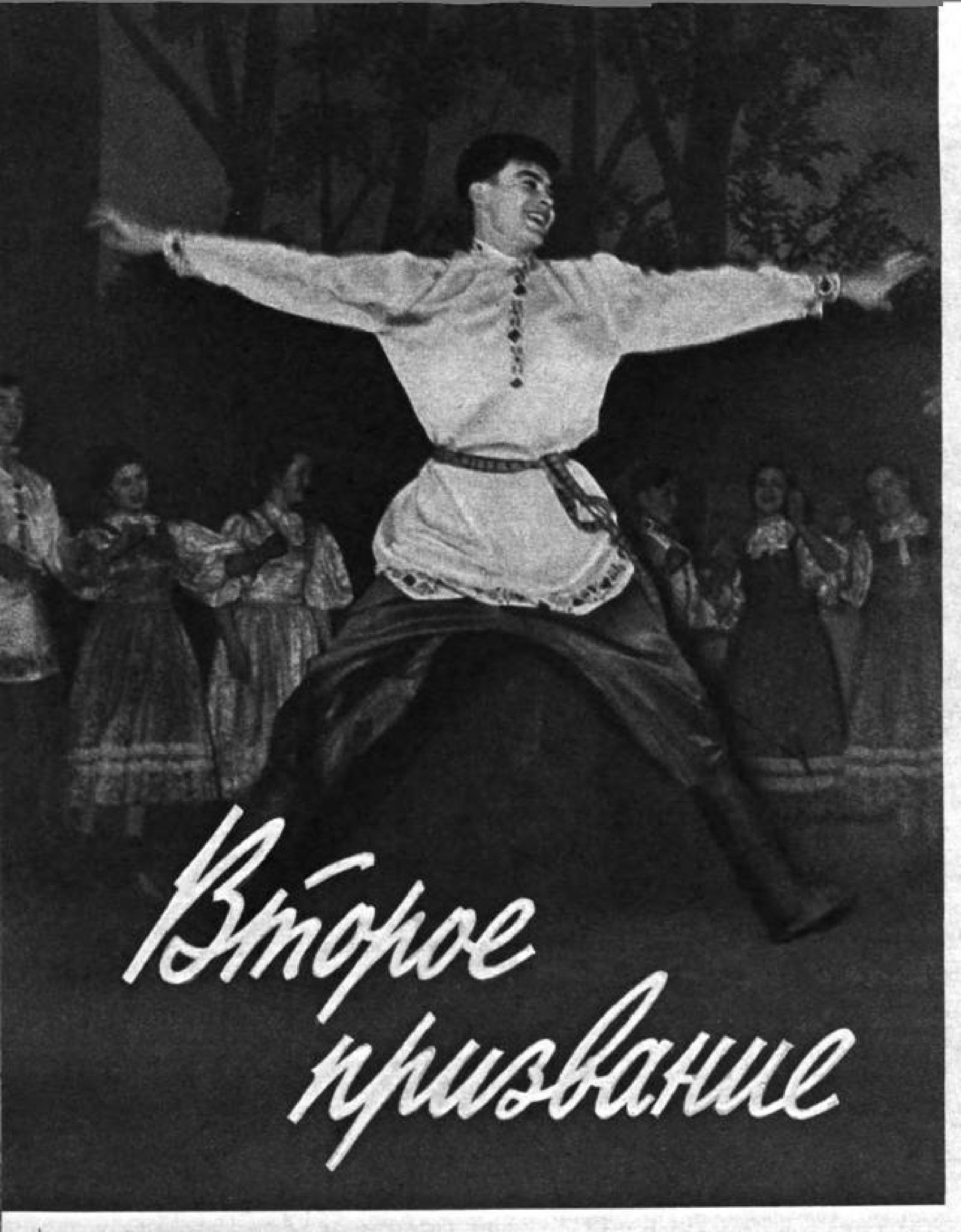
— Нет, этими «специалистами» были переодетые полицейские, они перебили сотни тысяч голов скота. Скот остался цел только там, где местное население сопротивлялось с оружием в руках... Более миллиона крестьян, оставшись без рабочего скота, было вынуждено уйти с земли. А это тоже оказалось на руку американским скотоводам: они получили из Мексики дешевую рабочую силу.

Отсталое ныне сельское хозяйство Мексики пошло бы в гору, если бы мы имели машины. Это еще одна причина, почему нам так необходимо иметь свою индустрию и особенно машины, делающие машины. Но их нам не дают ни в США, ни в Англии. Я думаю, что Советский Союз мог бы значительно помочь нам в индустриализации страны.

Мне кажется, — задумчиво говорит Ривера,— что широкие экономические связи с Советским Союзом дали бы много и для развития нашей национальной культуры.

Недавно,— говорит в заключение Диего Ривера, — советский премьер-министр Н. А. Булганин дал интервью редактору американского журнала «Висион». Я читал это интервью с волнением, как и всякий человек, живущий интересами народов Латинской Америки. Это большая программа, осуществление которой могло бы содействовать экономическому освобождению латиноамериканских народов, а следовательно, и политическому и культурному. Иначе говоря, это был бы шаг к тому, чтобы почти двести миллионов людей улучшили свою жизнь.

А. ЛАРИН,
Г. ФОМИНА

На сцене Володя Мензелинцев.

Второе призвание

Юбилей

Юбиляра чествовали по установившейся в театрах традиции. Виновник торжества — солист капеллы Дворца культуры ЧТЗ, заместитель начальника монтажно-печного цеха Михаил Михайлович Сапрунов — сидел в широком мягком кресле на сцене. На лице растерянность и волнение, которых он, вероятно, не испытывал даже в свой дебют на этой самой сцене ровно двадцать лет назад. Слева от него президиум: друзья по заводу, друзья по искусству. В зале — в партере, на балконе, в ложах — ни одного свободного места. Там все, как и он, с Челябинского тракторного завода имени Сталина. Большинство — молодежь.

После официальных фраз пошли задушевные, теплые слова. К креслу, в которое усадили Михаила Михайловича, подходили представители парткома, профсоюза, рабочие и работницы, товарищи по искусству и работе. Жали руки, обнимали, целовали, желали много здоровья и чтобы бас сапруновский звучал попрежнему густо и молодо.

В заключение получил слово юбиляр.

Что мог он сказать своим друзьям, кроме слов благодарности! Волгарь, сын паромщика, Сапрунов вырос и работал с песней. Судьба сложилась так, что стал он рабочим, потом техником. Но и певцом не переставал быть никогда. Работает на ЧТЗ с 1 июня 1933 года — со дня торжественного пуска завода-гиганта. В заводском Дворце культуры — он сам строил его на субботниках — научился музыкальной грамоте, овладел культурой пения. Выступал в Праге на фестивале, запевал в сводном хоре на сцене Большого театра в Москве.

— ...Сегодня я понял еще и другое. Что у нас, если ты любитель в искусстве,— это не только для твоей души, для твоего сердца. Это — большое дело, общественное.

«Девицы-красавицы»

Неподалеку от ЧТЗ, на улице Спартака, рядом с Дворцом культуры, стоит здание, в назначении которого нельзя ошибиться. Это театр. Зрительный зал на восемьсот с лишним мест. Балкон, ложи, вертящаяся сцена, рампа, кулисы, суфлерская будка, прожекторы, занавесы, колосники; фойе, раздевалка, костюмерные, уборные; афиши, программки, контролеры, билетеры, касса, стандартный аншлаг: «На сегодня билеты проданы». Нет только профессиональной труппы, театр назван «Рабочим».

...Драматург А. Д. Симуков, автор комедии «Девицы-красавицы», получил письмо.

«...мы слышали,— писали ему из Челябинска,— что в основу сюжета вашей пьесы положен действительный случай, происшедший на одном из подмосковных заводов. На нашем тракторном часто случается то же. Мы хотели бы с вашего разрешения изменить в пьесе место действия: пусть девицы-красавицы работают в автоматно-револьверном цехе, изготовляют детали для гусеничных тракторов...»

«Согласен», — ответил драматург.

Когда открылся занавес, зал разом ахнул. Грянули аплодисменты.

Ну кому из челябинцев не знакомо это место!

Улица Кирова, и мост через Миасс. Вдали светится огнями новый, с колоннами концертный зал. По мосту взад и вперед пробегают трамваи. На реке — ледоход.

На сцене развернулись события, какие, к сожалению, наблюдались и на Челябинском заводе. Старый мастер Авдеев убежден, что из его револьверщиц, девиц-красавиц, все равно проку не будет. Одни хиханьки да хаханьки. Но девчата оказались боевыми, и когда их начальником стал человек другого склада, молодой мастер Сергей Третьяков, дело пошло в гору.

Аплодисментами встречали каждый раз поднятие занавеса. Вторая картина: в точности партком ЧТЗ. Третья картина: площадка перед тракторным корпусом. Такой же столик с крышей-грибком (не с завода ли его принесли?), каменные вазы с цветами, тот же узор оконного переплета. Дальше заводской дом отдыха в Шершнях, под Челябинском; конторка мастера в автоматно-револьверном цехе.

О спектакле говорили долго. Считали, что драматург писал своих Третьякова и Авдеева с двух здешних мастеров. Сталелитейщики были убеждены, что шесть девушек-красавиц, героинь пьесы, существуют в жизни и взяты из цеха. Это бригада формовщиц: Шура Бухарина, Тоня Беспалова, Физа Падерова, Дуся Хтоминская, Валя Зуева и Рая Конова.

Реплики героев пьесы цитировались на заводских собраниях и совещаниях.

А игра актеров? Несмотря на то, что почти все они работники завода, художественный руководитель театра Владимир Аркадьевич Сагалов специально водил их в тот цех, о работе которого, казалось, рассказывает спектакль. Зрители, бесспорные знатоки тракторостроения, не усмотрели в игре какой бы то ни было фальши.

Урок грима в студии Рабочего театра.

Семейный секстет: Марина, Анна Ивановна, Сергей Владимирович, Лия, Дмитрий и Галина Преображенские.

Семейный секстет

Секстет — это ансамбль из шести исполнителей. Не часты случаи, когда все шестеро — члены одной семьи и большая семья целиком состоит из музыкантов.

В оркестре народных инструментов Дворца культуры рабочие и служащие завода нередко играют семьями: Старковы, Коченко, Матвеевы, Преображенские.

Если вечером нет репетиций или концерта, секстет Преображенских играет дома. Садятся в круг. Сергей Владимирович — контрабас, Анна Ивановна — гитара, младшая, Марина,— гитара, старшая, Галина, — домра, Лия — аккордеон, Дмитрий — балалайка.

Галина — концертмейстер и в оркестре и дома.

Играют всё: «Светит месяц» и венгерский «Чардаш», вальс Чайковского и песни Лолиты Торрес. Все, что услышано по радио, входит в домашний репертуар.

Танец

Володе Мензелинцеву сейчас восемнадцать лет. А с пятнадцати он отправился «искать дорогу в жизни». Не поладил с домашними, бросил школу. В общежитии ремесленного училища слыл драчуном. Начал курить, выпивать. Сверстники его побаивались.

Раз увидел Володя, что кое-кто из ребят старательно разучивал в коридоре общежития сложное танцевальное «колено».

— Не так! — самоуверенно пробасил Мензелинцев. А показать не смог. Оказалось, не просто.

— Пойди на Клыкова взгляни,— сказали ребята.

И он пошел с ними во дворец, на занятия танцевального коллектива. Сидел в углу, смотрел.

— Что же ты сидишь? — подошла к нему Наталья Николаевна Карташова, балетмейстер.— Начинай заниматься.

— Не хочу.

— Почему?

— Рост у меня...

— Вот и хорошо. В танце и богатыри нужны.

— Рассказывайте!

— Не старайтесь, Наталья Николаевна,— закричали ребята,— это же Володька Мензелинцев.

«Ну, я вам покажу Володьку!» — подумал он про себя и стал раздеваться.

...Владимир Мензелинцев, слесарь пятого разряда,— главный танцовщик в сюите «Дружба народов».

Слесарь Мензелинцев — хороший производственник. Мастера ставят его в пример молодежи. И когда уральский паренек признается, что не может теперь жить без танца, как и без работы, разве можно ему не поверить?

Вилы в бок

В цехе топливной аппаратуры обеденный перерыв. В красном уголке, помещении с миниатюрным названием и огромной площадью, полно народу. Локтем нельзя шевельнуть. Рабочие только что отошли от станков, и в воздухе стоит запах машинного масла.

Из-за занавеса появился председатель цехкома Борис Михайлович Кобеляцкий:

— Сегодня в гостях у нас «Крокодил». Кое-кому из присутствующих будет неприятно, так что прошу, товарищи, не обижаться.

Александр Матвеевич Клещев, руководитель «крокодильцев», заранее заходил в цех, чтобы взять «на карандаш» кого следует.

Раскрылся занавес, и все увидели совсем недружеский шарж на слесарей Меньшикова и Бродягина.

Следующий номер был с частушкой:

А у нас в бригаде нет
Уваженья к людям:
Все уходят на обед,
А меня не будят.

— Так это же Дугов! Назаров! Захаров!

Зрители смотрят то на сцену, то на группу рабочих, примостившихся за колонной.

Советы предцехкома, разумеется, не помогли. Высмеянные обиделись. Но позже выяснилось, что от этого только польза.

Уральская песня

Нелегко подсчитать, сколько народу с Челябинского тракторного завода занято в художественной самодеятельности. Таких любителей тысячи: актеры и певцы, танцовщики и акробаты, шахматисты, художники, музыканты.

И еще очень любят здесь песню. Поют в хоре участка, цеха, корпуса, поют в капелле, в заводском хоре русской народной песни. Народным хором руководит Аркадий Николаевич Селифанов — энтузиаст и собиратель песенного фольклора. Он знает сотни песен, услышанных впервые на завалинке уральской избы, на подножке полевого вагончика, в деревенском клубе.

С задором поет хор о том,

как под крышей, под стрехой
воробей жил молодой,
сорок раз в году женился,
...холостым себя считал.

Или грустную «Рябинушку», или удалую «Хороша наша Татьяна».

А под занавес обычно звучит гимн родным местам, неповторимым, прекрасным:

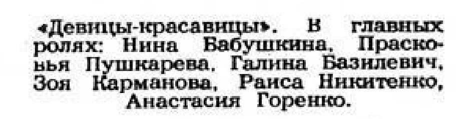
Горы седые, уральские горы
В синем тумане лесов вековых,
Быстрые реки, родные просторы,
Светлые дали озер голубых.

В. ПОЛЫНИН

Фото О. Кнорринга.

Челябинск.

«Девицы-красавицы». В главных ролях: Нина Вабушкина, Прасковья Пушкарева, Галина Базилевич, Зоя Карманова, Раиса Никитенко, Анастасия Горенко.

↓ Выступает «Крокодил».

ЕГО ПУСТОЗВОНСТВО

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рис. Е. Горохова.

Три года Спиридон Иванович Безменов состоял в должности директора областного театра оперетты. Этот директор царствовал, но не управлял опереттой. Душой театра был главный режиссер. Он ставил «Сильву», «Трембиту», «Марицу», а товарищ директор сидел в это время и писал диссертацию «О роли трудовых резервов в системе подготовки кадров для предприятий кирпичной промышленности». В театре с утра и до вечера кипела жизнь. Рисовались декорации, разучивались дуэты. Простак с субреткой пели на репетиции зажигательные куплеты:

Подари мне, крошка, сладкий поцелуй.
Ты со мною, крошка, нежно поворкуй...

И только один директор не интересовался ни пением, ни танцами. Директор сидел, заткнув уши, в своем кабинете и составлял сравнительную таблицу сортности при обжиге инертных материалов учениками школы ФЗО № 12 и школы ФЗО № 13.

— Вы директор оперетты, а не директор кирпичного завода! — сказал Безменову в пылу откровенности главный режиссер театра.— Зачем вы тратите время на эти инертные?

— Хочу стать кандидатом наук,— не менее откровенно ответил главному режиссеру директор и добавил:— Человеку моего положения трудно сейчас без научной степени.

— Хорошо, пусть научная степень, но при чем здесь школы ФЗО? Вы же не работали в этих школах в прошлом и не будете работать в будущем!

— Дело не в работе,— пояснил Спиридон Иванович,— а в материалах. Брат моей жены работает в областном управлении трудовых резервов, а там исключительный подбор ярких цифр.

В областном управлении, повидимому, и в самом деле не было недостатка в ярких цифрах. Спиридон Иванович сумел заполнить ими не только 570 страниц текста своей диссертации, но и положил эти цифры в основу 120 таблиц и 84 диаграмм. И все эти длинные колонки из троек, семерок и девяток были мобилизованы диссертантом для того, чтобы сделать в конце своей работы нижеследующий вывод: школа ФЗО № 12 за время своего существования подготовила для четырех местных кирпичных заводов 915 рабочих, а школа ФЗО № 13 — 922. И хотя выводы пухлой научной диссертации легко умещались в трехстрочной заметке газетной хроники, ученый совет института счел все же возможным присвоить Спиридону Ивановичу степень кандидата исторических наук.

— Да как же было не присвоить! — оправдывался потом председатель совета.— Безменов совмещал учебу в заочной аспирантуре с большой работой в театре оперетты. Человек проявил бездну упорства и усидчивости. Он чертил диаграммы, раскрашивал их...

Не успел Безменов получить степень кандидата наук, как перед отделом кадров облисполкома уже встал вопрос, что делать с этим кандидатом. Положение усугублялось тем, что Спиридон Иванович принадлежал к числу выдвиженцев-неудачников. Когда-то, очень давно, Безменов преподавал в средней школе математику. И вдруг впопыхах облисполком сделал этого преподавателя заведующим роно. Хороший математик оказался плохим заведующим. Ну, что ж, бывает. Руководителям облисполкома взять бы, да и вернуть учителя в школу. А они пожалели его: выдвиженец, неудобно. Дай, думают, испытаем его на другой работе.

И вот с тех пор Спиридон Иванович перебывал в штатах чуть ли не всех городских и областных учреждений. И всюду его учили— где на шестимесячных курсах, а где и на годичных.

— Я не знаю, сколько школ я кончил,— говорит сейчас Спиридон Иванович,— не то семь, не то восемь.

Учеба, однако, не шла впрок Безменову, и он проваливал одну работу за другой. И если раньше отдел кадров кидал Спиридона Ивановича с места на место, не думая, то на дрова, а то в театр оперетты, — то теперь дело значительно осложнилось. Безменов стал кандидатом наук. И хотя звание не прибавило ему знаний, Спиридона Ивановича уже нельзя было кидать. Нужно было направлять. Но куда?

— А что он умеет делать, этот кандидат?— спросил заведующего отделом кадров председатель облисполкома.

— Ничего.

— Так пошлите его в областное отделение Общества по распространению политических и научных знаний.

Так определилась судьба Спиридона Ивановича. И вот уже который год бывший директор театра оперетты именуется во всех областных организациях лектором-аграрником.

Почему аграрником?

При тех странных порядках, которые существуют в областном отделении Общества по распространению политических и научных знаний, от лектора-аграрника, собственно, и не требуются агрономические знания. Лектор должен иметь только текст своего доклада. Безменов предъявил таковой. Председатель общества утвердил его, и новоявленный лектор отправился в вояж по области. И вот на стенах сельских клубов стали появляться афиши:

«Сегодня у нас в гостях кандидат наук С. И. Безменов. После доклада — танцы».

Народ заполняет зал. Еще бы, каждому хочется послушать докладчика из области! Но достаточно только этому докладчику открыть рот, как всем сразу становится очевидным, что на трибуне не научный работник, а школяр-зубрила, который старательно прочитал и старательно переписал несколько ходовых брошюр на сельскохозяйственные темы. И хотя в докладе Безменова не было явных нелепостей, но и пользы от этого доклада не было никакой. Так, обычное сотрясение воздухов. Жвачка из прописных истин. Волга впадает в Каспийское море. Лошади кушают овес. Истины были немудреные, так что свой доклад Спиридон Иванович читал уверенно. Не терялся Спиридон Иванович и после доклада, когда из зала начинали сыпаться вопросы. Другой на месте Безменова давно бы оскандалился. Ну что говорить колхозникам, когда ты ничего не понимаешь в сельском хозяйстве! А Спиридон Иванович никогда не попадал впросак. Он отвечал бойко, придерживаясь старой, проверенной формулы: «Слушали — прорыв. Постановили — бороться».

— Как проводить в этом году сев?— задавали вопрос колхозники.

— На базе передовой агрономии.

— А что это значит?

— Это значит шире применять новейшие методы,— не задумываясь, бросал в зал докладчик и пояснял:— А новейшими методами называются те, которые прогрессивнее старейших.

Характер ответов Безменова был пустопорожним, а его язык— бюрократическим. Казалось, текст лекции писал не пропагандист, а какой-то столоначальник.

— «Главное в яблоне,— читал Безменов с трибуны,— это ее листовой аппарат, а также аппарат всасывающих корней».

Или:

«В сельском хозяйстве нужно использовать удобрения в лице навоза».

— Про навоз мы сами знаем,— говорили колхозники.— А вы лучше б сказали: сеять нам как? На какой глубине?

— Как на какой? Конечно, на должной.

Пять лет лектор-аграрник ездил в Михайловский район и не знал,

а что, собственно, здесь сеют. Но если этот лектор был плохо осведомлен, где по области и что сеют, то зато он хорошо знал, где и чем торгуют. В пристанционном базаре в Снегирях, к примеру, можно было купить для дома по дешевке жареных кур; в Кременьях — глиняную посуду: крынки, кружки, глечики; в Чеботареве — яблоки.

С возрастом у лектора-аграрника сильно развились мелкохозяйственные наклонности. Поэтому, куда бы ни приезжал с докладом Безменов, он прежде всего шел на местный рынок, щупал ситчик, пробовал квашеную капусту. Приценялся, что почем. Если Безменову попадался подходящий товар, он немедля отправлял жене телеграмму:

«Готовлюсь лекции тчк. Срочно телеграфь размер ноги зпт есть бежевые низком каблуке».

Или же:

«Готовлюсь лекции тчк Есть возможность приобрести четырехмесячного поросенка зпт молнируй двести».

Он и в деревню-то ездил, этот лектор, главным образом только после уборки зерна, овощей и фруктов — в июле, августе, сентябре. Ни зимой, ни весной Безменова и палкой нельзя было выгнать из города.

Зимой и весной лектор-аграрник срочно переквалифицировался в лектора-силикатчика.

— В этом нет ничего удивительного,— говорят нам в областном отделении Общества по распространению политических и научных знаний.— У Безменова даже диссертация была связана с кирпичной промышленностью. Вы разве не слышали? Спиридон Иванович — кандидат наук.

И хотя этот кандидат вряд ли смог бы отличить силикатный кирпич от обычного, с ноября по июнь он не только читал заранее написанный текст лекции «О техническом прогрессе», но и бойко отвечал на вопросы аудитории.

— Как силикатчикам добиться высоких показателей?

— На базе передовой техники.

— А что это значит?

— Это значит шире применять новейшие методы... А новейшие методы — это те, которые прогрессивнее старейших...

В этом году жалобы на Безменова дошли наконец до обкома партии, и обком решил послать Спиридона Ивановича еще на какие-то годичные курсы: пусть-де «его пустозвонство» съездит, углубит свои аграрно-силикатные знания.

Зайца снова пытаются учить игре на скрипке. А зачем? Может быть, Безменова было бы лучше послать обратно в школу? Пусть человек учит ребят таблице умножения, если он, конечно, еще помнит ее.

А с трибуны лектора-аграрника пусть выступают люди, у которых есть для этого и знания и призвание.

Слезы Буая

МАЛАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Крокодил Буая однажды захотел переменить место жительства. Он покинул реку и пополз прямиком, без дороги. Так как он не обдумал, куда идти, то попал в безводную местность, где не росло ни дерева, ни кустика. Солнце так пылало, что раскалился даже песок. Крокодил изнемогал от жары. Он лежал без движения и горевал, что пришли его последние минуты. Вдруг он заметил, что по тропинке идет подросток. Обрадованный Буая позвал его:

— Гей, дружок, подойди-ка ко мне!

Юноша ничуть не испугался. Он приблизился и спросил:

— Что тебе от меня надо?

С притворной кротостью Буая сказал:

— Я вижу, что ты храбрец и герой. Ноги твои стройны, как стволы пальмы, а мускулы на твоих руках крепки, как корабельные канаты. Наверное, и сила в тебе большая, и ты не сочтешь за труд мне помочь. Я исходил много дорог и так устал, что мне уже не добраться до реки. Для тебя это сущий пустяк, отнеси меня к воде. Сделай это, и я буду благодарен тебе и щедро тебя вознагражу.

Юноша был беден. Он подумал: «Если я заработаю хоть немного денег, то смогу, кроме риса, купить еще какой-нибудь приварок. Почему бы мне не снести крокодила к реке?» И сказал:

— Хорошо, дедушка Буая, я тебя отнесу.

Он взвалил крокодила на спину и потащил его, напрягая все силы, к реке. Но когда он положил крокодила на берегу, тот взмолился:

— Разве ты не мог бы сделать еще два — три шага и внести меня в самую воду? Ведь мне так трудно ползать по земле...

Благородный юноша, шатаясь под своей ношей, пронес крокодила еще немножко и опустил прямо в воду. Теперь он спросил:

— Ну, а как с обещанной платой, Буая?

Крокодил пролил слезу и сказал:

— Видишь, как я растроган? Ты не можешь не признать, что я воздаю тебе добром за добро. Мне ничего не стоило схватить тебя и съесть. Но я этого не сделаю и ограничусь всего лишь тем, что откушу одну твою ногу...

Юноша возмутился и воскликнул:

— Как?! Я спас тебя от смерти и с трудом дотащил сюда, а вместо обещанной награды ты еще собираешься...

— Ох! — перебил его крокодил, и из его глаза выкатилась еще одна слеза.— Ты не ценишь благородства души

моей, я мог проглотить тебя целиком, с кожей и волосами, но не сделал этого. Если я довольствуюсь всего лишь одной ногой, разве это не великое благодеяние?

Только теперь бедный юноша понял, в какую он попался ловушку. Он стал громко поносить крокодила за коварство. Крокодил ревел, осыпая ругательствами юношу; поднялся такой шум, что проснулась цапля Бангау. Она как раз перед тем проглотила жирную рыбу и, стоя на одной ноге, сладко дремала после обеда. Цапля поскорее опустила вторую ногу, твердо уперлась в дно и воскликнула:

— Гей, вы, что вам там надо? Что за крик?

Юноша рассказал цапле все, что случилось, и попросил ее рассудить их с крокодилом.

Бангау задумалась. Потом сказала:

— Откровенно говоря, я не уверена, вправду ли все это было? Неужели ты смог нести на себе такого тяжелого крокодила? Докажи мне сначала, что ты на самом деле можешь это совершить, и отнеси крокодила туда, откуда ты его принес.

Буая смекнул: «Ну, у мальчишки, пожалуй, не хватит сил. Цапля Бангау его посчитает лгуном, а меня оправдает». И он сказал:

— Я покоряюсь твоему мудрому решению, о Бангау!

Юноше пришлось снова взвалить крокодила на спину и тащить его. А Бангау, полная достоинства, важно шагала позади.

Наконец добрались они до места, и юноша сбросил крокодила на песок. Цапля спросила:

— Это ли самое место, Буая?

Крокодил подтвердил. Цапля продолжала задавать вопросы:

— А смог ли бы ты спастись сам, без его помощи? Скажи правду, Буая?

Крокодил ответил смиренно, истекая слезами:

— Нет, госпожа цапля, один я бы пропал здесь.

Цапля, подумав, решила:

— Тогда пусть юноша скажет, хочет ли он тебя теперь выручать?

Но юноша только засмеялся в ответ:

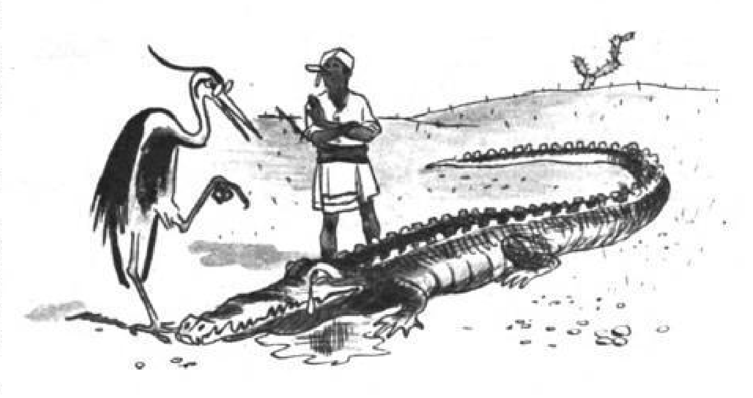
— Лицемера, обманщика, который не только не держит свое слово, но еще хотел сделать меня безногим калекой? И это после того, как я спас его! Нет, такому я во второй раз помогать не стану...

И юноша с цаплей удалились, оставив крокодила лежать на горячем песке.

Вот с тех самых пор стали называть слезы притворщика крокодиловыми слезами, а малайцы просто кличут лицемеров и негодяев именем Буая.

Перевела М. ЮФИТ.

Рисунки Е. Ведерникова.

Солистка оперы К. В. Леонова, дирижер Г. Н. Дугашев и режиссер Л. В. Баратов рассматривают альбом, присланный голландским цветоводом.

ТЮЛЬПАНЫ «БОЛЬШОЙ ТЕАТР»

Недавно Главный ботанический сад Академии наук СССР получил посылку из Голландии. В ней оказалось 300 луковиц тюльпанов — дар от голландского селекционера Д. В. Лефебера.

Присланные луковицы получены в результате скрещивания старых российских тюльпанов со старыми дарвиновскими. Тюльпаны выросли большие, крепкие, красивого красного тона. Д. В. Лефебер присвоил им имя «Большой театр», в знак признательности советским артистам, которыми он восхищался, когда приезжал в Москву.

Д. В. Лефебер прислал также в подарок Большому театру СССР альбом цветов. По просьбе голландского цветовода тюльпаны «Большой театр» будут высажены в сквере у Большого театра.

М. ЛАПИН

Поимка тунца

Из Кобулети, Аджарской АССР, рыболовецкий сейнер «Язь» под командованием капитана М. Димитриева отправился в море на добычу ставриды. Был сделан замет. Заработала неводовыборочная машина. Вдруг вода закипела: из кошелькового невода выскочила огромная рыба и снова скрылась.

...Все туже и туже стягивался невод, и наконец в одном из его углов был обнаружен запутавшийся в сетях большой тунец. Он был длиной 2 метра 70 сантиметров и весил 354 килограмма.

Тунцы водятся в теплых водах Атлантического и Тихого океанов. В Черное море они заходят из Средиземного, гоняясь за косяками ставриды. Мясо тунца очень жирно и вкусно.

На снимке: сын рыбака маленький Роланд оседлал выловленного тунца.

Н. АНАСТАСЬЕВ

Батуми.

Афганские шутки

КТО ИЗ НАС БОЛЕЕ ВЕЛИК?

Однажды человек подумал: «И землю и небо — все бог создал для меня. Значит, бог создал меня самым великим из всех существ». Тут прилетел комар, сел человеку на нос и пропищал:

— Не гордись тем, что бог создал землю и небо для тебя. Ведь самого-то тебя он создал для меня. Так кто же из нас более велик?

ОТВЕТ СКРЯГИ

Некий человек дружил с одним скрягой. Однажды он сказал ему:

— Я собираюсь отправиться в путешествие. Одолжи мне свою палку. Всякий раз, как я взгляну на нее, вспомню о тебе.

Скряга ответил:

— Коль ты хочешь вспоминать меня, то лучше, если у тебя будут пустые руки, потому что каждый раз, как увидишь, что у тебя в руках ничего нет, обязательно вспомнишь обо мне: я, мол, просил у такого-то палку, а он мне не дал!

ЧТО В ЛОБ, ЧТО ПО ЛБУ...

Один падишах увидел во сне, что у него выпали все зубы. Вот он вызвал астролога и спросил, что означает этот сон. Тот ответил:

— О великий повелитель, все твои дети и родственники умрут раньше тебя.

Падишах расстроился и заключил астролога в темницу. Через несколько дней он вновь потребовал его к себе и опять спросил о значении своего сна.

— О падишах,— ответил астролог, — ты будешь жить гораздо дольше, чем все твои дети и родственники.

Падишах засмеялся и наградил находчивого старика.

БУДЬ ДОВОЛЕН И ТЫ СЛОВАМИ!

Один поэт в своих стихах восхвалял богача. Тот был очень доволен и как-то сказал поэту:

— Друг, денег у меня нет, а вот зерна много. Приходи завтра, я тебе дам кое-что.

Поэт пришел на следующий день. Богач спросил:

— Зачем ты пришел?

— Ты говорил, что дашь мне зерна, вот я и пришел.

Богач сказал тогда:

— Ты порадовал меня словами, так будь доволен и ты моими словами. А к чему мне давать зерно?

Поэт ушел не солоно хлебавши.

Перевела с пушту
Людмила ЯЦЕВИЧ.

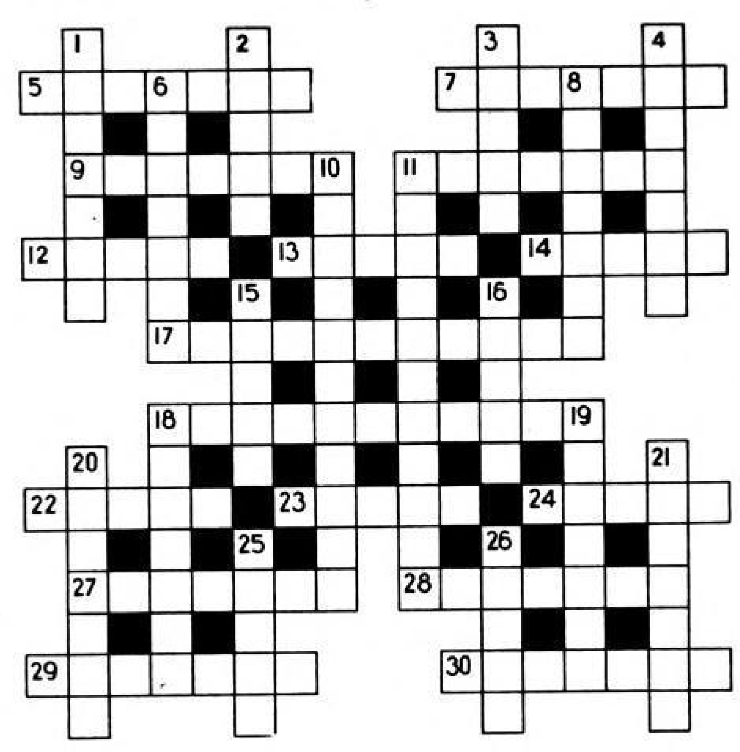
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Город в Германской Демократической Республике. 7. Мыс в Норвегии. 9. Независимое государство. 11. Сплав с большим электрическим сопротивлением. 12. Плод. 13. Хлебный злак. 14. Город на Украине. 17. Изображение на прозрачном материале. 18. Мнение. 22. Полное затишье на море. 23. Спутник Сатурна. 24. Сильный вихрь. 27. Род эфирномасличных растений. 28. Приток Волги. 29. Разменная монета в некоторых государствах. 30. Корабль.

По вертикали:

1. Многолетнее волокнистое растение. 2. Водопад в Карело-Финской ССР. 3. Состязание в скорости. 4. Музыкальный инструмент. 6. Аппарат для замедления скорости падения. 8. Минерал, содержащий кальций и магнезию. 10. Учение о законах равновесия воздуха, газов. 11. Указание, нравоучение. 15. Вид искусства. 16. Шарф. 18. Хлопчатобумажная ткань. 19. Охотник из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 20. Форма типографского набора. 21. Ров, окоп. 25. Журнал. 26. Река во Франции.

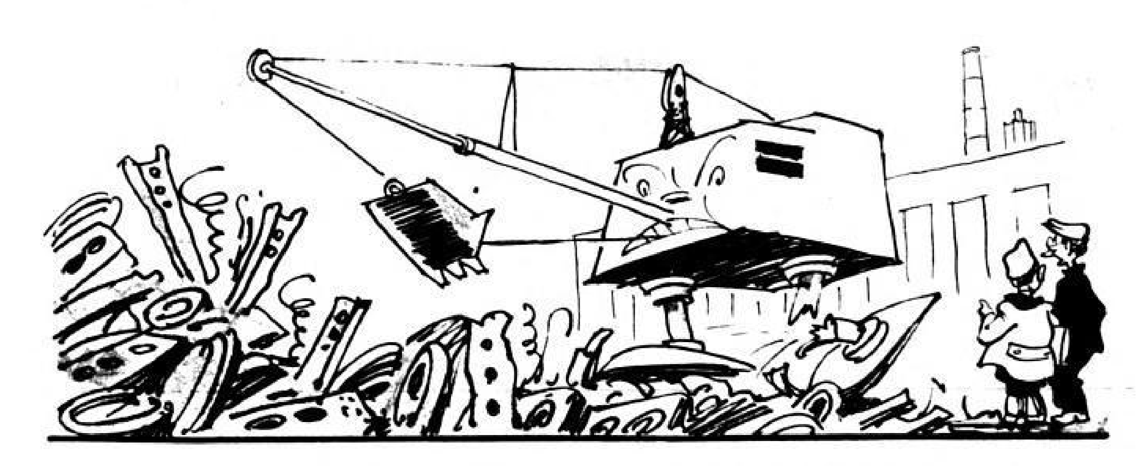
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

4. Курок. 9. Селектор. 10. Одеколон. 11. Отдел. 12. Штраус. 13. Оборот. 14. Скопа. 17. Крапива. 20. Нахимов. 22. Новелла. 24. Награда. 25. Генерал. 26. Палатка. 27. Фуражка. 30. Наталка. 33. «Дойна». 35. Картер. 37. Галлий. 39. Шрифт. 40. «Накануне». 41. Образцов. 42. Сапер.

По вертикали:

1. Сектор. 2. Вена. 3. Стасов. 4. Кросс. 5. Колба. 6. Пехота. 7. Поло. 8. Золото. 15. Ковалло. 16. Полутон. 17. Кенаф. 18. Ангар. 19. Анапа. 20. Наган. 21. Марал. 22. Волна. 28. «Ураган». 29. Корпус. 31. Ангара. 32. Клинок. 33. Дюшес. 34. Автор. 36. Ткач. 38. Лазо.

— На нашем заводском дворе даже шагающий экскаватор ногу сломает!..

Рисунок Е. Черепанова.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин Дрезденской галереи и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 00740. Подп. к печ. 23/II 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 175. Заказ 146. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Цена номера 3 руб.

СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ!

Помните, что оставленные без присмотра горящие керосинки, примусы, электронагревательные приборы и топящиеся печи могут привести к пожару.

Будьте осторожны с огнем!